

Мартин
БРЕСТ

ПЕЖОТА
ТЕРРИКОНЫ
3

Мартин
БРЕСТ

ПЕХОТА
ТЕРРИКОНЫ
3

«ДИПА»
Київ
2019

УДК 821.161.1(477)'06-311.6
Б87

У вас в руках третья книга Мартина Бреста из цикла «Пехота». Книга, где вы увидите обе стороны этой войны, и поверьте — вы будете о-о-очень удивлены.

Он пишет легко и как будто просто. «Как будто» — потому что писать просто всегда очень сложно. Одной из главных особенностей его текстов является умение вызвать чувство сопереживания у читателя. Они затягивают, погружают, помогают влезть в шкуру автора и прочувствовать и его злость, и радость, и страх, и боль, и бесшабашность, и любовь, ну и самое главное — ощущение боя. Но никакая военная проза не может жить без юмора, и автор очень удачно передает широко распространенные на передовой шутки и взаимные приколы в многочисленных диалогах героев его книги.

Редактор *Jeanne Ingbert*

Художник *Михаил Гутман*

*Я хочу посвятить эту книгу моей жене,
самой любящей и любимой девушке на свете,
которая несмотря ни на что — дождалась.
Как дождались еще десятки
тысяч таких же любящих
и любимых.*

Спасибо вам.

ТЕРРИКОНЫ — отвалы «породы», вырубленной в шахтах и сваленной грудями на землю Донбасса, ставшие местами боевых действий, такими же, как и посадки, дороги, мосты и промзоны моей родины.

ОТ АВТОРА

Все-таки треба дать немного пояснений, чтобы не вводить уважаемого читателя «в оману». В отличие от первых двух книг — события этой являются... и вот тут я хотел бы сказать «художественным вымыслом», и это будет так же неправильно, как и назвать их «мемуарами». Нет, не так. Да, львиная доля того, что относится ко второй роте сорок первого отдельного мотопехотного батальона, является происшедшим в действительности, но и остальные сюжетные линии, хотя и происходили совсем не здесь и не сейчас — тоже были ровно такими же. Я объединил несколько историй в одну, используя абсолютно реальные имена, позывные, родственные отношения и социальный статус героев — при этом поменяв место действия и, собственно говоря, время. Таким образом, я писал о совершенно типичном Донбассе и совершенно типичных Збройних Силах України образца конца пятнадцатого — начала шестнадцатого года, воевавших на этих территориях этой зимой, как воевало еще четыреста километров переднего края. Моя книга — не обо мне. Она о... а какого хера я буду рассказывать заранее? Вы увидите, о чем она.

Я хотел бы сказать спасибо всем людям, которые стали героями этой книги. Нет, вру, не всем... хотя и это вы тоже увидите.

С уважением,
Мартин Брест,
пехота, 41 омпб/72 ОМБр.

Кривых зеркал королевство.
От мрачной реальности бегство.
Впитал песок кровь героев.
Забыт их подвиг...
А кто я?!
Изгой?
Наивный мечтатель?
Не свой?
Немой?
Иль предатель?
Укор отары овечьей.
Их много.
Больше.
Не счесть их.
В загоне теплые стены.
И мягко стелят им сено.
Здесь есть корыто с похлёбкой.
Не надо думать. И лёгкий
Испуг почти растворился.
Кошмар!..
А был ли?!
Забылся.

А воля?!.

На воле звёзды!
И холод.
На воле вой, гарь и голод.
За волю надо вгрызаться.
Без сердца, кожи остаться.
Пройтись по углям горящим.
Себя терять, и незрячим

Идти на встречу рассвету.
Не веря — страха тут нету.
Как нет пустых обещаний.
И бесполезных прощаний.
Не просят воли у Бога!
К ней только боли дорога.
В ней только битв отголоски.
И колоски...
И этапы.
Расстрелы мамы и папы.
Враги народа.
Война.
Души поэта подмена.
И...

Неважно.

В загоне теплые стены.

*Володимир Шевченко
20.09.2019. Київ. Метро.*

#потік_свідомості

Глава 1.

МИНУС ДВАДЦАТЬ

... Каждая из этих историй могла произойти по отдельности, а могла пересечься с другими, стать частью чего-то большего. Хотя наверняка эти события, как и те, которые описаны в доброй сотне ветеранских книг — уже часть истории, истории забывающейся, вытесняемой из информпространства, хотя война еще не закончилась. Главное, помнить, что все это — выдумки воспаленного мозга автора, не имеющие, само собой, ни хрена общего с реальностью.

Конечно-конечно. Само собой.

* * *

*Декабрь 2016, Донецкая область,
Волновахский район,
1,5 км севернее околицы села Новотроицкое.*

ТАНЦОР, он же ВАСИЛИЙ. ВОП 72103.

...а на трассе никого почти и не было. Очередь машин со стороны Донецка, обычно втыкавшаяся в наше КПВВ, сегодня отсутствовала напрочь, и даже редкие, обильно парящие выхлопом легковушки не нарушали прекрасного белого безмолвия, упавшего на окрестности самого северного взводного опорного пункта в самом южном секторе «М».

Бо холодно. Минус двадцать ровно, даже градусник не врет, и при этом — ни малейшего ветерка, ни облачка, солнце заливает бесполезными, ни черта не греющими лучами невспаханное поле, КСП роты, замерзшие машины, замерзших людей, замерзший и застывший мир Донбасса. Красиво. Почти хорошо.

Вася спустил ноги с койки и пошевелил пальцами в носках. Носки были такие... эээ... «бабушкины», вязаные толстой ниткой, высокие, теплые, в этих носках хотелось переступить дома по холодному кафелю кухни, ожидая, когда булькающая кофеварка нальет в высокую чашку горячий сладкий кофе. Носки были очень домашние, и в принципе ничего домашнего вокруг больше не было.

Кунг за ночь выстыл напрочь. Рыжие «таланы» примерзли к фанерному полу, лезть в них не хотелось, волонтерская буржуйка, которой полагалось уютно полыхать, разгоняя по кузову ЗиЛа тепло, понуро подымала остывшую трубу и как бы намекала: «Нихера, дорогой мой товарищ лейтенант. Тепла не будет». Дров возле буржуйки тоже не было. И все равно — было как-то удивительно хорошо.

Вася вздохнул, еще раз покосился на ботинки и решительно откинул спальник. Потянулся к узкой дощатой наре,

закрепленной поперек кузова, ближе к кабине, и дернул за штанину «зимнюю горку». Штаны были грязноватые, но теплые, и самое главное — они были на подтяжках, высокие, они закрывали поясицу и, в принципе, были удобными. Под штанами лежала кобура. Пустая, бо пистолет был под подушкой.

— Мартиииин, — равнодушно произнес Вася в пространство и завоzilся, натягивая штаны поверх пропотевшей термухи. — Мартииин.

— Не буди меня, — донеслось из-под огромного зеленого пухового спальника, грудой лежащего на соседней койке. — Я сплю. После тяжелого и ответственного наряда.

— Мартииин!

— Бля. Ну шо?

— Буржуйка згасла.

— То пальне закончилось. Заправить треба.

— То йди, наколі і заправь.

— Там холодно. — Из спальника, причем совсем не из того места, к которому обращался Вася, показалась всклокоченная голова. — И скучно.

— Мартін, йди за дровами, це бойовий наказ, тобі цілий лейтенант приказує! — Вася наконец-то натянул штаны и решительно сунул ноги в носках в берцы. Термоноски, говорят, с этими мембранными рыжими чудовищами носить надо... та где ж их взять-то? На рынке в Новотроицком чего-то не продают.

— Єслі боевой наказ — вимагаю оформіть письмово в строк двадцяти чотирьох годин, — тут же ответила голова и спряталась в спальник. — Та забезпечити всім необхідним для виконання, згідно вимог Статуту та керівних документів, — глухо донеслось вдогонку.

— Сукаааа... Навчив на свою голову. — Вася решил отодерать ботинки от пола. Ботинки сопротивлялись. — Вставай вже, знавець. Пошли хавать, полдевятого часи пробілі.

— Полдевятого? Не гоні, я в пять тока заснув.

— Не пізді, смена в четири закончилась. — Вася затоптался на месте, переступая ботинками, и начал искать глазами флис-

ку. На полке из патронного ящика, криво прибитой над головой Мартина, закачался телефон со вставленным кабелем от пауэрбанка.

— А в фейсбуке пошариться?

— А, ну тогда конечно, тогда всё понятно. Це ж самое главное. Короче... бля, де куртка?

— На вешалке, под моей.

— А, точно... Короче! Вставай, пошли хоть каву наварім. Погода — супер.

— Не, мне нравітся ето «наварім»! Я ж буду варіть, как всегда. Може, тебе навчити? — Спальник беспорядочно ворочался, телефон угрожающе раскачивался.

— Не командирське це діло — каву варіть особовому складу, — гордо ответил командир роты и с интересом посмотрел на телефон. Подумал, протянул руку и пододвинул его поближе к краю. — Кстати. Вопрос. Почему мы с тобой на вот этом странном недосуржике разговариваем постоянно?

— Хмммм... — Мартин снова высунул голову и прищурился. Машинально пригладил волосы, заехав локтем в зеленую стенку кунга. — А ведь точно. Это, мабуть, тлетворное влияние Ярика. Заметь, у нас из двадцати человек семнадцать — русскоговорящие, но все тут же подхватывают... подхватывают этот суржик. Интересно, почему?

— Вот пойдём, поставим... поставишь каву — и обсудим. — Вася распахнул дверку. В глаза ударили лучи позднего декабрьского солнца, отражающиеся от белого-белого снега. — Красиво тут.

— Ммммм... — Мартин задумался, пожевал губами, зачем-то высунул руку и помахал в воздухе. — Не. Не пойду. Ёбала жаба гадюку. Спать хочу.

— Ладно... Пойду сам балона включить, еслі газ есть. Не скучай тут! — Командир шагнул из кузова, снег как-то очень картинно скрипнул, зашуршал, взметнулся облачком и опал невесомыми снежинками. Тишина.

— Не трогай балона, бо вграеш! — раздался крик из-под спальника. — Там вентілю пізда, тре рукой поджимать! На

буржуйке варі! Бля... Щас... Балона, балона не трогай, газ стравіш!

Вася сделал шаг, ухмыльнулся, развернулся и пнул ногой кунг. Над койкой телефон последний раз качнулся, соскользнул и, увлекая за собой белую пауэрбанку, рухнул вниз, прямо на нос Мартину. Аж слезы брызнули. Следом прилетела тяжелая пауэрбанка. Вася заржал и потопал к КСП, зачем-то прислушиваясь к этому прекрасному скрипу под ногами.

— Бля!.. Сукааа... Ну вот нахера! Я ж і так вже вставать собірався! Ууууу, мля, я тебе ето запомню!.. — раздавалось из кунга, вместе с шуршанием спальника и кряхтением. — Я тебе це так ето запомню — ти оху... І не трогай балон!

До КСП идти было аж метров двенадцать, это капитальное здание выросло как летняя пристройка ко входу в один из блиндажей. Даже с дверью. Палки, доски, волонтерские баннеры и гордость взводного опорного пункта номер семьдесят два сто три — стол в виде барной стойки. Перед столом стояли три высоких дубовых спиля, а за ним — лавка, аккуратно застеленная серым засаленным одеялом. Дальше, в углу в мерзлую землю был врыт низкий кривой столик с ноутбуком, на который была выведена картинка с камеры, стоявшей на самой верхушке террикона. Камера не работала. Буржуйка, находящаяся ровно посередине помещения, тоже.

— Мдааа... — проворчал Вася и зачем-то пнул теперь и буржуйку. — Будет интересно.

— Кто? — из-за ноутбука показалась зеленая трикотажная шапочка, натянутая на голову Феде, за ней — и сам Федя. — А. Привет, командир.

— Привет. Чего в холоде сидишь?

— А толку топить? — сказал Федя и замолчал. Федя вообще мало говорил.

— Шоб тепло було, — терпеливо объяснил Вася.

— Так... Нету ж никого. А мне не холодно.

— Логично. Хоть и странно.

Федя пожал плечами. Федя вообще был большой, сильный, постоянно молчал и... мне кажется, он был из тех людей, на

кого можно положиться. Он разбирался, делал, молча и без лишних указаний чинил то, что мог починить, и даже доливал бензин в генератор без напоминаний. Федя имел позывной «Скорпион», служил «срочку» в спецназе, не обладал чувством юмора в общем понимании этого слова, имел хороший настрел из ГП-25, РПГ разных моделей и даже ПТУР-а, да и из своего АКМ-а не стеснялся отлично попадать, и поэтому, само собой, по воле военкомата он попал служить — куда? — правильно, в пехоту. Логика назначений военкомата вообще всегда лежала за гранью понимания, но в этом случае где-то в глубине души Вася был благодарен военкому Соломенского района в Киеве именно за Федю.

— Знаешь, Скорпи, я даже в чем-то благодарен военкомату за то, что прислал нам именно тебя, — задумчиво сказал Вася и полез взгромождаться на лавку. Лавка скрипнула, но выдержала.

— Не перехвали. — Федя смутился и снова уткнулся в черный экран ноутбука. Лежавшие рации молчали.

— Тебя или военкома?

— Всех.

— Тебя-то ладно, а вот военкома перехвалить не выйдет. Потому что где-то там бездоганна военная система отбора дала ошибку, и следом за тобой мне прислали Мартина.

— Ты ж вроде сам его намутил в нашу роту... — нахмурился Федя.

— Эххх... — вздохнул ротный. — Это шутка, дорогой мой. Джоук. Надо смеяться.

— Мда, — буркнуло из-за ноута, и одновременно с этим распахнулась дверь.

— Бааааажая здоров'я, товарищі офіцери! — гаркнул, вваливаясь, Мартин и закашлялся.

— Бармен, кофе! — тут же откликнулся Вася и пощелкал пальцами. Не помогло.

— Не ори, не дома, — поморщился Мартин и начал застегивать точно такую же, как на Васе, зеленую куртку. Молния явно застряла. Мартин чертыхнулся, поднял голову и с подозрением уставился на Васю. — Ты балона не трогав?

— Не трогав, не трогав я твого балона, успокойся вже.

— Скорпи, он балона трогав? — тут же продублировал Мартин свой вопрос ноутбуку. Ноутбук покряхтел, но промолчал. — Смотри мне. Як уграєш балона — кави больше не будет. Ні-каг-да.

Кофе всегда был отдельным фетишем Збройних Сил, отдельной статьёй расходов и отдельной церемонией. Всегда, на любом опорнике или позиции, в любом штабе, если вы были желанным гостем — вам тут же предлагали кофе. Это мог быть итальянский продукт из волонтерских посылок, сваренный в шикарной джезве по всем правилам кофейного мистецтва, или же мерзкая растворимая «Галка» из сухпайка, но кофе предлагали всегда, часто даже и не спрашивая, а просто вынося парящие разновеликие чашки, стаканчики и прочие плохо отмытые емкости. Иногда к кофе предлагали «военную сгущенку» и всегда — какое-то ужасающее количество сахара.

Если кофе вам не предлагали... ну, звиняйте. Скорее всего, именно вас и именно в этом месте видеть не хотели. Вообще с законами гостеприимства тут все было попроще, чем на Большой Земле, эдакая смесь радушия и искреннего, какого-то детского любопытства. Странно, да?

МАРТИН, он же Мартин. ВОП 72103.

Странно, да? Снилось что-то неявно-хорошее, теплое, веселое. Может, даже дом, но даже сейчас, через считанные минуты после просыпания, я уже ни черта не помнил, ласковый сон ускользал, исчезал из памяти, и холод, пробирающийся под спальник длинными мерзлыми пальцами, только ускорял эту странную деменцию.

Я потер локоть, ушибленный об стенку, в очередной раз подумал, шо треба примастрячить какой-то каремат, чтобы так сильно не вытягивало тепло, и поморщился. Пауэрбанка, так удачно стукнувшая меня вслед за телефоном, потонула в складках теплющего спальника, и словами «не хочу вылезать» было вообще не описать всю гамму эмоций. Не хочу вылезать, а придется — опорник просыпается, и даже тут, в кунге, слышны какие-то далекие разговоры, вскрики, смех и лающий утренний кашель.

Кстати о кашле. Я потянулся на полку, вслепую пошарил, рискуя уронить на себя еще и зарядку с рацией, и нащупал пачку командирского «Мальборо». Кучеряво живет товарищ лейтенант, сигареты с фильтром курит, «па-багатому», тре раскулачивать. Зажигалка... зажигалка лежала у дверей. К зажигалке синей, самой крепкой изолентой была примотана какая-то веревка, привязанная к очередной неизвестной военно-механической фитюлине внутри кунга, и таким нехитрым образом зажигалку невозможно было утащить в кармане. К сожалению, чтобы добраться до зажигалки, закурить понтовые «Мальборо» и покашлять в свое удовольствие, все-таки надо было вставать.

Берцы были просто невероятно ледяными. Я выдернул из-под подушки штаны на синтепоне, сунул в них ноги, выдохнул и решительно привязал к ногам ботинки. Ботинки были на меху, в них было гораздо теплее, чем в рыжих «таланах», и не приходилось, как Вася, напяливать бабушкины носки. Правда, две пары «житомирских утепленных» согревали ноги, только если не ходить. Бо при ходьбе ноги потели, носки намокали, и ступни тут же охватывала мерзкая сырость. Кстати, тре сегодня в Новотроицкое скататься, если выйдет, поступить истинно по-военному з метою борьбы за нижние конечности — купить обычных женских, самых больших прокладок. И на стельку. Прокладки отлично впитывали влагу и спасли уже не одну пару мобилизованных ног. Прекрасная все-таки идея кому-то пришла в голову с этими прокладками, дай ему Бог здоровья, теперь все Збройні Сили пользовались.

— Шо тут? — в дверном проеме кунга появилась всклокоченная голова Механа. Механ был без шапки, Механ сжимал в зубах сигарету, Механ был возбужден и одновременно печален.

— И тебе здрастуй, Васенька, надежда і опора другої мотопіхотної. Шапку вдень, менінгіта надує, — вежливо сказал я и быстро засобирался. Где телефон? А, тью, вот он, на койке валяется. Уууу, заррраза, до сих пор больно...

— Привіт. То мені мене... менін... той херні не надує, воно мене не бере, — радостно улыбнулся Механ. — То ти йди вже, я хочу ЗіЛа завести, хай помаслає.

— Ухожу-ухожу, — я выскочил из кузова, тут же подскользнулся и замахал руками, пытаюсь удержаться. Удержался, но телефон улетел в снег. Мдаааа, не везет ему сегодня, как ни крути. — Фу, мля! Васюм, зглазіл, йопт! Давай вже заводь свою шарманку, тока дверку прікррой, як вихлоп навоняє — коммандер волать буде.

— Та то ж на тебе, не на мене... На тебе най волає, — философски протянул Механ, последний раз вкусно затянулся и выплюнул бычок четко мне на ботинок. Улыбнулся, хлопнул дверкой и пошел к кабине грузовика, смешно переваливаясь в своих «дутиках».

Я вытащил телефон из снега, попытался его вытереть, вздохнул, вернулся и подкурил первую за день сигарету. Надо ж и покашлять, да? Пойду на КСП, каву наварить тре, а то этот специально обученный доблестный командир с меня не слезет, к гадалке не ходи.

— Бажаю здоров'я, товарищі офіцери! — вежливо сказал я и кашлянул, протискиваясь в дверь. Слушай, а холодно все-таки, и молния на куртке загнула — ну вот как назло, а?

— Бармен, кофе! — Вася, уместившийся, как обычно, за нашим шикарным столом, тут же начал изображать из себя хозяина жизни.

— Не орі, не дома, — буркнул я, сражаясь с молнией. Вот бля, ну шо ж такое, тока отечественную шмотку купишь — все, капец, фурнитуре гайки. Пороблено им, чи шо? — Ти балона не трогав?

— Не трогав, не трогав я твоего балона, успокойся вже. — Ротный принял вид оскорбленной невинности и заерзал на лавке. Точно, барин решил кофию испить.

— Скорпи, он балона трогав? — засомневался я, заглядывая за убитый ноутбук. Большой Федя завозился и попытался стать поменьше, чтобы спрятаться за компом. Федя не любил разговаривать, и, глядя на нас со стороны, я его понимал. Дурнуватые зубоскалы, неугомные в своем примитивном остроумии.

— Смотри мне. Як уграєш балона — кави больше не будет. Ні-каг-да, — я обернулся к Васе. Вася не ответил, сохраняя вид оскорбленной невинности.

На улице зачихал ЗиЛ. Стартер проворачивал что-то там в потрохах машины, натужно ерзал, жужжал, но чудо советского автопрома отчетливо отказывалось заводиться. Еще, еще — и с каждым разом эти провороты были все тише, все медленнее, все безнадежнее, пока от них не остались только щелчки, как-то удивительно четко звучащие в вымороженном воздухе.

— Аккум сел, — сказал я и потянулся за баллоном. Поднял красную замерзшую сосудину, поболтал — есть еще газ, есть, можно чайник вскипятить.

— Сержант-очевидность, — фыркнул Вася и заелозил руками по столу в поисках сигарет.

— Младший сержант-очевидность, — возразил я и кинул ему пачку его же сигарет. — На, покури господских. Най в тебе не за це голова болить, кстати.

— А за шо? — теперь Вася искал зажигалку. Федя пыхтел за ноутом, пытаясь поудобнее устроится на ящике из-под ОГ-7.

— А за то, шо сейчас мінус двадцать, на секундочку!

— Я виноват?

— Ночью было минут двадцать пять, — Федя высунулся из-за ноута, выдал эту бесполезную, в принципе, информацию, и спрятался обратно.

— Ти не в етом віноватий, — с наслаждением сказал я и еще раз потрусил баллон. За тонкой стенкой из баннера замолкли щелчки ЗиЛа. — Ти віноватий в том, шо у нас тока шо не завівся ЗиЛ.

— Неожиданно, — задумчиво сказал Вася и помахал рукой в воздухе, разгоняя дым.

— Ага. А теперь давай думать, який шанс...

— Бля, — тихо произнес командер и потянул из кармана рацию.

— ...на то, шо заведетса ще хоч шо-то, — торжествующе закончил я и поджег шипящую струйку газа из рассекателя.

— Бля! — уже громче повторил Николаич и забубнил в рацию.

— Мотопехотная рота без приставки «мото», — временно перешел я на русский, осторожно поставил новенький белый чайник и потянулся за шестилитровкой. — Бля, вода закончилась. Меххааан! Мееееехааааан! Йди сюди, командер буде тебе задачу ставить! Та йди вже, буде не больно!

Но было больно. На взводном опорном пункте номер 72103 в этот день не завелась ни одна единица техники. Пацаны ругались, кричали, снимали аккумуляторы, несли их в блиндажи, заряжали, выносили, ставили... и она снова не заводилась. Прекрасное дизельное топливо, залитое скупой рукой начальника склада ПММ, уверенно не хотело загораться в дряхлых

движках БМП-1, Уралов и командирского «лендровера». Оно густело прямо на глазах, и всякие доливания бензина и присадок, заговоры, молитвы и боевые проклятия не помогали никак. Бензиновые ЗиЛы тоже выкобенивались, и мы понимали, что вот сейчас, вот на данный момент наша рота численностью аж двадцать человек полностью потеряла мобильность. В ноль. Любая боевая задача, которая могла бы быть поставлена штабом и связанная с каким-то перемещением, иначе, чем на натруженных ногах військовослужбовців, призваних за мобілізацією, была бы не выполнена.

Однако мы не были бы пехотой, если бы наша армейская жизнь, жизнь странных и абсолютно невоенных людей, при этом поставленных страной на передний и очень холодный участок обороны, не была бы пронизана странностями. Да, тогда они казались нам вполне логичными — и только через много месяцев я пойму, как же нам постоянно везло. Как повезло и сейчас, потому что несколько дней назад на моей машине, дизельном Мерседесе-Вито, состоявшем в основном из ржавчины, мышей и разных колес, поломался стартер. Поэтому, в ожидании волонтерской посылки с этой штуковиной, мы просто не глушили бусик, он шелестел эти дни на холостом ходу возле второго блиндажа, с подложенными под колеса дровеняками, и пацаны залезали туда погреться, покурить и поболтать с семьей по телефону.

К вечеру третьего декабря две тысячи шестнадцатого года эта машина осталась единственной работающей у нас и, возможно, вообще на нашем участке лінії бойового зіткнення.

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне».

— ...вот нахера ты ее с собой таскаешь?

— Нравится.

— Все равно ж стрелять не будешь.

— Че это?

— Бля... совсем дурной, да?

— Рот закрой, веселый. Шо там?

— Ничего. Тусуются. Топят. Сцуко, холодно-то как...

Рядом с лежкой еще осенью отрыли маленький такой окопчик, глубиной сантиметров так тридцать, ну и шириной в полметра, не больше. Боцман называл его «могилкой» и страшенно не любил туда ложиться, хотя второй номер секрета мог по-честному позволить себе отдохнуть добрый час, а то и полтора. Сейчас, правда, точно лезть в «могилку» смысла не было никакого — ямка была засыпана снегом, а в снегу было холодно. Да везде было холодно, честно говоря.

Секрет был нужный, но нудный. Ночью в нем вообще смысла никакого не было, именно поэтому, наверное, Боцман и Жека ходили сюда на сутки весь сентябрь, октябрь и почти половину ноября, и только потом кому-то или в комендатуре, или в командовании батальона пришла в голову светлая мысль «а за чем?». Секрет перевели на «дневной стационар», но от этого он не стал веселее. Прийти поутру, раскатать каремат, лечь за два березовых ствола, лежащих друг на друге совершенно естественно, достать трубу — пятидесятикратку, высунуть окуляр между теми самыми стволами и... смотреть. Просто смотреть, до вечера, меняясь через каждые полчаса-час-полтора, как захочется.

Нет, поначалу, осенью, когда здесь стояла семьдесят вторая бригада, Бецман честно старался внимательно наблюдать и что-то записывать. Даже Жеку, раздолбая, который уже и плиты из бронека давно вытащил, заменив на куски утеплителя для труб, сумел настрадать. Они менялись раз в полчаса и даже немного записывали наблюдения в толстый блокнот, еще довоенный, с фотографией Киева на обложке и надписями на украинском. Даже ручка, кстати, укропская была, обычная, шариковая, до сих пор продающаяся в Докучаевске в канцтоварах.

Только никому эти записи не были нужны. Совсем. Ротный брезгливо, двумя пальцами, брал листики с отметками типа «14:44 приех. джип зел. цвета номера не видн. Уехал в 18:05», делал бдительное лицо и относил их начальнику разведки батальона. Ронял на стол и молча уходил. Начальник разведки, худой и затянутый майор-россиянин, делал еще более бдительное лицо, на всякий случай читал нудную лекцию про бдительность и складывал листики в папку. Тоже, кстати, укропскую. Папку он складывал в стол, и комбат однажды попробовал ее почитать, но комбат тоже был из кадровых россиян, из какой-то то ли Псковской, то ли Кантемировской дивизии, и приехал «в командировку» отбыть свой год. Потому комбату было пофиг.

Вообще-то то, что командир батальона, как и еще несколько офицеров — кадровые российские военнослужащие, было типа как тайной. Хотя знали об этом все — комбат любил потянуть рюмку, а с каждым днем командования восьмым отдельным мотострелковым батальоном Первого армейского корпуса эта любовь все более крепла, выливаясь в пьяные излияния души, стрельбу по бутылкам и езду бухим по городу в попытке найти женское общество.

Женщины Докучаевска, а особенно молодые и симпатичные, вечерами из дому уже не выходили. Быстро научились — полтора месяца стояния в городе каких-то казаков не прошли даром, женщины тогда пропадали десятками, и теперь они привычно уже прятались после шести, ну а с комендантского часа, с десяти вечера — их точно было не увидеть.

Женщины... мысли Боцмана перескочили на Надьку. Надька была... нет, поначалу Надя была ничего, но теперь... Надя была нормальной, но жизнь в прифронтовом городе одинокой бабы с сыном странно на нее повлияла. Боцман, приходя к Наде, все больше и больше замечал — прежде жизнерадостная, полноватая брюнетка-хохотушка превращается в угрюмую, изможденную женщину с постоянно отсутствующим взглядом. Как будто он, Георгий, стал ее тяготить. Хотя чего там тягостного — две недели на боевых, потом неделю дома и неделю у Надьки. Деньги, еда с пайков, да, небогато, но жить можно. Но Надя... Надя как будто потерялась в происходящем, погружаясь все больше и больше в себя. Даже секс, случавшийся все реже и реже, не приносил Боцману прежнего удовольствия, Надька привычно качалась на нем, но взгляд... взгляд был по-прежнему каким-то отрешенным. Как будто она постоянно думала про что-то другое, хотя о чем можно думать, живя в городе, у которого нет будущего? И даже если...

— Машина, — буркнул Жека и пошевелился. — Опять. Белый джип. Командирский. Хер-р-расе укропы катаются, соляр не экономят. И завели все-таки, епт.

— У них бэха-копейка, — буркнул Боцман и полез под броник за сигаретами. — Списывают. И на «Уралы». Слышишь, есть курить?

— А ты не подзаебал дымить в секрете?

— А сам?

— Не гони. Да, у меня пачка еще. Тока дай из «СВД-шки» стрельнуть.

— Из жопы себе стрельни, снайпер, мля.

— Шо они там? Нас не спалили?

— Та куда им, мобилизяки тупые...

Привычный диалог привычного секрета. Еще пара часов, стемнеет и можно собираться. В Докучаевск личный состав «секрета» не ходил — ночевали на крайней даче в Березовом, на той стороне, что была под «ополчением». На западной стороне, на крайних хатах, уже сидели укропы, занимая к тому же еще и перекресток — поворот с трассы Донецк-Мариуполь

в сторону Докучаевска. Вроде какая-то четырнадцатая бригада, хер их знает. Посредине поселка, между фазендами, занятыми укропами и «ополчением», в новеньком двухэтажном доме («даже особняке» — сам себя поправил Боцман) жил дед. Наверное, именно это было причиной того, что в самом дачном поселке никогда не было столкновений. Ополченцы и укропы как бы не замечали друг друга, делая вид, что так и надо. Дед качал воду для ополчения, так как у четырнадцатой бригады была своя скважина, взамен на разрешение рубить чужой сад на дрова, принимал подарки в виде тушенки от хохлов и с удовольствием стрелял сигареты и у тех, и у других. «Гибридный дед гибридной войны», — почему-то подумалось Боцману, и он снова повел плечами. Броник не давал возможности нормально расслабиться, хорошо Жеке, но он дурак, потому что пластины вытащил, а Боцман не дурак, Боцман этой херней заниматься не будет...

Ноги в зимних белорусских «Гарсингах» нещадно мерзли.

СТЕЛС, он же Сергей. 300 метров севернее и 25 метров выше ВОП 72103.

Ноги в новых рыжих «таланах» нещадно мерзли. Пальцами шевелить уже откровенно достало, но Серега продолжал лежать, упершись локтями в грязный каремат, и смотрел в прицел «Фагота», и то, что он там видел уже полтора месяца, достало и его, и Мару хуже... хуже всего. До недавнего времени.

Сто тридцать первый отдельный разведбатальон к концу пятнадцатого года был размещен гораздо южнее, почти под Водяным, а там недалеко и до Мариуполя, но сюда, почти в сектор «Б», их отделение ездило вахтами по пять суток. Отдельный блиндаж на шесть особей, буржуйка-дрова-вода в наличии, а с недавнего времени, когда сюда переехал и ротный второй роты сорок первого батальона, еще и шикарная волонтерская баня. Служи, как говорится, и не жалуйся. Стелс вместе с Марой и остальными тремя разведосами заходили сюда на пять-через-десять, и, если честно, Серега любил бывать здесь. Нормальные пацаны из пехоты, «ровный» ротный, за тягов нема, проверки сюда просто не доезжают — красота!

А. И еще сепары. Стелс был мобилизованным, как и большинство пацанов, пришел в армию добровольно, а до войны летал на своем дельтаплане и кропил поля. Пилот, в общем. Куда его отправил военкомат? Правильно — в разведку. И вот тут, в разведке, Стелс нашел в себе то странное качество, которое за время войны проявилось у очень многих украинских парней, людей совершенно разных профессий, социальных слоев, мировоззрений и даже языков.

Стелс был «жадным до боя». Сереге это... нет, словом «нравилось» не описать, скорее так: Серега нырял по «зеленке», втыкался коленом в грязь и аккуратно поводил своим АКМ-ом с трубой ПББС-а, и автомат даже с подствольником тогда казался ему невесомой пушинкой, как и броник, и куча магазинов с «УС-ами» и «ЛПС-ами». Сереге нравилось то, за что любой гражданский психиатр давно запер бы его на больничку, — он был «человеком момента». Этот момент — это темная фигурка, плавно входящая в прорезь неудобного прицела, те миллисекунды, когда замерзший палец в грязной китайской «тактической» перчатке плавно, даже как-то ласково выжимал спусковой крючок АКМ-а, этот первый толчок в плечо, какой-то даже дружеский, острый кисловатый запах пороха, разносящийся по внезапно остановившемуся воздуху...

Серега любил этот момент, потому что Сереге нравилось воевать. Вероятно, это неожиданное «нравилось воевать» и стало причиной того, что получившая несколько сильнейших ударов от российских вооруженных сил в четырнадцатом армия Украины как-то удивительно быстро оправилась, хэкнула, со вкусом покурила и дала такой отпор, что после ранней весны пятнадцатого наступление противника превратилось в спешное окапывание и даже немного — в движение назад, на восток, когда «силы та засоби АТО» начали аккуратно, спокойно и методично откусывать обратно кусочки своей земли. Этот парадокс, наверное, еще будет изучен историками этой войны (хотя, скорее всего, нет, политики постараются это забыть, стереть из памяти, выкинуть из истории), но невероятная странность этого «нравится воевать» была настолько сильна в странной, мобилизованной, буквально слепленной-на-коленке армии образца конца пятнадцатого года, что даже исключительно мирные, непривычные и не понимающие войну люди часто становились умелыми вояками буквально за два-три месяца.

Если не погибали раньше.

Разведка давала Стелсу, как и его побратиму и напарнику Маре, главное — сопричастность. Там, где пехоте было скучно,

разведка находила свой «фан», и сейчас этот фан был ровно в кружочке прицела «Фагота» — пусковой установки противотанковых ракет, стоящей на склоне заснеженного террикона, причем, шо характерно, без ракеты. Установка использовалась исключительно для наблюдения, бо ракеты М111 и М113 были дóроги, выдавались скупо и поэтому еще более скупо расходовались. Да и не нужна была сейчас Стелсу с Марой эта ракета — они вот уже две недели наблюдали сепарский «секрет», работавший из березовой рощи на противоположном, «сером» терриконе. Оба террикона — и наш, и «серый» — разделяла трасса «Донецк-Мариуполь», на которой сегодня, ледяным вечером начала декабря, не было ни одной машины.

— Ну шо они, не спалили нас? — пробормотал валявшийся рядом Мара и поплотнее обнял свой «покемон». Володя любил свой «ПКМ», и тот отвечал ему взаимностью, наверное, потому что они оба были тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года выпуска.

— Та куда им, сепарам тупым. Чуеш, тот, шо повыше, опять с «СВД-хой» приперся.

— А че, тут шестьсот метров, нормально, если руки прямые. Длинный снайпер робко прячет...

— ... тушку мерзлую в утесах. Нахрена он ее носит, если не стреляет?

— Тю. Може она в военник записана, не хоче проебать. Логично?

— Логично. О, опять курят. Хуйовый у сепаров «секрет».

— Я, кстати, тоже хочю. — Мара завозился на поскрипывающем на морозе каремате. — Я тихонько.

— Не будь сепаром, не кури в секрете. Я тебя раньше сам завалю, жалко такую тушку сепару дарить. Давай вже, твоя очередь. А я буду думу думать. Важную.

— Давай. — Мара, несмотря на сто кило живого веса, както удивительно ловко передвинулся к «Фаготу» и прильнул к окуляру. Зашипел: — Фуууу, мля, холодный, сука. Шо за мысль? Нахера ты в армию пошел?

— Ничо, «покемона» нагрел — и пусковую нагреешь. — Стелс прилег на каремат Мары, повернулся на спину и уставился в хмурое небо. — Новый год скоро, кстати. Ты себе шо хочешь?

— Планку под оптику на ПКМ, — тут же ответил Володя и осторожно потрогал резинку окуляра. — Еще холодная... Сто баксов стоит.

— На хрена тебе планка, ты ж в стену сарая не попадаешь. Даже изнутри, гиии...

— Дурной ты, Стелс, как тебя тока в разведку взяли? Обидел меня. Все, я с тобой не разговарюю.

— Не вибрируй, военный. Я любя. Шо там?

— Ни-хе-ра. Валяются на спинах, курят, пиздят. Ротному докладуем?

— Зачем? Нечего докладывать. Да и мысль одна у меня есть. Цикава.

— Яка?

— Цикава. Мы ж разведка? Разведка. А чо мы тада сидим?

— Ну товой... Наблюдаем, типа.

— То пассивно и нецикаво. Треба итить.

— Ну треба — так треба... Када?

— Та завтра.

Мара пожевал губами и решил ничего не отвечать. Серега потянулся и выловил в кармане «горки» пакетик сахара, надорвал и высыпал себе в рот. Не, ну а чо. Сладкого ж хочется...

ТАНЦОР, он же Василий. ВОП 72103.

«Лэндик» удалось завести каким-то чудом, и Вася даже съездил на заправку «Параллель» и залил зимнего дизеля на девятьсот гривен. Ну не знаю, какой он был «зимний», но явно лучше того дерьма, которое выдавалось армии. Из бочек шел студень, консистенции уже даже не киселя, а добротного новогоднего холодца. Гореть эта смесь отказывалась напрочь — Мартин плеснул на угли буржуйки добрых пол-литра, чем загасил означенную буржуйку полностью. Собака по кличке «Принцесса Догана», тулившаяся к этой буржуйке, посмотрела на Мартина с осуждением, и даже кот по кличке «Где эта сволочь» облил всех молчаливым презрением. Хотя было уж точно не до буржуйки.

Танцор видел, что КПВВ «Новотроицкое» закрыто по случаю мороза и отсутствия машин в обе стороны. В фанерных домиках погранцов всю работу выполняли электронагреватели, грозя пожаром, и сержант в наряде, открывавший Васе шлагбаум, кажется, примерз к нему навсегда. Было холодно, очень, холоднее, чем Вася мог спокойно терпеть, и настроение, и без того испорченное по поводу не заводящейся техники, изгадилось окончательно. И еще Мартин добавлял, уже час без остановки перечисляя все чарівні піздюліни, которые обрушит командир целого батальона на голову командира маленькой роты. А комбату треба було звонити и докладывать.

Вася распахнул дверку на КСП, шагнул и вдохнул слегка нагретый воздух. Начинало темнеть, и скоро придут Стелс с Марой — отогреться, попить чаю, потрындеть за жизнь и

отправиться спать. Их парни из сто тридцать первого заступали в наряд на ночь, в помощь нашей пехоте, ну а эти два бойца взяли на себя интересную задачу — днем наблюдать за недавно «спаленным» секретом сепаров. К этому моменту мы знали немного, но уже больше, чем ничего: они заходят около восьми, сидят до шести вечера, до сумерек. Значит, теплака нема. Они живут на дачах в Березовом, но, сидя в роще на нашей стороне террикона, само Березовое они не видят. Значит, наблюдают только за нами и за трассой. Они — лентяи, которые выполняют задачу «на отъебись», и один из них зачем-то носит в секрет «СВД-шку». Значит... значит, можно кое-что замутить... кое-что, за что комбат, если узнает, казнит живьем. Или отдаст начальнику штаба для опытов. Хотя он и так казнить будет, за технику, звонить-то надо...

— О, ты вже приехал... — Из блиндажа вынырнул Мартин, в обнимку с какой-то кастрюлей, обмотанной чьими-то пиксельными штанами. — Тепло в блиндаже, зайди, погрейся, серьезно.

— Не хочу расслабляться. — Вася сел на лавку и выкопал из-под двух флисок и куртки телефон. Китайское чудовище лениво мигнуло экраном и отрубилось. — Бля.

— Зара зарядку дам. На пока, пацаны каши нагрели.

— Не хочу.

— Зато язва твоя хочет. Не будешь жрать — будешь страдать.

— Ты — моя язва. Стелс семафорил?

— Не-а. Поешь, реально весь день не ел... Или ты на заправке хот-дог стоптал? — с подозрением уставился на него Мартин. В глазах его читалось обвинение пополам с завистью. Не, зависть таки побеждала.

— Ты шо! Как я мог. Давай вже кашу свою. — Вася действительно съел хот-дог на заправке, мерзкий и безвкусный по стандартам цивилизации и божественный — по военным стандартам. Но признаваться в этом — это обречь себя на многочасовые обвинения. Та ну нафиг. — Аааа, бля. Щас, комбату позвоню и поем.

— Ты сначала поешь, — произнес Мартин и заклацал за-жигалкой. — А то после разговора с комбатом точно аппетит пропадет.

— Точно язва. — Вася открыл кастрюльку. Пшенка с тушенкой, густо засыпанная какой-то химической приправой. — Пшенка. Шматко варил?

— Он самый. Еле уговорил его тушман не экономить. Короче — белок и сложные углеводы, короче, то, шо надо для Збройних Сил. — Механ с тобой был?

— Не, он второго Зила колупает. Сам катался.

— Вася... — Мартин подкурил сигарету, вкусно выпустил дым в сумерки КСП и внимательно посмотрел на ротного. — Вася, ну вот нахуя, а? Ну что, трудно кого-то с собой взять было?

— Некогда искать. Не зайобуй.

— Вася, ты, кажись, забыв, де ты находишься. Не, я понимаю, снег, мороз, кашло с тушлом, романтика наряда и все такое... Но бля, Вася, один командир в машине — это ж подарок сепарам.

— Страшным и ужасным ДРГ?

— И им тоже. Это гон, брат, так нельзя, не расслабляйся.

— Не гунди.

— Вася... Комбат тебя казнит.

— Похуй. Де он еще одного такого дебила найдет остатками роты командовать?

— Вася... — Мартин присел на лавку, затянулся и помахал рукой. — Не комбат — Ксюха тебя казнит.

— Это да. — Командир роты с сожалением отложил вилку и накрыл кастрюлю. — Это аргумент. Но ты ж не скажешь.

— Да как нехуй петь. Расскажу жене все как на духу. И будут тебе вырванные годы — гарантия. Я б на твоём месте даже в отпуск бы не ехал, хде-то с полгода. Розірве тебе на шмаття, к «равісту» не ходи.

— Подло, но справедливо, — вздохнул Вася. — Кофе есть?

— Чайник в буржуйке закипает. Звони комбату, хули тут откладывать. Мой телефон возьми, на лавке лежит.

Комбат был «ровный». Нормальный, адекватный, хотя и «кадровый», а большинство кадровых в мобилизированной армии недолюбливали. Комбат принял батальон год назад и потихоньку, системно, спокойно превращал толпу нормальных, в принципе, но слегка «потороченных» войной мужиков в боеспособное подразделение без «залетов». По октябрьскому приказу нашу вторую роту передали под оперативное управление первого батальона семьдесят второй бригады, и сейчас на нашем терриконе возле КПВВ «Новотроицкое» мы были в добрых сорока километрах от основных позиций остального батальона. Далеки и малоподконтрольны, и то, что комбат при этом не задалбывал нас своим присутствием и контролем, было знаком доверия. И это доверие никак нельзя было потерять, хоть убейся. А тут еще эти машины, мля...

Танцор набрал номер, пока Мартин расставлял замызганные чашки и сыпал в них «львівську зелену каву» и ужасающее количество сахара. Ежедневный ритуал на всех опорниках Збройних Сил и нацгвардии, эксклюзивно в АТО, доступный только посвященным и приезжим, к которым хотят проявить свое расположение.

— Бажаю здоров'я, СанСаньч.

— Бажай, бажай. Я думал — ты уже и не позвонишь, Вася. Да еще и с Март... с Олега телефона. Ну что у тебя?

Дверь на КСП распахнулась, и в проеме в облаке морозного воздуха показалась сутулая фигура Васи-Механа. За ней молчаливой глыбой маячил Дизель, младший сержант и водитель. Механ улыбался.

СТЕЛС, он же Сергей. 300 метров севернее и 25 метров выше ВОП 72103.

— Ворочаются, — на «Фаготе» опять был Стелс. — Не, треба заканчивать с этими наблюдениями, я так себе все хозяйство отморожу, серьезно.

— А ты его растирай, — ухмыльнулся Мара. — Так шо, думаешь, получится?

— Завтра сходить? А чо нет?

— Ротный може возбухать.

— Ротный сам с нами поскачет, аки ягненок, — Стелс отвернулся от «Фагота» и потер глаза. Хорошая оптика, но глаза быстро устают, как будто песок щедро сыпанули под ресницы.

— Ему не разрешат.

— Если я правильно понял этого Танцора, то он и спрашиваться не будет. Нормальный чел, хоть и офицер.

— Та он «пиджак».

— Серьезно? Тогда, как говорят по телевизору, многое становится ясным. Смотри.

— Так отойди.

— Та не сюда смотри, а вообще — смотри! — Серега отполз от «Фагота», лег на бок и подогнул ноги. — Ааааа, бля, броник, сука, заебал... Смотри. Если мы на ЗиЛе подкинемся до «четырнадцатой»...

— ЗиЛ не бэ-гэ, в смысле — не боеготов, водилы лаются, аж сюда слышно.

— ...ну тогда на мерсе. Подкинет пехота, там выходим и идем вдоль дороги, слева, шоб нас с дач не видно было. До

первой «зеленки» доходим, переходим оту дорогу на Ясное, шо отходит, и входим на «богаті села».

— Там понакопано, вдоль дороги идти — тупо.

— А мы аккуратно, тока посмотреть. А домой вернемся или так же, или через «серый». На все про все — часа четыре.

— Всей толпой?

— Вчетвером. Диму оставим, у него нога болит.

— У меня тоже болит.

— У него реально. Воспалилось шо-то.

— Так хай на больничку тулит.

— Разведка на своих ногах в медпункт не ходит, — выдал Стелс разведчицкую военную мудрость и снова пододвинулся к «Фаготу». — Слушай, я бы их отсюда достал. Вон как лениво лежат.

— Хер бы ты достал из трех штанов, если еще не отморозил, — ухмыльнулся Мара и погладил ледяной пулемет. — Вот я бы достал.

— Помнишь, я тебе про сарай розказував?

— С оптикой лучше, меньше пристреливаться.

— Мечтай, мечтай...

Оптические прицелы, ночники, коллиматоры, трубы, бинокли и тепловизоры... Сколько их пошло в армию от волонтеров за деньги людей? На приборы наблюдения, в том числе и на ремонт, и на покупку новых, тратилось столько, что сейчас даже приблизительно нельзя прикинуть бюджет. Министерство Обороны не поставляло в войска практически ничего, и волонтерские «глаза» часто были единственным, что могло спасти жизнь людей на «лінії бойового зіткнення». Кто и когда сможет оценить этот вклад? Нет, здесь — на войне, его ценили очень высоко... потому как за более чем полтора года войны все, чем великие командармы в больших лампадах смогли обеспечить мотопехотную роту, — это четыре советских бинокля Б8-30 и одна артиллерийская, неведомо как попавшая в пехоту прибулда по прозвищу АСТ. Все остальное — покупалась за кордоном, неведомыми тропами ввозилось в страну, перебиралось в волонтерских фондах или на квартирах, вез-

лось скрипучими «бусиками» на восток и выдавалось в руки военным, среди которых так мало было профессиональных военнослужащих и так много — настоящих людей.

Иногда мы думали, что волонтеры могут все, и уж точно — мы никогда не смогли бы воевать без волонтеров. Кто бы что ни говорил.

— Я Мартину скажу, кстати, — пробормотал Мара и снова зачем-то погладил пулемет. — Тре не забыть.

— Шо именно?

— Та про планку на «покемона».

— Зачем? Он тебе разве шо патрон выдаст, один, шоб застрелиться и не зайобывать его.

— Та Толик Мастер говорил, шо у него волонтеры есть знакомые. Може, пришлют планку.

— От ты заболел своей планкой... Шо ты на нее прикрутишь?

— Это вже другой вопрос. — Мара перевалился на спину и задрал ноги вверх. — Фуууу, заебался, пошли вже, а?

— Ноги опусти, мля!

— Опускаю, не ори...

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне».

— Што это?

— Где?

— Щас... правее метров триста, прямо на их терриконе. Где-то посередине.

— Смотрю.

Боцман крутнулся на месте, подтащил СВД и аккуратно примостил ее на серый ствол березы. Жека, конечно, тот еще наблюдатель, но... посмотреть стоит. Таак, вот, получается, опорник, теперь правее и выше... Грязно-белые камни, снег, снова снег... Нема вроде.

— Не вижу, Жека.

— Триста право, двадцать выше. Прямо посередине террикона. Что-то поднялось и опустилось, как человек. А может, и нет.

— Кабан?

— Та ну. Я серьезно. Мне делать нехер было, я террикон рассматривал, прямо попал вот на это самое.

— А ну дай.

Боцман отложил винтовку, отпихнул Жеку и пододвинулся к трубе. Мир приблизился рывком и как будто выцвел... чччерт. Труба стояла на маленькой треноге и была очень легкой — китайская поделка, ничего серьезного, но уж что есть — поэтому легко могла сдвинуться. Георгий выкрутил кратность на двадцать и начал обшаривать склон. Нет, двадцать — много, пришлось поменять на пятнадцать и «водить» трубой аккуратно, едва касаясь ее пальцами. Ориентеры, ориентеры...

хрен там, а не ориентиры, весь террикон одинаковый. Так, еще раз. Вот левый край, для укропов он, получается, правый, и тут у них стоит крупняк. Такое старье, как ДШКМ, никаких «Утесов», понятное дело, но и с «дашки» они умудряются попадать. И АГС еще где-то тут, само собой. Теперь ведем правее... Дерево, вот дерево с висящими на голых ветках давным-давно перебитыми проводами... Теперь вверх... Ну примерно тут, не? Ни хрена. Камни и камни. Может, вот это пятнышко... нет, херовая оптика, но все равно — вроде нема никого.

«Фрррр...» — раздался далекий звук, и над позицией взвилось облако сизого дыма. Двигатель поревел, поревел и замолк. Это что это они заводят, а? А ну-ка...

Боцман переставил трубу, нашел несколько фигурок, стоящих возле капонира, и опять выкрутил увеличение на максимум. Жека пожал плечами и сунул руки под броник. Ну, значит, почудилось. Ну и хрен с ним.

Ровно на шестьсот семьдесят метров западнее Стелс приподнялся и поменялся местами с Марой, который прильнул к «Фаготу». Если бы Боцман убрал свою трубу на пять секунд позже — все, наверное, сложилось бы совсем по-другому.

МАРТИН, он же Мартин. ВОП 72103.

— Бажаю здоровья, СанСаныч! — преувеличенно бодро сказал Вася в мой телефон.

Из распахнувшейся дверки потянуло холодом, и в дверном проеме нарисовался Механ с маячившим позади Дизелем, корчившим мне какие-то рожи.

— Не орать, — тут же сказал я. — Ротный с Генштабом разговаривает.

— С Полтораком? — притворно изумился Дизель, делая большие испуганные глаза и всплескивая руками. — С самим?

— Бля, Дизельман, не гони, Полторака — то министр обороны, а начальник Генштаба у нас — Муженко.

— С Муженко? — еще больше замахал руками Дизель и чуть не попал по Механу. — С самим?

— Хуже. С комбатом.

— Чё это хуже?

— Бо Муженко далеко. А отпуск подписывает именно комбат. — Я закончил сыпать сахар в кружки, скомкал и сунул кусок пиксельных штанов, служивший прихваткой, в карман. — Кофе бу?

— Бу, — наконец-то соизволил буркнуть Механ и улыбнулся. — Той мені велику кружку давай. Найвеличнішу.

— Найвеличнішууу... — протянул я. — Кажись, Васюм, бесконтрольный и безудержный просмотр «Бахлюль» по остаткам нашего украинского телебачення не прошел для тебя даром. Сами себе кружки шукайте, я по чайник пошел.

— Та падажжі ти, — протянул Васюм и начал, кряхтя, забираться на дубовій спил, служивший нам барным стулом. — Ми товой... Короче, ЗіЛа я завів одного.

— «Я завів»? — возмущился Дизель и уселся на другой спил. — Охренеть. Шо, сам? Ну ты герой!

— Ладно. Ми завели, — покладисто согласился Механ и потянул свой крупный, покрасневший нос к кастрюльке. — Шо в нас тут, кашло? Давай, насыпай.

Я обернулся к ротному, разговаривавшему с комбатом и мрачневшему на глазах, и прислушался.

— Так тично, — говорил Вася, — «мерс» и «лендик».

— И ЗиЛ, — тут же вставил я.

— И ЗиЛ, — послушно повторил Вася в трубку. — Ага. То есть нет, не аккумуля. Все заряжено, у нас две зарядки. Одну купили, одна волонтерская. Да. Кому? Товарищ майор, извиняюсь, но хер ему, а не зарядка. Пусть приезжает и тут заряжает. Ах, не може, бо аккумуля сели?.. Ой, як прикро...

— Кто там такой борзый на нашу зарядку? — шепотом спросил я. Ротный шикнул, потом неприличными жестами показал мне, шо это хто-то из РМТЗ. Вот бесстрашные, мля...

— ... А потому что соляр в студень превратился, не знаю я, чем его бодяжили. Хотите — привезу и покажу? Та да. На заправке, на Параллели, и бусик туда же отгоним. Одна надежда, шо у сепаров такое же пальне, и у них тоже ни черта не заведется. Да. Будем заводить. Да, сообщу. Нет, в семь-два еще не долажував. То есть, не докладывал. Понял-принял. Плюс.

— И шо комбат? — тут же спросил я. Дизель наострил уши, а Механ вздохнул, сполз со стула и пошел в блиндаж за чайником.

— Опиздюливал, — кратко ответил ротный, — но нэжно. На полшишечки. У них тоже ни хрена не ездит. А в первой роте у ротного за ночь дверка в блиндаже примерзла, так он полдня стучал, шоб его расколупали... Ну шо у нас, Дизель?

— Ваш кунг закочегарим, — сказал Дизель и почесал небритую щеку. Дизель был из тех, кто каждый день брился, и чувствовать щетину ему было невмоготу. — «Уралам» — пиздец. Или под ними костер разводить, или ждать потепления.

— Мда... — ротный как-то автоматически тоже почесал небритую щеку и бросил мне телефон. — Тебе какая-то смска.

— Заеб... — я открыл сообщение. — Так, скока щас... Треба лететь во Владимировку, на «Новую почту».

— Надо-надо, — закивал Дизель. Из блиндажа показался Механ с чайником, на ходу переругиваясь с кем-то. — И в магазин. За йогуртом.

— Какой йогурт, ты ж не пьешь?

— Малиновый. Не пью, но есть хочу нормальную хавку, а не это говно. — Дизель кивнул на полиэтиленовый мешок с пряниками и булочками.

Да, по норме продовольствия нам поставляли пряники и булочки, и, клянусь, если пряники были просто твердой мерзостью, то булочки с джемом были вообще не с этой планеты. Потому что сварганить такую гадость, как ужасное недопеченое и пересоленное тесто, а потом запихнуть внутрь какое-то варенье, состоящее из воды, сахара и всей скорби мобилизованной армии, могли только злобные инопланетяне. Я даже не знаю, зачем мы их хранили — наш старшина Шматко вообще ненавидел что-то выбрасывать, и эти мешки копились, копились... Даже такие непереборчивые в еде невероятные воины, как Сепар с Кирпичом, и те отказывались есть эту гадость. То есть еды было достаточно. Еда была откровенно плохой. Большая часть роты питалась «с магазина», благо количество машин позволяло пару раз в неделю ездить туда спокойно, без напряга. Да и горючего, когда оно еще было жидким и горело, было более чем достаточно. Оказывается, если не продавать соляру и бензин «налево», то и на поездки хватает, и на генератор, и вообще...

И не дай вам Бог питаться тем, что в армии называлось «маслом»...

— Хер вам, а не на ночь глядя, — буркнул ротный. Все-таки разговор с комбатом даром не прошел.

— Хер не нам, а всем, товарищ лейтенант мотопехотных войск, это стартер приехал, мой друг прислал. Да ты его помнишь, Артур, они еще с Тарасом недавно на лафете «волыньку» привезли.

— Стартер... — протянул ротный. — Ну вали. Тока быстро, шоб я не нервничал. С кем поедешь?

— Та сам.

— А хер ты угадал, какого хера сам?

— А какого хера у меня целый лейтенант сам катается, а сержант, оказывается, не может? Кого страшнее проебать, сержанта — или таки командира роты? — окрысился я.

— Уел, — кивнул Вася. — Хер возразишь. Но приказ остается приказом. Дизеля вот возьми.

— Дизель хай ЗиЛа-кунга заводить, а не катае по магазинам! — вмешался Механ и начал разливать кипяток в чашки, смешно вытягиваясь на носочках и подымая руки с белым чайником.

— Но-но, повелитель механизмов, палегше! — улыбнулся Дизель и подставил чашку. — Много не лей, я покрепче люблю... Давай ты с ЗиЛом закончишь, а я завтра сосрання стартер буду мастрячить?

— И мне кофе, — вдруг громко произнес ноутбук в углу КСП. Все обернулись.

— Федя, бя! — рывкнул Танцор. — Напугал! Ты чего, весь день тут просидел?

— Ага... — Федя потянулся и начал выдвигаться из-за стола всем своим огромным телом. — Решил с наряда не сменяться.

— А бенз кто в геник доливал?

— Ну так я.

— Значит, таки бросал пост? А как же бдительность, граница на замке, и все такое? — Вася поднес кружку к губам, как всегда не дожидаясь, пока кофе толком заварится.

— Та какая разница, камера все равно еще вчера вечером отрубилась... — протянул Федя и оперся о столб. Столб жалобно скрипнул, снова пошевелилась собака.

— Так а сидел тогда зачем?

— Так наряд же...

— Пиздец, а не армия, — сообщил Вася кружке. Кружка равнодушно исходила паром и хранила молчание.

СТЕЛС, он же Сергей. 300 метров севернее и 25 метров выше ВОП 72103.

— Куда это они? — Мара повернулся и проводил глазами грязно-белый «лендровер-дискавери», вырвавшийся из-за бани и подымивший на выезд, в сторону КПВВ.

— Тю. В магаз, мабуть.

— Бля. Я хавки хотел.

— Набери Мастера, може, это он поехал. А шо хотел?

— Селедки и лука нормального. И картохи.

— Ухтышка. Скажи, шоб и на меня взял. — Стелс свернулся калачиком, потом повернулся на живот и попытался поотжиматься. Не очень-то и получилось, кстати.

— Сколько сидеть-то будем?

— Володя, мой примечательный друг, мы вообще-то не сидим, а лежим. — Серега попытался поразминать плечи, и снова безуспешно. — И ты меня зайобуешь каждый день. Брат, вот как сепарки засобираются, так и мы пойдём. Чи ты куда-то спешить?

— Спешу, конечно.

— До конца смены — еще минимум... ты с какой волны?

— Достал, блин, мы в учебке вместе были!

— Значит, еще минимум полгода. Так шо не торопись, ретивый... — Серега ухмыльнулся и опять повел плечами. Заехали они вчера, значит, еще три дня — и в батальон, десять дней ждать новой микроротации. А жаль.

Серега остался бы здесь, на опорнике, отсюда можно еще было работать и работать, и хотя по зиме действия разведки сильно ограничивались, но ищущий да обрящет, да? С

командиром общий язык нашли, «бытовуха» чуть ли не лучше, чем в батальоне, в этих промозглых бетонных комнатах брошенного здания, магазин близко, начальство далеко, свое отделение под боком — что еще надо сержанту и командиру третьего разведотделения второго разведвзвода второй разведроты отдельного разведбата для счастья?

Разве что отпуск. И селедка с луком и картошкой.

МАРТИН, он же Мартин. ВОП 72103.

«Лэндика» не глушили, и он фырчал изношенным двиглом прямо возле бани, метрах в десяти от КСП, за поленницей. Акации несколько дней назад навалили много, и для этого организовывалась целая экспедиция — туда, восточнее, на далекий край посадки. С дровами в зоне АТО всегда была беда, и мы уже привычно резали акации, посаженные, наверное, еще моим дедом, резали нещадно — буржуйки дымили всю зиму, и, честно говоря, вообще «буржуйки», то есть металлические цилиндры с трубой, были не лучшей штуковиной с точки зрения теплоотдачи. Зато они небольшие, мобильные, их можно втиснуть в любой блиндаж, жарко натопить и кайфовать в тепле. А покайфовать на войне редко получается.

Печка, что странно, в машине работала. «Лэндик» греб летней лысой резиной по легкому, полупрозрачному снегу незасеянного поля, я крутил руль и вполуха слушал Дизеля, который нудел про топливо, запчасти, какие-то тросики, блоки питания, лампочки, короче, про все это ужасающе древнее автохозяйство, доставшееся нам, кажется, прямоком из восьмидесятых. Вокруг было... да как обычно. Порванные провода ЛЭП-десятки валялись, извиваясь под снегом холодными металлическими змеями, поржавевшая опора гордо поднимала остатки керамических изоляторов, и я вспомнил, что Ярик, наше юное закарпатское дарование, все время порывался залезть на самый верх и прикрутить там флаг. Дурацкая эта мысль настолько запала в его мятежную душу, что даже обещания скорой и безжалостной расправы путем перевода на службу в И., где часть нашей роты в количестве восьми человек муже-

ственно охраняла какое-то ПВО, его не очень-то и пугали. Потому что Ярик... как это правильно? А. «Занудился».

Это ведь только в выпусках новостей наши «солдаты муженько давали відсіч ворогу на визначеній ділянці лінії бойового зіткнення». На самом деле армию осевшую, вкопавшуюся, задержавшую противника и установившую практически не двигавшуюся линию фронта — эту армию «занудило». Потому что стояние на одном месте без всяких действий (ведь не считать же действиями регулярно падавшие с неба мины и редкую нашу «ответку»?) убивало особый склад хуже пулеметов. И дело даже не в том, что людям нравилось воевать, хотя и это тоже, а в том, что чем больше «тонкая красная линия» погружалась в землю, тем больше восставала из пепла великая и могучая Українська Паперова Армія. Бесчисленные ведомости, журналы обліку, книги обліку, журналы обліку книг обліку, інструктажи «под роспись», обязательное создание пожарного щита, очередной запрет на использование мобильных телефонов, на который все в очередной раз забыли, ну и самое главное — дерьмовый быт. Мерзкая еда, отсутствие дров, нормального количества питьевой воды, боевая техника, которая еще в Афгане поломалась, машины, даже топливо это проклятое... Те моменты, которые не замечались во время активных боев, во время «великого сидения на нуле» вышли на передний план, и оказалась, что огромный, старый, неповоротливый бюрократический механизм государства совершенно не мог с ними справиться. Даже форма — ее приходилось чуть ли не зубами выгрызать, вечно не хватало каких-то размеров, а новые, только-только поступившие в армию рыжие «таланы» я вообще на вещевом складе не получал, а «отжимал», мешая лесть с угрозами и поминутно хватаясь за АКС.

Это все достало. Реально — достало так, что иногда зрада накрывала с головой, хотелось плюнуть на все, списаться на больничку и ждать дембеля, мандруя по госпиталям. Благо, у каждого из нас, наскоро мобилизованных, был в анамнезе целый букет болячек, половина из которых позволяла «закосячить» всерьез и надолго. Вот, например, у меня...

— Бля, постираться забыл, — протянул Дизель, выдернув меня из пучин саможаления.

— Вот еще одна проблема, про которую думает армия стоящая, и не думает армия бегущая, — сказал я вслух и дернул руль, объезжая какой-то горбик. Уже показался КПВВ, безлюдный и заснеженный.

— Шо?

— Ничо. Забей.

Возле шлагбаума никого не было. Унылый погранцовый самоходный броневик притулился грязно-зеленой тушей к фанерному домику, ствол «дашки» торчал, присыпанный снегом, как безнадежно забытая коряга, и я даже не захотел сигналить, чтобы не разбивать эту атмосферу печального забвения, словно из какого-то старого голливудского фильма, непременно драмы, где есть криминал, цинизм, вот этот вот привкус «все плохо» и неременный драматический кадр. «Нуар» — всплыло забытое слово. Странно, откуда мобилизованному недолику, презираемому половиной командного состава армии, знать слово «нуар»? По мнению высоких штабов мы были недоученными дебилами, не умеющими знать и любить их лелеемую «штабную культуру». Хотя... вряд ли кто-то еще, кроме меня и, возможно, ротного, знает здесь значение этого слова.

— Нуар, блять, какой-то, — пробормотал я и побарабанил пальцами по рулю. Вылезать из машины откровенно не хотелось.

— Да, — тут же отозвался Дизель. Ему тоже явно не хотелось на мороз.

— Шо — да? Солнце мое, шо такое «нуар»? — я обернулся, собираясь выпендриться по полной, засверкать, так сказать, глубиной бесполезных знаний.

— Бля, отэто ты доебался, — возмутился Дизель.

Распахнулась дверка фанерного домика, и вместе с клубом мгновенно рассеявшегося пара из нее вывалился высокий хмурый дядька, закутанный в какой-то ярко-зеленый пуховик. Обошел шлагбаум и подошел слева, со стороны Дизеля. У нас была праворульная машина, и мы к этому уже привыкли.

— Здорово, збройники, — выдохнул он в приоткрытую дверцу. — На Новотроицкое?

— Не, брат, аж во Владимировку. Шо у вас?

— Та пиздец. Ничого не ездит, ни у нас, ни у сепаров. Слышь, можешь сигарет взять?

— Та не вопрос, если открыто будет. Винстон?

— Мы те шо, нацики? — обиделся пограниец. Белесые глаза его под вязаной шапкой как-то сонно смотрели на нас, и выражение их никак не увязывалось с наигранной обидой в голосе. — Ротманс-деми, блок. И печенья какого-то нормально-го.

— Тю, печеньем мы тебя сами загрузить можем, — оживился Дизель. — У нас мешка три на ВОП-е.

— Не-не-не, — тут же открестился пограниец и даже на всякий случай немного отошел от машины. — Знаем мы ваше печенье, его явно путин делал, им на спор нашу турантайку пробить можно.

— Та ну, — усомнился я и кивнул на понурую машину. — Оно ж бронированное.

— Хуированное, — буркнул дядька и придвинулся ближе. — Ну значит, не пробить, а помять. Короче. Нормального какого-то, свежего. И семок. Вот, пятихатки хватит.

— Да не вопрос, брат, сделаем. Через часик-полтора жди. — Дизель забрал аккуратно сложенную купюру, дернулся шлагбаум, и мы напрямиком, не сворачивая на специально отведенную для военных машин полосу, покатали через контрольный пункт въезда-выезда.

— А у них, наверное, стиралки есть в интернате... — пробормотал Дизель и спрятал деньги. Пограницы жили в здании интерната в Новотроицком, и у них наверняка были и стиральные машинки, и нормальное электричество, и кровати, а не дощатые самодельные нары в два этажа, с мышами и вечной сыростью. Ну ладно, ладно, с сыростью я нагнетаю, блиндажи у нас были нормальные, сухие. Более-менее.

— Шо предлагаешь, купить стиралку? — задумался я и сбросил газ. Лендровер разогнался под горку, но приторма-

живать на льду я не решился, а тормозить передачами не умел. — Думали уже. Под нее бак воды надо, и поднять, шоб самотеком шла. Осилим?

— Мартинчик, мы зря придумываем коня на лету. Надо просто в Новотроицком за стирку договориться. Люди ж живут, стиралки есть. Деньги заплатим. Треба тока найти.

— А как искать? Объявления клеить?

— Ну ты точно городской, — улыбнулся Дизель. — Кстати. «Нуар» — это термин, обозначающий жанр криминальных голливудских драм середины двадцатого века. Отражал пессимистические настроения общества.

— Ахуеть, — интеллигентно удивился я. — Ты меня разорвал.

— Отож. И не ссы. Шоб в селе шо-то узнать или найти, нужно всего лишь спросить в магазине. Давай в тот, шо на против заправки...

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой» зоне.

Пора было собираться. Еще один бессмысленный день на терриконе, а до ротации еще чуть ли не неделя. Раньше Боцман аккуратно отползал назад, заставляя Жеку делать так же, и уже внутри хиленькой березовой рощи выпрямлялся, собирал по-нормальному рюкзак, и они уходили по террасе террикона на север, чтобы спуститься натоптанной ими же тропой, огибая чахлый кустарник, и по краю поля вдоль «зеленки» выйти на дачный массив, к «своему» дому, где постоянно жило четверо мужиков из второй роты восьмого отдельного мотострелкового батальона. В этом доме на втором этаже им была выделена комната, бывшая детская спальня, даже с кроватью — короткой, метра полтора, и с детским розовым матрасиком. Когда-то — розовым. Путь «на дачу» был беспечен, исхожен, привычен и занимал полчаса.

Но сегодня ползти по снегу не хотелось. Боцман поглядел на темнеющее небо, подумал, что хохлы точно попрятались по блиндажам, и встал на колени. Сгреб темно-зеленый рюкзак (российский «Сплав», тридцать пять литров объема и дерматиновая фурнитура, купил в Донецке на базаре еще летом), натянул его кое-как поверх лямок броника и потащил «СВД-ху». Жеке было проще — восемь килограмм бронеплит не давили на его тощую шею, он подхватился как-то резко, уже предчувствуя тепло дачного дома, помывку теплой водой и доступ к нычке, где оставалась еще почти целая бутылка, да не мерзкого самогона или ростовской паленой «Столичной», а нормальной хохляцкой «Хортицы», которую он лично привез из Волновахи.

Жека был из Вахи и каждые две недели ездил домой. У Жеки, несмотря на его общее раздолбайство и любовь к бухлу,

была приличная семья — жена, торговавшая на рынке мясом, двое детей, старший из которых уже ходил в школу, а младшая девчонка — последний год в садик. Георгий знал, что Жека, на волне лозунгов пришедший в спешно формируемые «силы самообороны» весной четырнадцатого, теперь, в конце пятнадцатого, получая на руки зарплату в десять тысяч российских рублей, которые превращались в четыре тысячи гривен, все чаще задавал себе вопрос «на хрена?».

Боцман этот вопрос себе не задавал. Старался не задавать. Ох, бля, ну и мысли к концу секрета. Отходить назад... аааа, хрен с ним. Срежем по посадке, через березы. По фигу, честно говоря, — и лежание на морозе в секрете, и служба, и вообще вот это вот вся дурацкая войнушка...

— Назад не полезем, ну его на хер через кусты ломиться. Давай напрямик.

— Спят?

— Кто? Хохлы? Они вже вечеря... ужинать садятся. Пошли, не тупи. — Боцман первый повернул и потопал между березами. Тут и снега было поменьше и не приходилось лавировать между жесткими и по-зимнему ломкими кустами. Пар вырывался из бороды, оседая на ней капельками, вот еще метров сто — и выйдем на дорогу, за пригорок — и там уже нормально, по-человечески можно покурить. И Надюхе надо позвонить, шо она там... Может, даже и соскучилась. Или рвануть к ней в Докуч? Та блин, пешком неохота.

С другой стороны трассы две фигурки в сумерках виднелись откровенно плохо, но направление их отхода на ночевку стало все-таки понятно. Эх, сепарки, расслабились... А не стоило. Значит... значит, прокатит идея, которую вечером треба до ротного донести. Хорошая идея, вкусная, и даже без стрельбы. Ну, может, чуть-чуть. Самую капельку.

Стелс улыбнулся, еще раз осмотрел безлюдный уже «серый» террикон и наконец-то закурил — глубоко, со вкусом, втягивая порцию долгожданного дыма в изголодавшийся организм. Мара встал, высморкался и чихнул. Пора было спускаться.

МАРТИН, он же Мартин. Село Новотроицкое, трасса.

— ...и все-таки... — Я толкнул дверь в магазин, звякнул колокольчик, пахнуло теплом, запахами лежавшей колбасы, селедки и почему-то вроде как рукколы. — ... надо найти где постираться. Здравсьте, барышни.

— Здравсьте, — равнодушно ответила высокая рыжая девка, накрашенная вусмерть, и повела жирным плечом, обтянутым каким-то замызганным халатом. С трудом растянула губы в улыбке: — Что вам, мальчики?

— Нам... — я задумался. — Шо там Мастер звонил про Стелса... аааа. Селедка есть? Тока нормальная.

— Есть, мальчики, есть хорошая! — обрадовалась рыжая и поплыла к прилавку-холодильнику, в котором томились пластиковые ведра с селедкой, корейской морковкой и еще какой-то хренью.

Магазины, как грибы после дождя, выросли везде, где располагались Збройні Сили України, и точно так же в них появлялись терминалы — зона АТО не была богата банкоматами, а зарплата начислялась на карточки. Где не было терминалов, продавщицы давали номер карты, на которую перечислялась требуемая сумма. В этих магазинах было все, что может понадобиться обычному військовослужбовцю образца конца пятнадцатого года: от ниток до дешевой колбасы, которая все равно была лучше, чем тушенка армейских поставок. Стройные ряды дрянного алкоголя, от банок REVO до чего-то, что совесть создателей позволила назвать вискарем, не говоря уже о таких именитых сортах, как «Хортица» — «утюг», емкостью литр с тремя четвертями, и коньяк

«Шабо-три-звезды», обычно носящий наименование «военного».

Магазины были повсюду, в большинстве было разливное пиво и даже какой-то столик, и если бы я хотел реально проводить разведработу и узнавать все последние новости украинской армии, я бы не засылал к нам в тыл злобные ДРГ с ножом в зубах и гранатометом наперевес, а открывал бы вот такие магазины. За полчаса за этим самым столиком матерый шпион мог узнать самые охраняемые тайны Генерального Штаба — куда делись «ходовые» размеры формы, какого хера начальник КТП бросил одну разведенку и переехал к другой, за шо именно штабные получили опять медали, а окопные — три грамоты и искренние поздравления от замполита, кто куда поехал, кто откуда приехал, и самое главное — об ожидаемом повышении зарплаты.

Слухи ходили самые невероятные, а «финики» в военных частях перемещались с видом настолько загадочным и неприступным, что даже мне было понятно, шо пока никто и ничего не знает. Кому поднимут, куда поднимут, и еще — шо именно означает «доплаты за первую линию»? Шепотом передавались слова «от десяти штук». И даже в магазинах этого не знали. До этого все мы получали свою зарплату и доплату «атошных» в размере трех тысяч гривен. Мой, например, доход за месяц беспорочной службы составлял пять тысяч шестьсот гривен, что на тот момент выходило на круг примерно двести тридцать долларов.

Моя зарплата до Армии, «на гражданке» составляла тогда полторы тысячи долларов по курсу Нацбанка. Я старался об этом не думать, хотя думать приходилось — там, далеко, в забывающемся Киеве, меня ждала жена и трехлетний сын.

— Ну что, мальчики, когда вам уже зарплату повысят? — игриво спросила рыжая. И с грохотом отодвинула лист пластика с холодильника, в котором томилась селедка.

— Охxxx, — проворчал Дизель. — Мабуть, никогда. А кофе есть?

— Есть, есть, мальчики. Три-в-одном? Сейчас заварю, только сельдь вам отвешу. Сколько берете?

Я оглянулся на другую продавщицу, она молчала, сидя в углу на стуле, закутанная в темно-синий теплый платок. Узкое морщинистое лицо, на вид — обычная рано постаревшая женщина Донбасса, кутающаяся в этот несчастный кусок теплой ткани и постоянно поправляющая подкрашенные волосы. Продавщица выпрямилась и покачала головой, внимательно глядя мне в глаза. Я кивнул.

— Не, не будем селедку, передумали. Дайте хлеба, кирпичика, три... четыре штуки, сарделек (согласный кивок от второй продавщицы) пять кило, и... картошка есть?

— Нет, мальчики, померзла вся на той неделе.

— Тогда гречку. Три пакета. Кофе наколотайте два стакана, еще блок ротманса-деми, блок мальборо желтого, две зажигалки, печенье...

— Подождите, подождите, разогнались. — Рыжая, излучающая недовольство по поводу того, что не удалось впарить плохую селедку, протиснулась к другому прилавку, с трудом обернувшись к полкам. — Так хлеба сколько?

* * *

— Ребята, подождите, а? — вторая продавщица выскользнула за дверь, когда мы запихивали пакеты на заднее сиденье «лендровера». Мороз не отпускал, и она аж рот прикрыла ладонью, вдохнув ледяного воздуха. — Вы стирку искали?

— Ну да. — Я торопился, бо «Новая почта» закрывалась через час, а нам еще километров двадцать ехать. Стаканчики из-под кофе полетели в сугроб, под которым пряталась мусорка. — Вы знаете кого?

— Знаю, сына, знаю. Давайте я сама постираю.

— Та у нас много.

— Да я справлюсь. Я тут день через два работаю, время есть. Адрес запишите да и завозите завтра.

— Я вибачаюсь, как вас?

— Елена Григо... Лена.

— Меня Мартин зовут. Сколько обойдется на одну закладку, тетя Лена? — я уже начал в уме прикидывать, кого послать

вещи отвезти, как забирать, как бабло собирать... Вот уж повезло так повезло.

— Нисколько, сына. — Теть Лена снова прикрыла ладонью рот и поежилась. — У меня сын служит. Может, ему кто постирает...

— Вам холодно, — вышел из-за машины Дизель. — Может, в магазин вернемся, там договорим?

— Не надо в магазин, сына, — поморщилась тетя Лена и обернулась. — Не те там люди... не поймут. Пишите адрес, я завтра весь день дома, хоть всю форму перестираю, сколько надо.

— Ээээ... спасибо... — Я записал в телефон адрес в Новотроицком и телефон и нажал «сохранить». — Это в новой девятиэтажке живете, да? Возле «Хозтоваров»?

— Да, сына, там. Получила, еще когда в школе работала. Ну все, давайте, побегу я. — Она развернулась, шагнула к низкому обледеневшему крыльцу, чуть поскользнулась и опять обернулась к нам. — С Богом, сына.

И легонько, как-то очень по-женски, нас перекрестила. Прикрыла рот ладонью и с силой дернула дверь. Звякнул звонок. Мы остались стоять возле фырчащей машины.

— Дизель, за руль. — Я обошел драндулет и залез на пассажирское. — Але... Чуешь меня? Але, Шматкоооо, выйди из блиндажа и поговори со мной.

— Слушаю, — раздалось из трубки вперемешку с кряхтением, кашлем и матами. — Шо хотел? Я сплю.

— Все, считай, выспался. Мы нашли стирку в Новотрое, давай организуй у пацанов сбор шмота, шоб завтра утром было готово. Завтра утром ты... — я покосился на Дизеля, тот отрицательно помотал головой и изобразил лицом «я буду ставить стартер», — с Мастером или с Яричкой поедете отвезете шмот. Или не завтра. Или не ты.

— Ох і гарний ти командір, як щось полезное делаеш, — прохрипел Шматко. — Все зробимо, не вібріруй. Скільки буде стоїть?

— Нисколько. А это значит — еще дороже. Задача номер два. Возьми денег у меня в бумажнике, на второй полке в

кунге лежит, перед стиркой заедешь на базар или в магаз, купишь порошка охуенного килограмм десять. И в палатке гребни две коробки тушмана. И, може, шо-то нормальное по хавке есть — тоже возьми. Завезешь барышне, зовут Лена.

— Сімпатічна?

— У нее сын служит.

— Тю. Так би сразу і сказав. Все зробимо на твердий «заебись», главное, щоб постірала. І щоб машини завелісь.

— Заведутся, не накручуй себе. Мы их глушити не будем. Все, давай, плюс.

— Плюс.

Я откинулся на спинку и подумал, что на обратном пути нужно таки еще раз заехать на «Параллель» и долить полный бак «лэндика». Жаль, канистр нема...

— Слушай... А чего ты решил про тушенку и остальное? — Дизель подумал-подумал и таки включил фары. Дорогу простелили два тусклых желтых пятна.

— Думаешь, не надо? Уверен?

— Да она в магазине работает, думаешь, у нее с хавкой на пряги?

— Ну смотри. — Я нашарил сигареты в кармане «горки» и с наслаждением, пользуясь отсутствием Васи, закурил в его машине. — Ей около пятидесяти.

— Та ну. Шестьдесят пять минимум, на вид.

— Она с Донбасса, дорогой. — Я потянулся и выпустил вверх дым. — Как и я. Ей не больше пятидесяти. Она работала в школе, и скорее всего, судя по речи, учительницей. Теперь не работает, а работа в магазине — вынужденная мера, брат. Значит, работала она там, в Докуче, скорее всего, и с началом всей это херни уволилась, бо для учительницы пятьдесят лет — не возраст.

— Однако. Глубоко копаешь.

— Она в этом магазине... не знаю, чужеродна, что ли. И денег не берет. Нет, брат, мы сейчас видим нужду. Обычную. Это называется «благородная нищета»...

— «...а не пошлая бедность», — закончил за меня Дездема. — Я понял.

— Ты меня все больше удивляешь, дорогой.

— Не накручай себе.

Мы рассмеялись.

Пятью километрами северо-восточнее Боцман и Жека, предварительно опознавшись по рации, вошли в красный кирпичный особняк на восточной окраине дачного поселка, поздоровались и поднялись на второй этаж. Жека тут же завалился на детскую кровать, а Боцман сел на пол, оперся о стену и достал телефон позвонить Наде. Сумерки окончательно упали на этот обыкновенный участок обычной линии фронта этой совершенно необычной войны.

Где-то залаяла собака.

ТАНЦОР, он же Василий. ВОП 72103.

— Не выноси мне мозг.

— Та чего? Нормально все будет!

— Не выноси мне мозг, я говорю!

— Та блин! Ну чего ты уперся!

— Серега! Бля! За-е-бал! Тема закрыта!

— Вася, подожди, ну шо ты рубишь, а, ну шо ты рубишь? Ну давай я тебе еще раз расскажу, а? Ну вот смотри, все ж просто...

— Нет, Стелс.

— Та ну подожди ты...

Этот диалог продолжался уже полчаса, и Танцор злился. Злился не на Стелса, не на молчаливо улыбающегося Мару, не на Шматко, тихонько хозяйнувавшего возле вновь горячей буржуйки — злился на себя.

Потому что то, что предлагал Стелс, ему, Васе, откровенно нравилось. Где-то глубоко в душе он понимал, что все это может сработать, и даже не сколько сам разведывход и какая-то информация — людям нужна была разрядка, люди плавилась посреди этого льда, ехали мозгами, и занимать их работой становилось все труднее и труднее.

Васе нравился план. Вася злился, потому что... а, собственно, почему?

— Так, братан, — прервал он разошедшегося Серегу, в красках обрисовывающего перспективы. — От меня ты шо хочешь? Я тебе не командир, ты работаешь по своим задачам, шо ты мне мозг выносишь?

— Люди тре, — терпеливо повторил Стелс. — Нас четверо. А надо минимум восемь. Ну семь. И машина. И ОЗМ-ка.

— Люди... машина... ОЗМ-ка... ОЗМ-ку-то я где тебе возьму?

— Мартин говорил, у тебя под кроватью лежит. Та я потом верну, с батальона привезу!

— Мартина этого за язык надо подвесить... ОЗМ-ка тебе зачем?

— Так это ж самое вкусное! — Мара аж облизнулся перед этой частью рассказа. — Смотри. Когда мы заходим снизу, получается, на «серый» справа...

— Какое, нахер, справа?

— Ну с юга, с юга, ой не гони ты, и так понятно же! Короча. Подымаемся там, где ваших осенью посекло...

— Так, стопе, военный. А ну еще раз. наших в октябре посекло ОЗМ-кой, так?

— Так. А теперь смотри. Вот аккурат после этого случая и нарисовался, мабуть, там этот секрет. То есть сепарки роццу затынули, нас прихуярили слегка, чтоб мы ссались тудой ходить, и тепер там на расслабоне спят в секрете.

— Ну так давай из АГС-а хуйнем, ты наведешь.

— Тю. А як промажем — они лежку сменят, и шо, потом опять их искать? Не, братан, давай уже наверняка...

«А почему бы и не сходить?» — вилось у Васи в голове. Само собой — внутри он уже почти согласился с идеей, а сейчас отнекивался уже скорее из принципа, и этот принцип таял на глазах.

— Ладно. Кого ты хотел?

— Меня, — тут же вставил молчавший доселе Мастер. Шматко громко стукнул половником по кастрюле, вечно спящая Принцесса Догана шевельнула ухом, но, конечно же, не проснулась.

— Короча. Давайте думать... теоретически! Теоретически, я сказал! — повторил Вася, видя, как расплывается в улыбке лицо Стелса. — От, мля, разведосы херовы, не сидится вам на месте...

Заулыбались все, и этих «всех» оказалось многовато, так как КСП как-то неожиданно наполнился людьми. Это была уже, кажись, традиция — ближе к вечеру, если все было спо-

койно, люди сползались в одно место, вроде как по делу, но на самом деле просто поболтать, рассаживались, начинались бесконечные разговоры, смех, переходящий в ржач... Мы все жили... хотелось сказать «одной большой семьей», но это было не так. Просто мы слишком хорошо знали друг друга, ведь невозможно быть с людьми двадцать-четыре-на-семь и что-то скрывать. Понемногу люди узнавали тебя, а ты узнавал их — их придурочные привычки, поведение в разных ситуациях, глупости, мерзкие поступки и почти подвиги, и, конечно же, семейное положение.

Все знали обо всех всё. Это было странно, так как в их жизни такое было в первый раз, но они быстро привыкали, служба в армии сдирала наслоения привычек, масок и покровов, выявляя такого человека, которым он был на самом деле, и даже... Иногда казалось, что армия сейчас — это путь сначала. Кем бы ни был обычный мужик на гражданке — менеджером, банкиром, владельцем СТО, айтишником, электриком, бухарем, трактористом, просто забудыгой — в армии он, первый и последний раз в жизни, получал второй шанс. Шанс стать тем, кем мог бы стать на гражданке, но не сложилось. Мы все были равны, приходя на службу, по крайней мере, солдаты, а не офицеры, и каждый мог получить от армии то, чего не получал от «гражданки». Плюс — ответственность. Владелец СТО никогда за всю свою предыдущую жизни, за все тридцать лет, не получал такой полноты власти и над своими бойцами, да и над окружающим миром. Он мог отправить человека на верную смерть несколькими словами, он нес «повну та одноособну відповідальність за особовий склад, зброю, техніку, спорядження та речове майно», и эта ответственность творила с людьми странные и неожиданные вещи, заставляя совершенно по-новому взглянуть и на окружающий мир, и на себя в нем.

А еще — «зона відповідальності». Здесь не было полиции, прокуратуры, судей и вообще кого-либо. Ты мог сделать все что угодно с местными жителями, и они, думаю, прекрасно это знали. «Бремя всевластия», как сказал бы Мартин в редкие минуты просветления, когда не был занят выдумыванием очерде-

ных хохм, заполнением бесчисленных ведомостей или наведением двух АГС-ов с помощью одной рации. Это всевластье — оно чувствовалось. Начальство было далеко, а мы — мы были здесь, мы творили все, что хотели, и нам это казалось совершенно нормальным. Ничего странного в том, что из армии мы вернулись чрезвычайно самоуверенными людьми. Это потом сыграет с нами злую шутку, но здесь и сейчас это было единственной чертой, отличающей нас от стада баранов с автоматами.

Мы заново учились думать.

— Мы заново учимся думать, — повторил вслух Танцор и обвел всех взглядом. Серега, в десятый раз пересказывающий план разведывода, замолчал. Тихий гомон парней стих, и все зачем-то уставились на командира. Собака всхрапнула.

— Мощная мысль, — сказал Мастер и почесал бороду. — Внушающая. Так делаем чи нет?

— Делаем, — вздохнул Вася. Ваханыч заулыбался и полез за сигаретами, гомон возобновился, Стелс просиял. — Кучма... Кучма! Президент!

— Шо? — вывернулся из-за ноутбука худой Серега, кутающийся в слишком большую для него зимнюю армейскую куртку.

— А ну набери Мартина, спроси, де оно лазит.

— Лехко, — Серега вытащил телефон и облокотился на барную стойку. — Альо! Альо! Недолік, ну ти де? Давай домой, всю войну прогуляеш! Да, б'ємося із-под останніх сил, командір вже крайній бутерброд... крайній рожок заряжає. Танкі. Танкові клінья і коврові бомбардіровкі. Скока? Ладно, командеру скажу.

— Давайте вже вечеряти. — Шматко еще раз помешал вариво в ужасающих размеров казане, попробовал, с сомнением покрутил головой и поставил емкость на буржуйку. — Най хліба купить, раз катаєца.

— Говоріт «скажіть танкам обождать двадцять хвилюнок, зара буде». І сарделькі привезе, — пересказал Танцору Президент свой диалог с Мартином и потянул носом. — Це шо, борщ? Пахне якось странно.

— Це твоя єдинственна їда, так шо еш і не вийобуйся. Стелс, Маріч, а ну сідайте вечеряти.

— Та у нас там своє...

— Ну то будете должны, гиин. Давай, давай, хліб якийсь у мішку.

Не было ничего лучше эти зимних вечеров — длинных, тягучих, холодных, наполненных разговорами, идиотскими шутками, рассказами «за жизнь», неспешным ужином и... ожиданием. Чего мы ждем постоянно, ведь мы даже свыклись с этим постоянным ожиданием... Свиста? Горячего куска металла, падающего с неба? Какого-то дерьмового случая, который вот-вот случится и унесет жизнь одного из этих, собранных со всей страны негодяев, что сейчас неспешно «вечеряют», лениво вставая за добавкой и продолжая свои бесконечные рассуждения про странную и в то же время обычную жизнь на «лінії бойового зіткнення».

— Серегаааа... — протянул Танцор, шаря по липкой клеенке стола в поисках сигарет. — Чуеш. Ты сказал — у него «СВД-ха» с собой постоянно.

— Угу, — буркнул Стелс, выливая в себя остатки борща.

— Знаешь... знаешь, это же тупо — носить с собой снайперку... сколько, ты говоришь, они ходят?

— Ну минимум месяц, максимум полтора. Я думаю, с той ОЗМ-ки, шо ваши разведосы подорвались. Это получается — с середины октября.

— Воооот. — Вася нашел спички, чьи-то сигареты, закурил и швырнул прогоревшую спичку в кота, разлегшегося на чьем-то бушлате возле буржуйки. Не попал. — Ну вот какой смысл таскать ее с собой столько времени?

— Може, она у него в военник записана, — вставил Мара свою версию.

— У Хьюстона тоже «СВД-ха» в военник записана, а в наряд он с автыком Петровича ходит. Смисла от снайперки, а? Неудобно, в посадке — вообще швах, с «АСМ-ом» понятнее, если шухер — очередь дал по кустам и на лыжи.

— Може, он в нее влюблен. Як Мара в свой «покемон». Може, у них даже отношения... — задумался вслух Мастер.

— Не, дорогой. Я думаю, шо здесь все развивается по законам жанра. Если на сцене висит СВД, значит, в последнем акте оно должно стрелнуть. Всё, бля, по Станиславскому.

— Я ему стрелну, — буркнул из-за ноута Федя. — Я ему, мля, так стрелну — он охерет.

— Федя... — вкрадчиво произнес Танцор. — Выходил бы ты из наряда на этом своем ноутбуке. Он на тебя отрицательно влияет. Ты становишься кровожадным.

Федя смутился и замолк. Мастер заржал, Ваханыч споткнулся о собаку, решил дать ей пенделя, потом прикинул ее размер и длину клыков, передумал и ушел вместе со Шматко искать тушенку для стирки. Парни расслаблялись, разговоры поменяли тональность. Все было... как обычно, кроме того, что завтра эта толпа слабообразованных, грубоватых и смешливых мужиков собиралась, как выразился Серега, «сходить под Докуч, хуле тут сидеть».

Двумястами метрами восточнее, на правом фланге опорника, Дима Талисман отогрел замерзшие пальцы и решил переснарядить «улитку» к АГС-у — ему не понравилась лента с погнутыми «крабиками», и он захотел ее заменить. Да, это было странное желание в семь вечера и в минус двадцать мороза, но Дима вообще был странным.

Если бы он не поменял ленту, то меньше чем через сутки один из людей, присутствовавших на этом участке фронта, остался бы жив.

БОЦМАН, он же Георгий. Околица дачного поселка Березовое.

Номер Надюхи был занят... да и звонить Георгию расхотелось. Блин, достала, опять, наверное, с матерью говорит, ну шо за привычка — по часу на телефоне висеть? Да и хрен с ней. Мама у нее нормальная, вроде... ну то такое. С виду все нормальные.

Боцман злился. Хотя это, честно говоря, было его нормальным состоянием последние полгода, когда стало ясно, что чуда не будет. Россия, так много говорившая с экранов и местных «новороссийских» каналов, и центрального телевидения из Москвы, ни черта не сделала в отношении Донбасса. Ведь все ждали, что Донбасс станет новым Крымом, что вот-вот будет заседание Госдумы, на которой Путин объявит о «великом единении», что будет новая республика или область... Что здесь будет полноценный «русский мир».

Этого не произошло, и сейчас, в последний месяц пятидесятого года, Георгию это стало окончательно ясно. Россия с удовольствием поставляла сюда вооружение и боеприпасы, присылала кадровых российских «отпускников», но никак не желала принимать Донбасс в «великую семью российских народов». Да и само ополчение... Боцман в свое время поверил словам Стрелкова-Гиркина про то, что народ Донбасса должен на деле доказать, что достоин присоединиться к «Великой России». Но Гиркин сбежал, а он теперь сидит на втором этаже брошенного дома и думает: пойти нагреть воды и помыться или забить и выспаться? Да и эти добровольцы чертовы... И буряты, и долбаные чеченцы, даже казаки — все вели себя

на Донбассе, как в завоеванном городе, ни во что не ставя местное «ополчение». Презрение, прозвище «мясо», зуботычины, а иногда и выстрелы — вот то отношение, которое досталось «восставшему народу Донбасса» от приезжих из России. Боцман даже втайне радовался, когда во время операции по замыканию Дебальцевского плацдарма, в которой ему повезло не участвовать, так как валялся с воспалением легких, хохлы пожгли столько бурятов, что вся эта братия на какое-то время присмирела. Хорошо — казачков сами же русские подвыбили к этому времени, очень уж разошлись новоявленные «атаманы», объявляя целые города своими удельными княжествами. Как в Свердловске, например, или Бес-Безлер в Горловке. Беспредел, мгновенно начинавшийся в таких городах, превышал все мыслимые пределы, и уже сами русские начинали наводить порядок. «Бардак» — именно таким словом можно было описать жизнь «молодых республик», и этот бардак, теперь Георгий был в этом четко уверен, был специально организован Россией.

«Кинули». Отличное слово, описывающее отношения Российской Федерации и Новороссии. Ки-ну-ли. Иди, мясо, воюй типа за свою землю... вот тебе ботинки, ружье и сухпай. И десять тысяч рублей.

Мысли опять перескочили на деньги... а когда они с них соскакивали? До войны Георгий был... ааа, блин, чего теперь вспоминать? Нормально жилось, нормально, если руки не из жопы. Крути себе гайки на СТО, таская потихоньку запчасти из Польши «в серую», вот и какая-никакая тачка нарисовалась, квартира от мамы в Макеевке начала обрастать потихоньку разными телевизорами-холодильниками, жена опять же...

При воспоминании о жене Боцман сжал зубы и начал шарить по карманам в поисках сигарет. Ссссука. Как только вся эта хрень заварилась, Валя, и без того мысленно попрощавшаяся с их вялотекущим браком, собрала шмотки и просто исчезла. Он пришел домой вечером... ладно-ладно, притащился бухой глубокой ночью, как он делал частенько, а в хате — полупустые шкафы, нычка бабла в серванте отсутствует, даже

тоненькая пачка долларов, которую он втайне от жены собирал на новую машину, и та исчезла. И всё. Телефон не отвечал, и уже полтора года не отвечает. Куда она уехала? Как смогла заранее понять, что нормальной жизни тут не будет, а будет вот эта бессмысленная война, постепенное обнищание и полнейшая беспросветность впереди?

Георгий тогда ходил с георгиевской («Георгий-Георгий» — шутили пацаны) лентой, стоял на каких-то блокпостах, реально болел идеей отделиться от хохлов и «вернуться в лоно ма-тушки-России». Как она смогла понять тогда, в апреле четырнадцатого, что именно так все произойдет, а? Баба как баба, звезд с неба не хватала, работала технологом на Макевском заводе шампанских вин, интересы, как у всех — шмотки-подруги-телевизор-огород, ну вот... Ну вот почему?

Георгий не мог найти ответа на этот вопрос уже больше полутора лет, как не смог найти свою жену с дочкой. Да и хер бы с ней, с Валькой, овцой такой, но Ленку он любил по-настоящему, беззаветно, как папа — единственную доцю.

Полтора года. Даже больше. Ох, мля...

— ...Полтора года, — произнес Жека, не вставая с постели, и выпустил дым в потолок, прямо в обои с мелкими сиреневыми цветочками. Оказывается, он уже какое-то время говорил, только Боцман не слушал, погрузившись в свои мысли и по-прежнему сжимая в руках телефон.

— Что — полтора года?

— Боцманюга, понимаешь... — Жека повернулся на бок, и грязная простыня с мишками задралась, открывая розовый матрасник. — Ты меня знаешь. Я не дурной, да?

— Не дурной, — согласно кивнул Георгий. — А кстати, че ты к мужикам не пошел... причаститься?

— Не знаю, — пожал плечами Жека и принялся стаскивать броник. — Не знаю. Не хочется. Как давит что-то, Жора, не могу понять, что. Не хочется.

— Херрасе... Что-то ты поломался.

— Нет. Просто... ну бля. Ну смотри. Малая в Вахе, на базаре на мясе. В хороший день приносит семьсот-восемьсот гривнев.

— Гривен, — автоматически поправил Георгий.

— Да похеру. Малые ходят и в школу, и в садик. Почти бесплатно. Там, у укропов. А я? Ну вот шо тут — я? Десятка в месяц? А садик? Это ж смешно. В Докуче один садик работает и одна школа.

— Ну вот и перевозки своих в молодые многообещающие республики.

— Да хер там. К чему оно все идет, Жора, а? Чем и, главное, когда это все закончится?

Жека, несмотря на внешность узколобого ханыги и пьяницы, умел и мог задавать себе такие вопросы. Нет, на словах да на людях, да еще после двух-трех стопок — это был прям орел Новороссии, самый большой патриот Донецкой народной республики и воин-освободитель. А вот так, один на один... Жека все чаще задумывался, как жить дальше, а задумываясь, он задавал вопросы Боцману. Наверное, единственному человеку, которому он мог доверять.

— Я не знаю, Женя, просто не знаю. Че ты меня опять спрашиваешь? Иди вот комбата спроси.

— Да он со мной и базарить не будет, «отпускник» херов. Отпашет свой год, положит еще полсотни наших пацанов — и свалит в свой Псков или еще куда. А нам опять кого-то пришлют. В девятом хоть твой тезка, Боцман, командует, он местный, он шарит.

— Так переводись, — лениво протянул Боцман и прислонил броню к стенке. Встал, потянулся, с хрустом расправил плечи. — Будешь под Новоласпой на горке сидеть, фазанов считать.

— Да не в том дело, — поморщился Жека и снова перевернулся на спину. — Знаешь... Я тут думаю...

— К укропам уйти?

— Бля, — Жека резко поднял голову и прищурился. — Может быть. А ты шо, осуждаешь?

— Нет. Уже — нет. Но что ты там делать будешь? К ним в армию запишешься?

— А хоть бы и к ним, — протянул Жека. — А чего? Опыта у меня нормально, вроде воевать умею.

— Ты им, главное, в анкете это не напиши, там тебя СБУ и примет. — Боцману уже надоел этот разговор, так как Жека заводил его не в первый раз. Всё, достало мужика, хочет лыжи вострить.

Да и сам бы Георгий свалил бы, было бы куда. Правда, паспорта у него уже не было, а вот Жека мотнулся в Ваху, где был прописан, и свой восстановил еще летом. Георгий же был прописан в Макеевке, ни черта тут не восстановишь.

— Да похер. Значит, не в армию. На рынок пойду, туши валовать. Голодным не буду, да и бабла всяко больше, чем тут. И со своими жить буду, а не ездить через кепешки эти долбанные, каждый раз ссаться, шо хохлы опознают.

— Значит — решил? — Боцман подошел к окну, выходящему на террикон, с которого они спустились час назад, и приложил грязную пятерню к стеклу. Морозные узоры потекли-потаяли, коричневыми каплями стекая по запястью. Пальцы сразу прихватило, но Георгий не убирал руку, только немного двигал пальцами, размазывая воду по окну.

— Ну... да. Думаю, да. — Жека сел на кровати, подхватил с пола АК, брякнул к себе на колени, отсоединил магазин и начал разбирать автомат. — Эту смену добуду — и поеду. Нахер. Все нахер. Зарплату заберу — и досвидос. А может, еще с малыми в Марик переедем, там вообще нормально, лучше, чем в Вахе.

— Удачи. — Боцман наконец-то убрал руку. Он знал, что все равно этим когда-нибудь закончится. — Будешь хохломову учить...

— А хоть бы и учить. — Жека отделил шомпол, наклонился и отодрал кусок детской простынки. — Масло де мы ставили?

— На подоконнике. — Георгий взял с окна полулитровую липкую бутылку из-под какой-то сладкой воды и кинул Жеке. — Пластины вставь в броню, переселенец.

— У меня спина, — привычно отмахнулся Жека. — И так — теплее. Тебе твою швабру почистить? Давай, мне не впадлу, ты ж знаешь.

— Знаю, — ответил Боцман и снова набрал Надьку. Все еще занято. Ну и хрен с ней.

НАДЕЖДА, она же Надька. Докучаевск, район «Старого рынка».

— Ехала бы ты уже ко мне, Надь.

— Мама, ну мы ж говорили. Деньги.

— Проживем, Надюш, проживем. Володя меня в магазин взял, платит нормально. Работу найдем тебе...

— Где, в селе?

— А хоть бы и в селе... — на другом конце тонкой цифровой цепочки мама вздохнула, как вздыхала постоянно во время их разговоров. — Найдем что-то. Может, Володя...

— Да к черту твоего Володю, мам! — вдруг взорвалась Надя. Такие резкие перепады настроение не были чем-то новым, так уж она реагировала на свою жизнь последние полтора года. — Что ты «Володя» да «Володя»! Херню вам ваш Володя платит...

— Надь. Ну перестань, — привычно стала успокаивать мама. — Ну успокойся ты. Нормально он платит. И на карточке от Саша что-то скопилось. Я не проверяла, правда... боюсь.

— Саша... — почти прошептала Надя и вдруг разрыдалась. Так по-бабьи, навзрыд, заливая слезами даже телефон. — Мамааааа...

— Ну тише, доченька, тише...

Саша был тем, через кого Надя, тогда еще — первая школьная красавица, чернобровая и черноокая хохотушка-болтушка, переступить не смогла. Надя так привыкла, что старшие классы, да и вообще парни, падали к ее ногам штабелями, но Саша... Нет, он не был поразительно красив или богат, и даже

не десантный тельник, который он не снимал, был причиной, просто... просто, когда Надя смотрела на него, она млела, натурально млела, коленки начинали дрожать и подкашиваться, Саша обнимал ее — и Надя, такая всегда смелая и самоуверенная, таяла в его больших руках, иногда даже не понимая, что он ей говорит, вдыхая его запах и падая, падая, падая в своего любимого мужчину...

Сына назвали в честь деда, Николаем, и Колька рос замечательным, живым и любознательным пацаном, ужасно похожим на отца во всем, только... только он души не чаял в папке. Без обнимашек, сказок, песенок Николай Александрович напрочь отказывался ложиться. Они как раз переехали в Докучаевск, Надя, так уж получилось, стала замглавбуха, и квартиру снимать было, в принципе, недорого. Саша и так работал в Докуче, на карьере — начальник смены, уже ж не баранку на грузовике крутить, да и деньги более-менее нормальные. И после работы он не на пиво бежал, а домой — там ждали Надька и Коля, и все было ну не то чтобы вот прям отлично, но как-то... хорошо. До того момента, когда Надя не смогла простить мужа.

Он ушел в армию как-то единомоментно, вот буквально вчера они гуляли по еще промозглому, голому скверу возле зоопарка и так загулялись, что дошли чуть ли не до старого карьера, и все было хорошо, ну исключая какую-то глупую политику в Крыму и теперь на Донбассе, и вдруг рррраз... Надя и опомниться не успела. Торопливые объятия, поцелуи, погладить по голове спящего Колю... хлопок дверью. Она ничего не поняла. Вообще ничего. Куда, зачем, какая война? При чем здесь война — к ним?

Саша ушел на войну, бросив их посреди останавливающегося, погибающего города, и она не смогла ему этого простить. Хотела, пыталась, но — не смогла. «Бросил» — швырнула она ему во время одного из редких телефонных разговоров и кинула трубку. «Ненавижу», — повторяла она постоянно, отказываясь от его денег, ища новую работу — никому уже не был нужен бухгалтер на неработающем карьере.

Потом встретился Жора. «Георгий» — поправила она себя. Он был... он был нормальным, неплохим парнем, воевал рядышком, в Докучаевске, хорошо относился к Кольке, он был тем, кто обязательно нужен одинокой бабе посреди странной войны, просто он... не был Сашей. Месяц назад она опять набрала номер мужа — да, она удалила его из памяти телефона, но из своей памяти стереть не смогла. Он взял трубку мгновенно, как будто ждал звонка, он не укорил ее ни словом, хотя наверняка знал, общаясь с ее мамой и даже прислав ей свою зарплатную карточку, про Георгия, он был... он был Сашей. Сын говорил с ним целый час, потом все-таки отдал трубку Наде, и Саша так просто сказал ей...

Она не могла произнести это вслух. Он все-таки любил ее, а она, идиотка... Ну чего, чего ей не хватало, а? И делать-то что теперь? К маме ехать, вселяться в ее маломерную трешку, вместе с сестрой Машей? А жить на что? А стыдно-то каааак...

Надя думала об этом уже месяц, боялась признаться себе, что привыкла жить тут, на оккупированной территории и просто боится переезжать обратно «на Украину», все менять, все искать заново. Да и у Коли в садике тут были друзья все-таки... Она боялась, боялась почти так же сильно, как и того, что Коля где-то сболтнет: его папа не просто воюет на войне — он служит в двадцать пятой воздушно-десантной бригаде Вооруженных Сил Украины.

МАРТИН, он же Мартин. ВОП 72103.

— Мартинчик, ай дорогой, заходи, гостем будешь! — завопил Прапор, когда я ввалился на КСП, таща неудобные пакеты. — Скоро «Бахлюль» будет по «плюсам», давай, дорогой, располагайся на вип-местах!

— Хліба взяв? — деловито спросил Шматко и тут же полез в пакеты. — Сідай, ще борщ є свіжий, зара підігрію. Де Дізель?

— Пошел со стартером играть, кажись, зара выгонит Механа светить и ставит на «Жабу» будет, до утра не дождется. — Я стяхнул АКС с плеча, положил его на стол и принялся стаскивать броник. Броник замерз и похрустывал. — Ну шо вы тут без меня? Де обещанные танки?

— Не сцыте, военный, танки будут, — подал голос Вася. — Иди сюда, пока жрешь — я тебе кое-что скажу. Тут Стелс приходил...

— О, так он таки тебя убедил на Докуч сходить? Зебца, я в теме! — Я взгромоздился на стул и облокотился грудью на столешницу.

— Ну охренеть. И давно ты в курсе про этот план «Барбаросса»? — прищурился Танцор.

— Недели две. Вы ж, вашеблагородие, сами моду завели самоудалиться от особового складу в ваши офицерские эмпирей. Вот и ходють товариші військовослужбовці спочатку до мене, а вже потім — до тебе. Советуются, обсуждают... Уважают, короче.

— Ну-ну, — хмыкнул Вася. — Так ты теперь у меня не замкомроты, а секретарша, получается?

— А то! — гордо воскликнул я и принял от Шматко металлическую миску с теплым борщом. Потянулся и отломил кусок свежего хлеба. — Секретарша — это звучит гордо! Кто такой замкомроты? Тьху, а не посада. За всё переживает, ни за что не отвечает. А секретарша — это, мой звездоносный соратник, человек исключительно ценный и уважаемый. Утонченная, понимаешь, натура. Все шепотом и через «пожалуйста». Гостинцы несут, шоколадки там всякие, пляхи богатые...

— Про пляхи — поподробнее! — тут же наострился Шматко.

— ...Короче, как ни крути, а секретарша — это круто. — Я жадно начал глотать теплую жидкость. — Так шо если ты думал меня подколоть, то, как говорит наш уважаемый Шматко, «вот вам хуй».

— Ну прям не жизнь у тебя, а сказка, — восхитился Вася. — Та ты не жри так, утонченная ты натура, хавай поспокойнее, никто не отберет.

— Секретутка! — раздалось из-за ноута. Громко заржали Прапор и Ваханых.

— Федя, уебу. Попрощайся с отпуском, — с полным ртом прогундосил я и продолжил наваливать.

— Бля, — раздалось из-за того же ноута. Смех резко стих.

— Так, властитель отпусков и документации роты, пока ты тут погрожуешь особовому складу, мы прикинули план на завтра. Восемь человек пойдут...

— Не, — перебил я и, отдуваясь, отодвинул миску. — Шматкович, брат мой, а дай две сардельки. Та не, так, сырыми... Не, Вась, не восемь, а одиннадцать.

— Схуяли? — вежливо удивился ротный.

— А давай считать на листике. Та не, в уме — это я могу, я ж младший сержант, а ты — офицер, тебе треба на листике, шоб понятнее было. — Я достал пачку командирского «Мальборо», нагло распечатал и закурил. — Дима ногу не починил?

— Разведкин Дима?

— Ну не наш же Талисман. У нашего ног нет, у него щупальца. И хобот. Разведкин, разведкин.

— Не, вроде, хромает.

— Значит, будет на хозяйстве. Сто-тридцать-первого, значицца, будет четыре организма. Ты записуй, записуй, тебе еще «бэ-эрку» рисовать.

— Запомню.. какую наххх «бэ-эрку»? Ее комбат подписывать должен, а комбат, если узнает про наши гульки — и про прошлые, и про завтрашнюю... ну ты понял.

— Вот именно, — назидательно поднял я вверх палец. — А теперь давайте послушаем опытного милиционера. Бумажку ты подготовь и положи в кунге. Если шо вдруг, не дай Боже, то комбату останется ее только подписать. И все это резко превратится из самоуправства — в смелый и дерзкий план. Понял?

— Понял, — с комбатскими интонациями повторил Вася. — Ну ты прям сержант Мориарти.

— Штабная культура! — снова поднял я палец. — Это вам не хер собачий. Короче! Со стороны жениха пойдут: ты, я, Мастер, Прапор, Вахахахаханыч, Дизель за рулем...

— Я пойду! — пробубнел ноутбук.

— ...хер вам, Рабинович, вы сегодня в залете... и Ляшко.

— Я смотрю, ты все уже порахував. А Ляшко зачем?

— Тю, — я затынулся и с удовольствием «залез на броневик», начав вещать назидательным тоном. — У секретарши все ходы записаны! Ляшко с лаунчером, у него настроен нормальный. Президент же не может, у него ножка бо-бо.

— У меня настроен нормальный! — опять встрял ноутбук.

— А командовать кто останется? Кто нам принесет последние почести и торжественно похоронит? Под залпы, понимаешь, башенных оруудий в последний пуууть правооодят наааас... Не, мой недалновидный, но сильный друг, ты, по моему секретутскому плану, останешься командовать опорником. Бо голова у тебя варит в нужную сторону, если шо — придумаешь, шо делать.

— Я хотел Прапора, Ваханыча и Дизеля не брать, — сказал Танцор и поковырял пальцем в ухе. — Зачем так много-то?

— Бо Стелсик хочет войну. Стелсик не просто хочет сходить, поссать на Докуч и вернуться — Стелсик хочет прибить их СП-шку, так?

— Ну так.

— На СП-шке на дороге у них минимум три человека. По трое обойдем с двух сторон, Ляшкович со вторым номером в обнимку с РПГ останется страховать от дурного глаза, то есть от вероятного подкрепления, и еще двое-трое останутся на дороге напротив крайних дач.

— А, — сказал командер, — если шо — подавить тех, кто в кирпичном доме живет? Я туда хотел Мару с пулеметом определить.

— Лучше определи туда Прапора с Ваханычем, но тоже с пулеметом. Много — не мало. Бэка ты сколько берешь?

— Все по девять, пулики по две коробки, труба пять берет, штатно.

— У меня шесть будет, я медрюкзак возьму.

— Нахера? Тут до наших позиций — дві-пісні-і-дома.

— Вот именно потому. — Я сполз по стула, накинул куртку и зачем-то постучал ладонью по столу. — Потому что я его всегда с собой беру, и он ни разу не понадобился. Традиция уже, понимаешь ли. Наша народная секретарская примета.

Вася ухмыльнулся и махнул рукой. Ноутбук обиженно молчал, Прапор с Ваханычем пытались запихать еще больше ВОГ-ов к подствольнику в разгрузку.

Мы были возбуждены и не скрывали этого, да и невозможно было это скрыть. Мы собирались завтра, белым днем, пользуясь морозом, а значит — неработающей техникой и общим расслабом, прищемить сепарский спостережний пост. Да и вся задумка строилась на неожиданности и невероятной наглости людей, никто из которых не был профессиональным военным. Но других на этом участке фронта у Украины просто не было.

ТАНЦОР, он же Вася, ВОП 72103.

— Петрович, еще раз — ты понял, где?

— Та поняв я, поняв... Чуеш, командір... Як на РАО будеш — ленти на ВОГ-і привези, нашим пізда, крабікі погнулись.

— Так выровняй.

— Та ровняю же ж... Все одно привези...

Такое ослепительное утро не могло испортить даже нудение Петровича, да он не особо и старался. Яркое солнце заливало мир поддельными, ни черта не греющими лучами, по-прежнему не было ветра, мир застыл в ледяной картинке, и только последний идиот вышел бы на улицу в минус двадцать два. Последний идиот и несколько мобилизованных военнослужащих.

Вася сунул руки под мышки — толстые зимние перчатки не справлялись, и обернулся к Мартину.

— Чуеш... У меня в учебке один полкан тактику читал. Ну, такой, понял, с Советского Союза, затянутый, как теща под лёд.

— И шо?

— Короче, он морознул, шо... щас... «при атаке села силами механизированной роты поддержку им оказывает звено Ми-24». Понял?

— О как. Мощно. Ну так вызывай. И авианосец сразу. И боевой дирижабль. Слушай... а звено — это сколько?

— Не знаю. Я так ржал, шо забыл спросить. Два, мабуть. Чи три. Чи четыре.

— Та было бы у меня два «крокодила» — хер бы я жопу морозил под этим терриконом. Покурим?

— Потерпим. Как думаешь, эти шлёпки зара на нас смотрят?

— А как же. Дима на левой дашке их палит, точнее, пытается. Шо там Дизель со стартером?

— Еще ночью поставил. Робить аж бегом, Артуру передай велике та палке «дякую».

— Передам. Ну шо, начинаем виставу?

— А давай. Раньше сядем — раньше выйдем.

Трое сонных, нога за ногу, военных выползли из-за КСП и подошли к бусу. Вяло переругиваясь, они распахнули заднюю «ляду» «Жабы», помахали руками, попинали по бамперу, потом побрели к бане. Вскорости оттуда показались здоровенные, стапятидесятилитровые емкости для воды, две белые и одна синяя. Пихая их «дутиками», кашляя и жалуясь на жизнь, вояки потолкали бочки к бусу и покидали их внутрь. Из КСП показался еще один военный, посмотрел на этот ленивый хаос, поразмахивал руками и заставил лентяев нормально расставить емкости в микроавтобусе. После этого самолично закрыл «ляду», тоже пхнул ногой бампер и вернулся на КСП.

За всем этим внимательно наблюдал накрытый зимним маскхалатом мужик, который терпеть не мог сокращение «Гоша» и предпочитал, чтоб его называли «Георгий».

БОЦМАН, он же Георгий. Околица дачного поселка Березовое.

Сегодня вот как-то особенно не хотелось никуда идти. Надька так и не перезвонила, Георгий встал злой, невыспавшийся, да еще и проклинаящий себя за то, что вчера не помылся. Правда, спустившись со второго этажа в общую комнату, он узнал, что воды толком нет, так как и всех троих бойцов тоже не было. Одного дернули заводить «бэтэр», а двоих не в свою очередь — на СП возле «креста», зачем-то усилить пост. Зачем нужно «усиливать» микроблиндаж, три траншеи и один АГС, Боцман так и не понял, но тем не менее воды не было, он сполоснул лицо из баклажки, пальцем с силой потер зубы, типа почистил, и пошел расталкивать Жеку. Выходить нужно было через час, а до этого хорошо было бы поесть.

Из «поесть» остались только сухпаи, а любой военный, неважно, с какой стороны линии фронта, больше всего не любит есть сухпай. При любой возможности сухой паек, что российский, поставлявшийся в армейские корпуса Новороссии, что украинский в ВСУ, «нычился на черный день», а потреблялось то, что покупалось в магазине. Сейчас коробки с российским сухпаем лежали возле дорогого плоского телевизора на первом этаже, между окурков, какой-то разлитой воды и пустых баклажек. Есть не хотелось уже вдвойне из-за дикого срача, но Георгий понимал, что следующий раз нормально поесть можно будет только вечером, а значит — не гунди, а доставай сухой спирт и грей банку с «консервами мясорастительными», то есть с гречкой, в которой встречались кусочки мяса.

Жека встал сам. Он спустился, волоча в одной руке броник Боцмана, а в другой, за ремни — свой АК и СВД, нещадно зевая, крутя головой в попытке прогнать сон и кривясь.

— Сухпай, — недовольно проворчал он.

— Сухпай, — качнул головой Боцман. — Давай по-быстрому.

— Не хочу по-быстрому, — проворчал Жека и скинул баракло возле потухшего камина. — Вообще ничего не хочу. И идти не хочу.

— Чего это?

— Не знаю. Говорил же вчера — муляет что-то. Аж муторно.

— Жим-жим?

— Отъебись, а? И без тебя тошно.

Ели второпях, давясь, запихивая в себя содержимое банок и запивая недозаваренным сладким чаем. Жека так и не доел, бросил банку, вскочил и побежал «до ветру». Вернулся замерзший и еще больше недовольный. Боцман старался себя успокоить, хотя и его, кажется, сегодня все достало больше, чем всегда. Нужно просто перетерпеть. Или, может, вообще не ходить? Никто их не контролировал, всему командованию было, похоже, похрен на маленький секрет, наблюдавший за укропским опорником. Ну что случится, если один раз прошлангуют? Сейчас растопить бы камин, улечься на диван и... ну не знаю. Книжку почитать, может? Или журнал какой. Провести день в блаженном ничегонеделании...

С этими мыслями Боцман поднялся и начал надевать броник.

Лучше бы он остался в доме.

* * *

Укропы собирались за водой... то есть по воду. Три лентяя покидали бочки в заведенный бус, который и вчера весь день дымил выхлопной, богато живут, топливо не считают, кстати. Потом вышел какой-то здоровый мэн, но не командир, тот был такого же роста, но худее, наорал на грузчиков, и те сложили бочки уже по-человечески. Боцман лениво подумал, что

вот нейдет им по воду ехать по такой холодине, снега бы нагребли... хотя они, судя по всему, баню топить собрались, а значит — проедут по трассе, прямо перед секретом, на перекресток-ответвление на Докучаевск, не видный с позиции секрета. Отползти назад, сходить на край роци и отследить их? Та ну.

— Жека, не спи, — Боцман толкнул локтем соседа, потом еще раз. Жека лежал с закрытыми глазами, легкое облачко пара появлялось перед губами и тут же рассеивалось. — Не спи, идиот, замерзнешь.

— А? — Жека пробормотал сквозь сон, и пришлось хлопнуть его ладонью по животу. Вот бя!

— Я тебе, идиоту, говорил, плиты вставить?

— Ммммм... не зайобуй. Холодно и неудобно.

— Сдохнуть тоже неудобно.

— Не еби меня, а? Вечером вставлю.

Из кривобокого строения, обтянутого баннерами, вышел полностью одетый, даже с автоматом на плече, мужик и пошел к микроавтобусу. Походил вокруг, попинал колеса, даже присел возле радиатора и зачем-то заглянул под бампер. Поднялся, залез в кабину, и зеленый бусик, выбросив в морозный воздух клуб черной сажи, развернулся и покатил вдоль позиции, вскоре скрывшись за небольшим холмиком. Боцман переехал трубу дальше, где машина должна была показаться в заснеженной колее, но она не выехала. Ага. Из-за холма показался давешний водила и поспешил обратно к позициям... забыл что-то? Наверное.

Боцман аккуратно отодвинулся от трубы и потянул винтовку. Приподнялся на локтях и прикинул к ПСО, легонько поводя стволом.

Оптический прицел был гораздо качественнее дерьмовой китайской трубы, но кратности, увы, не хватало. Нет, Георгий был уверен, поймав на «галочку» спешащую фигурку, что способен попасть даже так, тем более что цель уходила вглубь, почти не меняя расположение по фронту... но стрелять нельзя. Хотя... какая разница, а? Всем же наплевать. Снять сейчас

этого укропа, а потом доложить, мол, так и так, вскрыли хохлы секрет, начали стрелять, пришлось уходить...

— Стреляй уже, — не открывая глаз, произнес Жека. — Давай хоть как-то оправдай то, шо мы тут замерзаем каждый день.

Боцман положил палец на спусковой крючок.

АНАЛЬГИН, он же Ярослав. 300 метров севернее и 25 метров выше ВОП 72103.

— Ссссука, — выдохнул Ярик и начал отползать вбок от «Фагота». — Підор снайперку дістав.

Хьюстон не ответил. Он лежал неподвижно, сдвинув шапку на затылок, немного съехав с каремата, распластавшись со своей «СВД-хой» по заснеженным глыбам, и боялся произнести хоть слово. Два поваленных нетолстых дерева и ствол винтовки, просунутый между ними — это все сейчас составляло мир Хьюстона, тусклый дергающийся кружок прицела, шестьсот семьдесят метров воздуха и — мудила с винтарем, выцеливающий... что? Ветра нет... Вот так. Вот так целимся, чтобы попасть... куда? В стволы? Хорошо сепары засели, толково. Пришлось разлепить губы.

— Яричка, най Діма на «дашці» б'є скрізь стволи, він верхній бачить. Я не достану.

— Я з «покемона» достану. — Ярик взялся за рацию, потом подумал и отложил. — Не, і докладавать не буду. Все накриється зразу, давай... давай чекай. Він стріляє — і ти сразу.

— Я не попаду.

— А ти попаді. Він Дізеля може зняти як за нехуй, ветра нема. Я засипать могу, але ж без оптики це тіко так, посадку засіять.

— Не попаду.

— А ти попаді, бля! — повысил голос Ярик и снова взялся за рацию. — Талісман, я Анальгін. Як почувеш постріл — вбивай нахуй все на льожці. Як поняв, прийом?

— Поняв-прийняв, — отозвалась «моторола», зашипела и моргнула красным светодиодом.

— Може, заранеє...

— Лежи! — зашипел Ярик и «вложился» в пулемет. — Лежи і не вібріуй.

ТАНЦОР, он же Василий. ВОП 72103.

Дизель выскочил из машины и пошел обратно к КСП, будто что-то забыл. Прапор подскочил к «ляде», Ваханых распахнул боковую дверку, и они начали сноровисто вытаскивать бочки и прочий хлам, скопившийся в бусе. Направляющие боковой двери настолько проржавели, что Вася отстраненно подумал, что, может, ее уже пора закрыть навсегда. По полу машины шмыгнула мышь, Мартин топнул ногой и, само собой, не попал. Пацаны работали молча, кучка барахла выросла на истоптанном снегу, бочки откатили вбок, внимательно следя, чтобы их не было видно из-за невысокого холмика.

Если бы ротный знал, что в этот момент «уголок» оптики ползет за фигуркой Дизеля, а Ярик с Хьюстоном, занявшие позицию разведосовского «секрета» вместо пацанов из сто-тридцать-первого, могут в любой момент открыть огонь, он отменил бы все к чертовой матери.

Но он не знал.

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне».

Спусковой крючок уже начал, кажется, подаваться под пальцем. Георгий вдохнул, напряг плечи, жестко взяв винтовку, выдохнул...

— Хотя это водила, — вдруг сказал Жека. — Хули нам с водилы? Если уж бить, то командира. Он там постоянно лазит, на переднем крае, снять его — нехуй петь.

— Бляааа... — Боцман отвел голову от прицела и расслабил руки. — Ну ты и дебил... Я ж почти выстрелил.

— Выстрелил, не выстрелил... — лениво пробормотал Жека и снова прикрыл глаза. — Подумаешь. Просто ебани командира, и пойдем домой. Я, может, тогда раньше в Волноваху уеду...

— Таки решил? — Георгий осторожно вытащил винтовку, уложил ее на каремат и пододвинулся к трубе.

— Ага. Штыки в землю, гиии. Стану примерным семьянином и образцовым украинским громадянином, — усмехнулся Жека. — Все, бля. Навоевался.

«Навоевался», — про себя повторил Боцман. Что-то в этом слове было.

АНАЛЬГИН, он же Ярослав. 300 метров севернее, 25 метров выше ВОП 72103.

— Всё. Убрал ружжо, — сказал Ярик и попытался расцепить пальцы на рукоятке «покемона». Пальцы расцепляться не хотели.

— Фууууу, мля... — выдохнул Хьюстон и уронил голову на руку. — Я пересрал, честно.

— Та я сам пересрав. І Дизеля почти жалко. — Ярику удалось убрать руку с пулемета, и он теперь крутил запястьем, восстанавливая кровообращение. Это ж надо было так вцепиться... — Бачиш? Я ж говорил.

В двухстах метрах от него Дизель вскочил в кабину, «Жаба» газанула, выкатилась из-за холма и, переваливаясь на колдобинах, покатила к трассе. И Боцман, если бы смотрел более внимательно, увидел бы, что на пассажирском кресле, изначально пустовавшем, теперь сидит человек.

Но он не смотрел.

МАРТИН, он же Мартин. 35-й километр трассы «Донецк — Мариуполь».

«Четырнадцатая» встретила как обычно. Понятно, что сидеть на перекрестке трассы и дороги на Докуч было стратегически выгодно. Если смотреть «с высоты лампасного полета», то есть по карте. Именно так сюда и воткнули взводный опорный пункт, совершенно не посмотрев на перепады высот, общую обстановку и даже, кажется, обстановку на фронте.

Потому что позиция была ужасная. С этого перекрестка начинался дачный поселок, принадлежавший Березовому и не носивший отдельного названия, размером три с половиной улицы и длиной метров пятьсот, и каждый из этих метров протянулся с запада на восток аккуратно вдоль дороги, с южной ее стороны. В нескольких сотнях метров на юго-восток возвышались террасы «серого» террикона, со склонов которого можно было контролировать не только весь поселок с опорником до купы, а еще и пересчитать все щетинки на лице лейтехи, командовавшего этой дурацкой позицией.

СПГ стоял ровно посредине дороги, уставившись трубой четко в сторону сепаров, и казался таким одиноким, что мне захотелось подойти к нему, провести рукой по защитного цвета стволу, ласково погладить прицел ПГОК-9М и даже, возможно, тихонько его забрать к нам на опорник — отогреть, накормить и пожалеть.

На наш бусик отреагировали — низенький и толстенький мужик, одетый, кажется, во все бушлаты Збройних Сил одновременно, и все незастёгнутые, поднял руку, потом опустил ее и показал на что-то возле самой земли. При ближайшем

рассмотрении это «что-то» оказалось цепью, обычной, на которую дворовых собак садят, натянутой между двух столбов и призванной ограничить въезд как на опорник, так и дальше, в Докучаевск.

— Мощно, мощно. Граница на замке, — хмыкнул Танцор, вылезая из «Жабы». — Здоров. Мы с сорок первого, соседи ваши.

— Та я знаю, — заулыбался мужик. — Та й машина знайома ж. Води набрати приїхали?

— Майже, майже. Командира поклич, шановний, треба тему перетерти.

— Та й лейтенант у батальон поїхав, якраз учора, старшина на місті, зара вже йде.

— Здоров, — вклинился я и пожал руку. — Шо тут у вас? Кто «сапога» на дороге забув? Вам если не тре, тока скажите, заберем тут же. За поляну, все честь по чести.

— Та й нормально все. А «сапог» нам самім тре, — ухмыльнулся дядька. — На цигарки багатий? Та й може дві даеш? О, подякував...

— Интересно, он все фразы начинает с «та й»? — пробормотал вылезший вслед за мной Мастер. — Наблюдается некоторая навязчивость стиля при некотором несовершенстве образа.

— Шо-то ты на высокий штить перешел. — Я шагнул вбок и начал рассматривать дачный поселок, залитый желтыми лучами ненастоящего солнца. — А ничо так. Бедненько, но чистенько.

— Ничо не бедненько. Пара домов есть таких нормальных.

— Бажаю здоров'я, — откуда-то сбоку подошел высокий здоровый парень, бородатый, зыркающий на нас из-под капюшона «горки». — С чем, значить, пожалували?

— Та вот, — Танцор махнул на нас, сгрудившихся у машины. — Общество решило поинтересоваться, шо там в Докучаевске делается. В центре, так сказать, цивилизации. А то сидим под терриконом, света белого не видим. Може, даже пиццу закажем.

— Агаааа... — протянул бородатый и сунул руки в карманы. — Решили, значить, до Докуча пройти? О как. И «бэ-эрка» имеется?

— Конечно, имеется, — подошел я. — Аж восемь, и каждая красивше предыдущей. Слухай, военный, кончай наворачивать. Сходим, посмотрим, машина...

— Машина тут, значить, постоит, — перебил меня старшина. — Мы дорогу тока докопали. Все, нема проезда. Заебались, конечно, асфальт курочить, а шо делать?

— О как. Планы меняются на лету. Ну шо, пошли обсудим?

— Та не вопрос, — пожал плечами бородач. — Чайник поставив, кохфе есть, значить, чего ж не обсудить.

— Слышишь... А чего у вас СПГ стоит так гордо посреди дороги, как памятник милиционеру? — спросил Мастер и махнул рукой в сторону дороги.

— А... А де его ставить? ПТУРа нема, а танкоопасное направление у нас одно — дорога, и работать по дороге можно только с дороги — видишь какие ямы?

Да, дорога шла по высокой, метра два, насыпи, как и остальная трасса на этом участке, и все остальные строения, включая дачный поселок, располагались своими фундаментами гораздо ниже уровня полотна. Действительно, внешне идиотское расположение станкового гранатомета имело под собой свои причины, точнее одну-единственную — работать прямой наводкой по броне можно было только отсюда. Ну как «работать». Стрельнуть раз, ну, может, два, и КПВТ с сепарского «бэтэра» разберет и «сапог», и его расчет на много мелких мокрых деталек. Очевидно, именно поэтому возле СПГ стоял один-единственный ящик с выстрелами — на что-то большее, чем «выстрелить-и-свалить», тут трудно было рассчитывать.

Диспозицию слушали все, прихлебывая парящий растворимый сладкий кофе из пластиковых стаканчиков, и диспозиция была простой и — одновременно — сложной.

По обочине было не пройти. Правой обочиной дороги как раз служил тот самый дачный поселок, а левая была завалена пилеными тополями. Деревья были повалены еще в четыр-

надцатом, для того чтобы открыть директрисы, и служили неиссякаемым источником дров для опорника, но убивали на корню всю идею идти по обочине. Заходить же севернее, дальше в поле — это идти по колено в снегу. То есть идти-то можно, а вот сваливать — уже нет. И неожиданно идея пойти по дороге стала наиболее приемлемой. Выйти через поселок, через четыре дома свернуть на дорогу и пройти под самыми домами, в «слепой» зоне для сепаров из крайнего дома и даже для деда, который сейчас, вероятно, шарился где-то по поселку. Дойти до небольшого поворота дороги, который тем не менее скрывал все от возможных наблюдателей из поселка, а дальше... А дальше «четырнадцатая» не знала. Так далеко они не заходили — вся местность после поворота простреливалась из СП-шки сепаров, расположенной за «крестом». «Крест», кстати, был самым натуральным — деревянным, крашеным в белый цвет крестом метров трех высотой, зачем-то установленным на дороге почти у въезда в промзону Докучаевска.

Долго думать мы не могли, такая толпа людей в любой момент могла быть «срисована» и с террикона, и с дачного поселка. Тот же дед, про которого мы были наслышаны, спокойно мог сообщить сепарам, и те сотворили бы вообще все что угодно. Я бы на их месте пропустил бы нас вперед, маякнул на СП-шку, чтобы там ввалили из АГС-а, а во время нашего отступления ударил бы в бочину сначала из РПП, а потом причесал бы еще и из «покемона». Короче — торчать на опорнике не стоило, мы допили кофе, покидали бычки в снег, поправили снарягу и зброю (Мара, кроме короба на «покемоне», навесил на себя еще два таких же короба с лентами, хотя такому лосю все было, мабуть, нипочем) и потопали друг за другом на вход в дачный поселок. Танцор ступил вбок, утонув по колено в снегу, пропустил всех и негромко свистнул, дождавшись, пока все обернутся.

— Речь. Мотивирующая, — сказал Вася и кашлянул. Десять пар глаз с разным выражением смотрели на него, и это даже было немного похоже на какое-то выступление, чи шо-то подобное. — Короче. Задачи вы знаете, и знаете, шо робимо все

це это на свой страх и риск. Случиться может все шо угодно. Кто подумал и хочет отказаться — делай это сейчас, бо потом вже хуй.

Группа молчала. Вася постарался посмотреть в глаза каждому, и можно было бы сказать, что он увидел восторженные глаза патриотов, пылающие ярким огнем «усі помремо за Батьківщину», но это, конечно же, было абсолютно не так. Не увидел он там и неоднократно воспетого в фильмах и песнях «равнодушного и страшного взгляда матерого убийцы, настоящего пса войны», кладущего врагов пачками одним ножом и сбивающего прицел у танка с «вертухи». Он увидел... просто людей. Обычных. В толпе мимо пройдешь — не обернешься.

— Чуеш, командер... Та й мотивирующие речи — це явно не твоє, — наконец сказал Мартин и щелчком послал бычок прямо на ботинок Стелсу. — Пойдем, мабуть. А то холодно.

И эти обычные люди заулыбались, дождались отмашки, развернулись и неторопливо, стараясь попадать в след, пошли. Вася сбоку обогнул редкую колонну, встроился третьим, аккуратно опустил предохранитель своего АКС-а с глушителем, так же, стараясь излишне не шуметь, передернул затвор и поставил предохранитель обратно. Сзади защелкало-зашумело, потом все стихло, и только поскрипывание вечного и равнодушного ко всему снега разносилось над дорогой.

Одиннадцать человек, каждый из которых по разным, но в то же время таким одинаковым причинам оказался именно в этом месте и именно в это время, вошли на первую улицу и скрылись за крайним домом. Старшина-бородач сплюнул и пошел поднимать своих отдохавших после наряда бойцов — если что, то вытаскивать эту придурошную пехоту вместе с не менее придурошной разведкой придется именно им.

В нескольких сотнях метрах южнее, в березовой роще на втором ярусе отвала, называемого «серым терриконом», Бочман лениво подумал о том, что сегодня на укропском опорнике как-то слишком малоллюдно. Слишком даже для такого морозного дня.

НАДЕЖДА, она же Надька. Докучаевск, район «Старого рынка».

Надя выглянула во двор через мутноватые окна в деревянных рамах, и двор с высоты третьего этажа «хрущевской» пятиэтажки показался ей... Унылым и безрадостным он ей показался. Она перевела взгляд на градусник: минус девятнадцать. Нет, Коля и сегодня гулять не пойдет. Может, завтра... Или послезавтра.

А что — завтра? А послезавтра? Эти вопросы она задавала себе каждый день... нет, она гнала их от себя каждый день, но они постоянно возвращались, буравя ей голову, видясь в происходящих событиях, являясь знаками, намеками, напоминаниями и нескончаемыми повторами. Что завтра, Надя? Опять все это? Да, есть стабильность какая-то, Гоша приезжает, привозит деньги, продукты... но... как бы это описать самой себе, а?

Они жили как будто в ненастоящем мире. Вроде все по-прежнему, и жизнь привычная, почти такая же, как до войны, но вот только не отпускала Надю мысль, что они как будто ее, эту самую жизнь, изображают. Все вокруг. Что «молодые республики» не стали не то что государством — даже призраком его, что будущего, которое так нужно даже не ей, а Коле, — больше нет. Там — рукой махни — в нескольких километрах была Украина, и не сказать, что там было особенно лучше... Но там у Коли было будущее. Там, в конце концов, можно было уехать. В Краматорск, Мариуполь, на крайний случай — даже в Днепропетровск или, подумать страшно — в Киев. А здесь... здесь куда они могли уехать? В Донецк? В Луганск? Ах ты ж Боже ты мой, ну и туризм! Чего она не ви-

дела там, в полувымерших столицах недореспублик? Все то же самое, что и здесь, в Докучаевске.

Да и Георгий... да, он был рядом, когда ей было совсем плохо, когда она была одна, но он ведь воюет. Убить (тут Надя перекрестилась, глядя в угол. Икон, правда, в углу не было) его могут в любой момент, и что тогда?

«Значит все-таки Саша? Так он тоже в армии. Его тоже убить могут...» — тут же шевельнулась мысль. Нет.

Странно, но нет. Мысль о том, что Сашка мог погибнуть... Наде почему-то очень легко было представить, что убьют Георгия, но Сашку мертвым, в гробу, в цветах она представить себе не могла. Саня мой... он не такой. Он бессмертный, да, Господи, он же бессмертный, да?

Мой? Ты сказала «мой»?

В этот момент Надя поняла, что сейчас, вот именно сейчас нужно уезжать. Коля игрался на кухне, строил что-то бесконечное, позвякивая кастрюлями, ложками и какими-то половниками. Надя остановилась посредине комнаты... и как-то легко принял решение. Слишком легко? Она развернулась, быстро соображая, что именно с собою взять, боясь одной мысли об отъезде, пугаясь ее до ужаса — и одновременно желая этого отъезда всеми силами своей уставшей души.

Она просто устала бояться неизвестности. Так, трусы-носки-футболки Коли... платья... на черта мне платья? Джинсы теплые, кофты... пожалуй, все. Одного чемодана не хватит, кстати, как она сможет — с двумя сумками и Колей? Ничего. Как-нибудь сможет. Выдержит. Последние отложенные деньги пойдут на «бомбилу», который перевезет через КПВВ. У нее есть... да, пять тысяч рублей. Этого хватит, с лихвой. А там... а там мама, и они что-то придумают. Все будет хорошо, Надя, не бойся, соберись, Надежда. Отсюда, из этой дыры, пора валить. И мы с Колькой свалим.

Впервые за последние месяцы Надя улыбнулась. Несмело... потом все шире и шире. Встряхнула черными волосами и ринулась на балкон, за сумками.

На кухне чем-то звякал Коля.

МАРТИН, он же Мартин. Дачный поселок «Березовое», 1,5 км западнее Докучаевска.

...нет, не брошенное. Оставленное, и от этого было еще неприятнее. Хотя чего жалеть дома-то? Но мне было их почему-то жалко. Жил человек, жил, дом строил. Яблоню сажил. Обои переклеивал, чердак зашивал, крышу утеплял. Старался. Некоторые дома даже изменили советскому «дачному» стилю белого силикатного кирпича и были по-новомодному обклеены пенополистиролом, покрашенным сверху под шубу в какие-то бежевые расцветки. Это ж кто-то в магазин ездил, цвета подобрал, старался, с женой ругался, мотался по рынкам...

А потом — уехал. Поселок умирал — как умирает всякий дом, оставшийся без хозяев. Жалко...

Идущий первым Стелс поднял руку, и все замерли. Редкая цепочка людей, идущая между домами почти след в след, с промежутками в несколько метров, рыскающая взглядами, замерла и аккуратно опустила на колени. Я увидел, как Танцор перехватил автомат и провел рукой в перчатке по штатному «Корсару». Две «эфки», две «РГД-шки»... девять магазинов в разномастных подсумках, «пэ-эм» в набедренной кобуре. Я отпустил АКС, повисший на шее на ремне, и сам провел руками по плитоноске и РПС-ке. Пальцы как будто запоминали расположение зброи, скользя по замерзшему, ставшему жестким нейлону, касаясь холодного угловатого металла, ощупывая и проверяя, все ли на месте. Каску я не брал — было совершенно невозможно нахлобучить и толком закрепить ее на толстой флисовой шапке, раскрашенной в мультикам.

— Сбродная солянка... — пробормотал сзади Ваханыч.

Я поднял голову и окинул взглядом цепочку темных фигурок. Маскхалат был только у Стелса... Ну как — маскхалат. Только куртка, которую тот натянул поверх броника, а остальные были в «форме номер восемь», короче — кто в чем. Каска, кстати, была только на Ляшко, причем даже с баллистическими очками, поднятыми и завернутыми в чехол. «Интересно, зачем?» — лениво подумалось. Ляшко, в отличие от остальных, вид имел совершенно равнодушный, он поставил РПП-7 на снег, прислонился к гранате и, казалось, готов был задремать.

Как всегда, в голову лезли совершенно ненужные, «левые» мысли.

Стелс наконец-то поднялся и шагнул вперед, повернув свой висящий на ремне АКМ налево. За ним встал Прапор — он «держал» правый сектор, и его АКМ с подствольником смотрел направо. За ним шел Танцор, у которого не было своего сектора, потом — остальные, «елочкой» просто развернувшие свободно висящую зброю в нужную сторону. Шедший последним Мастер каждые несколько секунд оглядывался назад, пытаясь рассмотреть хоть что-то в неподвижном воздухе тихого брошенного поселка. Такой порядок движения не оговаривали — он просто выстроился сам собой, и каким-то невероятным образом каждый делал то, что от него было нужно, то внимательно глядя под ноги, то окидывая взглядом пустынную заснеженную улицу.

Всё, четвертый дом, пора сворачивать обратно на дорогу. Стелс опять поднял руку, потом махнул Прапору, и они вдвоем, аккуратно поворачиваясь, высоко поднимая ноги и постоянно озираясь, вышли на дорогу. Автомат у плеча, как это принято в боевиках всех мастей, никто не держал. Прямо сейчас боеуха не начиналась, а держать автомат наизготовку, поводя им туда-сюда, значит заебаться ровно через пять минут. Не, ну, возможно, какой-то супер-пупер-спецназ и мог полчаса так двигаться — да где ж его взять, этот спецназ... есть только пехота и немного разведки. Подергать стволами мы еще успеем, тут смотреть и слушать надо.

Все было прям-таки идиллически тихо. Тихо, ярко, ослепляюще-спокойно, и только снег взвивался невесомыми облачками при каждом шаге, лениво кружась вокруг берцев. Я шел предпоследним, пора было выбиратья на дорогу, и медрюкзак здорово мешал, кстати, и даже закрадывалась мысль «а может таки зря взял?». Пора было выстраиваться в боевой порядок — и Танцор, встав на колено, ткнул пальцем последовательно в Стелса, в Прапора и в Докучаевск, потом показал один палец и махнул рукой вперед. Стелс кивнул, они с Прапором развернулись и так же аккуратно, неторопливо, как раньше, пошли вперед. Оторвутся на сто метров — и тогда вперед двинет остальная группа. Последние двое, то есть мы с Мастером, отстанем на сто метров и пойдем следом. Я про себя прикинул, что так было бы правильно... а вообще, хрен его знает, как оно — правильно. Никто нас не учил, так шо ходим, как умеем.

Поворот был все ближе и ближе. До «креста» отсюда оставалось несколько сотен метров, которые надо было пройти так, чтобы сепары из крайнего дома не увидели никого и ничего. Это самый скользкий момент плана («Нет, не самый», — поправил я себя. — «Самый скользкий будет тогда, когда Вася надо будет принимать решение по сепарской СП-шке...»), рассчитанный на то, что Танцор правильно определил сектора обзора из занятого дома и так же правильно посчитал-прикинул «мертвые зоны».

Да, вроде все правильно. Вроде бы.

Танцор поднял руку, и от ядра группы отделились Ваханыч с Козачком, свернувшие направо, к одноэтажному дому традиционного белого силикатного кирпича с почерневшей шиферной крышей. Их задачей было остаться здесь и «пасти» сепаров из дома, ну и прикрыть, если что-то пойдет совсем херово. Пацаны аккуратно присели возле стенки, Казачок кинул взгляд внутрь поселка и махнул рукой. Группа из девяти идио... из девяти мобилизованных недоликов пошла дальше.

Вася не знал, что в доме, занятом сепарами «под жизнь», сегодня никого не было, не знал этого и никто из нас. Хотя это уже не имело никакого значения.

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне».

Вообще-то, если укропы даже чай с кофеем распивают у тех хохлов, шо на перекрестке, им давно пора бы вернуться. Ну или вот-вот должны. Да и странно... командира ихнего не видно сегодня, и бородатого того, и толстого, который в очках ходит и на «мерсе-бусике» ездит. Так, шляются пара человек, болтают по телефонам, да еще тот здоровый, в черной шапочке, иногда выходит из их пристройки и смотрит на наш «серый» террикон. Необычно это. За полтора месяца Боцман прекрасно изучил быт, привычки и обычаи обитателей этого укропского опорника, и сегодня они, эти самые обычаи, отличались от обычных. Ну не то чтобы сильно... но отличались. Георгий никогда бы не обратил на такие мелочи внимания, если бы утром не уговаривал сам себя «забить» на службу, и легкое чувство вины не оставляло его, заставляя сегодня быть более внимательным, чем обычно.

А еще — мучение без сигарет. Жека уже бурчал во весь голос, да и Боцману курить хотелось просто зверски, но не настолько, чтобы отползать по снегу вглубь рощи и там дымить, выпуская дым вниз. Вообще с куревом надо было завязывать, да как это на войне сделать? Георгий не знал ни одного человека, которому бы удалось бросить курить с начала войны. Не, может тыловики какие-то... но не боевые части, однозначно.

— Жека, — толкнул напарника Боцман. — А ну позырь, а то у меня уже глаз того... замылился.

— Не хочу, — заочевряжился Жека, но все-таки подполз к трубе. — Нахера мы на них смотрим? Ну сидят себе

люди, служат, мерзнут, ждут получку... шо мы там не видели?

— Людей в хохлах увидел?.. — прищурился Боцман.

— Ты мне тут особиста не включай, лады? Я их и не развидивал... развиживал... короче! Ты шо, думаешь — они от нас сильно отличаются?

— А думаешь — нет? Кто их сюда, на наш Донбасс, тянул?

— Жорааа... — Жека отвалился набок и посмотрел на Боцмана. — А ты знаешь, сколько в Вэ-Сэ-У дончан служит? Немеряно. А ты понимаешь, шо с их дебильноватой типа мобилизацией каждый из них мог закосить влежку? Хоть на больничку, хоть в Польшу?

— Ну так они и закосили... почти все. — Георгию нравился этот спор, они вообще часто спорили, хотя об этом — впервые. — Ты ж знаешь, шо у них некомплект.

— Боцман ты целый, а мыслишь как юнга, — зачем-то постучал костяшками пальцев себе по лбу Жека, — зырь сюда и не слушай то телевидение. Сколько тут людей?

— Двадцать пять вроде вчера было.

— Жора, их больше, чем нас. В смысле — не здесь, а вообще. Тока внутри областей сейчас стоит сорок пять тысяч, из них на линии фронта — почти одиннадцать. А у нас общий состав армейских корпусов — пятьдесят. От силы. И то, скорее всего, гораздо меньше.

— И шо?

— А то, шо тебе вливали в уши про провал мобилизации, про массовые бегства этих... как их... «мужчин призывного возраста» в Польшу и даже в Россию... и ты поверил. Боцманус, четырнадцатый год закончился, очнись, брат.

— Я не понял, про шо мы говорим. — Георгий достал сигарету, размял ее и сунул в рот, не собираясь подкуривать.

— Просто ты близко их не видишь, бо дальше Макеевки и Докуча не едешь. А я мотаюсь в Волноваху каждые две недели и хожу с ними по одним улицам. Жора, это уже не те люди, которых ты штормил на блокпостах в апреле четырнадцатого.

— Та ну? И шо ж это за такие невероятные супермены-супервумены?

— Ну вот что ты видишь? — Жека повернулся, поправил легкий броник и снова глянул в трубу. — Что ты видишь в эту вот трубу?

— Ну людей, — медленно сказал Георгий, — и что?

— Опиши.

— Ну ладно, поиграем в твою игру... Бля, как курить-то хочется... Мужики, баб нема, двадцать пять штук, два «Урала» сорок-три...

— Та ты мне не список машин перечисляй! Людей опиши!

— Ну... бóльшей части — за тридцать, есть несколько молодых. Служат... ну как все. В наряды ходят, нас еще не спалили, значит, ходят хреново. Машины чинят. В магазин мотаются, на почту, в банкомат. Ну что еще...

— Бля... — Жека лег на спину и раскинул руки. — Главное ты так и не понял, братец-волк. Они... служат. Как умеют, но — служат. Да? Да. А теперь подумай, что тут было бы, если бы набрали народ реально из-под палки, как нам не тока «Оплот-ТВ», а и укромси рассказуют. Типа «сняли с поезда, отправили в эту... в нацгвардию». Под магазином окружили и в военкомат загнали.

— Не понял.

— Та не тупи ты! — чуть не выкрикнул Жека. — Думай, Боцман. Двадцать пять человек силой, под угрозой уголовной ответственности привезли на первую линию фронта. Раздали кучу оружия и неучтенного боезапаса. Поставили над ними такого же, силой мобилизован... мобилизованного лейтеху, например, или даже старлея. И — бросили. Властей нет, ментовки нет, прокуратуры нет, нихуя нет, делай шо хочешь, и тебе тупо ничего не будет. Представь, если бы они реально здесь силком сидели — шо было бы на опорнике? А на другом? А на всех? Пиздец был бы. Полный, как у нас при казаках. А ты шо видишь? Служ-бу.

— Бля, — задумчиво пробормотал Боцман. — А действительно. Как-то я не подумал. Если бы здесь люди из-под пал-

ки сидели, то был бы на опорнике реально сущий пиздец. Бухло, пальба, покатухи по Новотроицкому... Да все, шо эти долбанный кизяки в четырнадцатом в Докуче творили.

— Именно. Точь-в-точь. С одной стороны типа они запуганные, а с другой — вдруг с оружием и в зоне вседозволенности. В Риме тоже когда-то рабам оружие выдавали, кстати, — неожиданно блеснул эрудицией Жека. — И ничем хорошим это не закончилось.

— И какой вывод?

— Это не рабы. Это кто угодно — но только не насильно мобилизованные, согнанные ментами в военкоматы и выпихнутые в войска под страхом отсидки чуваки.

— Ииии... и шо это для нас меняет?

— Ничего, — улыбнулся Жека и опять пододвинулся к трубе. — И очень многое. Они не лучшие вояки на земле, но они... как это... они мотивированы, Жора. Они точно знают, для чего они тут. А значит — наши великие полководцы ошибаются.

— В чем именно? — Боцман решил таки сползть покурить и теперь прятал сигарету обратно в пачку, чтобы не намочить. — Де это они лажают?

— Они думают, что если попрут вперед... А планы такие были, ты знаешь... что если сейчас снесут и эти два опорника, шо на перекрестке и тут, то хохлы вынуждены будут перенести КПВВ ближе к Бугасу, а наши сядут на поворот в Новотроицкое. Так вот — они думают, шо как только двинут пару-тройку «броняшек» и батальон... да хоть бы и наш... то укры — побегут.

— А они?

— А они не побегут, Жора. Зуб даю, эти — не побегут.

ТАНЦОР, он же Василий, Дорога Т0509, 1 км западнее Докучаевска.

«Крест» приближался, и Стелс все снижал и снижал темп. Дорога тут слегка поднималась, и этот перепад высот пока скрывал нас от сепарского СП-шника. Там должен был быть АГС... его Стелс «выпалил» еще осенью с «серого» террикона, и три человека особого склада. Немного, плюс — далеко вато до наших позиций, и смысла воевать с ним никакого не было... поэтому эта СП-шка и не воевала никогда. Значит — что? Правильно, служба несется «на поухах». Поэтому — что? Правильно, наша великолепная наглость вполне может проканать. Следовательно — что? Следовательно — к Васе ужасно привязался этот комбатский стиль изложения материала. Это было и смешно, и несмешно одновременно, бо знай комбат, шо они сейчас творят... комбата подводить очень не хотелось. Вот прям очень.

Но и сидеть дальше, видя, как расползается особый склад, как между пальцев утекает мотивация людей, как падает на опорник лень, апатия, вечное недовольство... эта выходка встряхнула не только тех, кто пошел «погулять» к Докучаевску, — она встряхнула всех. Сейчас Федя там, на опорнике, собрал четырех человек, обвешанных в основном РПГ-22, и при нештатной ситуации («а у нас почти любая будет нештатной» — поправил себя Вася) через пять минут они влетят в дачный поселок, паля во все стороны, и попытаются нас вытащить. Как-то так и в подготовке, и в самом «выходе» так или иначе приняла участия вся рота... точнее, все двадцать человек плюс пятеро разведосов, и Вася видел, как пробуждались

глаза людей, как они оживали, начинали что-то бурно обсуждать, друг на друга орать, спорить, соглашаться и снова орать, ржать, курить по три пачки в день и зачем-то перебирать снарягу.

Армию, предназначенную для войны, оживить могла только война. Даже вот такая микроскопическая. Ну а если войны не было... значит, ее нужно было организовать.

Все. Стелс поднял руку и резко опустил. Вася пригнулся, сделал несколько шагов вперед, обошел Прапора и пригнулся рядом с Серегой.

— Дальше тока ползком, — Серега указал на трехметровый белый деревянный крест, стоявший на маленьком перекрестке. — Отсюда триста до СП-шки, но дорога прямая, они все проглядывают. Теперь думай, командир.

До «креста» пришлось ползти, и Вася, положив автомат на руки и дергаясь всем телом под кучей слоев неудобной одежды, в который уже раз подумал о том, как это все странно, по-идиотски выглядит. Вот дорога, заснеженная, не укатанная, но с толщиной снега гораздо тоньше, чем рядом на поле. По дороге, прямо посередине, белым днем, под лучами зимнего солнца, ползет человек, обвешанный кучей барахла. Так и ожидаешь, что вот-вот рядом проедет машина, из которой на тебя с недоумением посмотрят ее пассажиры.

Вдох-выдох, влево-вправо. По снегу, кстати, ползти проще, чем по асфальту. Кстати... вот эта аналогия с машиной... она ведь как раз про нашу войну, про дичайшую смесь мирной тыловой жизни, с магазинами, кафешками, дискотеками, банкоматами и блестящими машинами — и тут же, буквально в нескольких сотнях метров, абсолютно другая реальность. Блиндажи, мины, стрельба, техника, снова стрельба, мыши эти доставшие, хуже сепаров, честное слово... И мирная часть страны, точнее ее бо́льшая часть, с таким нелепым изумлением смотрит на армию, как смотрели бы пассажиры лакированной тачки, летящей на море по Одесской трассе, на ползущего по той же трассе грязного и уставшего солдата, изо всех сил пытающегося сделать так, чтобы на месте и в безопасности

остались и трасса, и тачка, и даже море. Мартин сказал бы «сюрреализм диссонанса миров», но Мартин вечно выдумывает какие-то определения окружающей действительности, так же, как и Вася, пытаясь найти общее понятие, описывавшее бы все происходящее дерьмо. И не находя этого определения.

Вдох-выдох... Вася остановился и повернул голову. Стелс и Прапор перешли на левую обочину дороги, немного сползли в кювет, окунув ноги в рыхлый снег, и выставили автоматы вдоль дорожного полотна. Сзади пыхтел Мастер, ползя, как ни странно, быстрее ротного.

— Бог в помощь, — прохрипел он, поравнявшись с Танцором, и сплюнул в снег. Капелька слюны повисла в бороде, Толик вытер ее перчаткой и выдохнул облачко пара.

— Не спится? — спросил Вася. Ползти еще оставалось около сорока метров.

— Ну типа того. Заскучал. — Мастер переложил АК, пальцем проверил, есть ли граната в подствольнике, и кивнул: — Поползли?

— Давай.

— Я первым, ты за мной.

— Схуяли?

— Если спялят и въебут — меня не так жалко.

— Кто это тебе сказал?

— Мартин.

— А, ну тогда понятно. Уговорил, чертяка языкатый. Давай, хуярь лыжню.

Мастер пополз вперед, Вася еще раз оглянулся, увидел, что группа расползлась по обочинам и попыталась найти какие-то укрытия, и двинул следом. Еще пара минут пыхтения и шапки, сползающей на глаза по мокрому лбу.

Возле огромного креста пришлось встать на колени. Даже не встать, а сесть на них и потом подниматься по сантиметру, пытаясь в древний советский бинокль увидеть хоть верхний краешек перекрытой траншеи, служащей сепарам на этой СП-шке микроблиндажом. Это оказалось неожиданно легко —

столб дыма поднимался прямо вверх, видимо, дров граждане «ополченцы» не жалели. Чуть выше, еще немного... вооот они. Точнее «вот никого».

Ожидания полностью оправдались — никто за этой дорогой, на которой сроду ничего не происходило, не следил. Триста метров, отделявшие Танцора от сепарской позиции, давали возможность прекрасно рассмотреть и перекрытие из тонких бревен, сейчас засыпанное снегом, и трубу буржуйки, перископом возвышающуюся на добрый метр, и... и бочину какого-то мужика, стоявшего «в дверях» блиндажика.

Танцор выставил ногу вперед, оперся на нее и постарался все получше рассмотреть. Так, АГС-а не видно — да и хрена ему торчать, это ж не пулемет, стоит, небось, себе в ямке, накрытый пленкой, и ждет. В дверях, выходявших вбок, виднеется мужик с автоматом на плече — он оперся о темный столб и подносит руку ко рту. Курит? А почему — в дверях? Это ж не полноценный блиндаж, он не закрывается, какой смысл...

Мужик посторонился, и из перекрытой щели, потеснив курящего, вышло двое. Траншея тут была выкопана «на отъебись», может, чуть глубже колена, плюс бруствер... короче, сепаров скрывала едва по пояс. По тому, как они медленно брели, Вася понял, что траншейка от снега не чищена. Лениваются господа освобожденцы, забили болт на службу? Похоже на то. Первый мужик остался стоять в дверях, по-прежнему выпуская дым и изредка помахивая рукой.

Танцор аккуратно опустил вниз, лег на живот и передал бинокль Мастеру.

— Толик, а ну глянь сам, своими глазами, потом перетрем.

— Ща... — Мастер аккуратно положил автомат на снег, взял бинокль и приподнялся. — А куда это два черта почесали?

— Не знаю. Смотри сам.

Мастер потратил на обзор гораздо больше времени — Вася в это время смотрел вправо, на отходящую на юг грунтовку («разбитую бетонку» — поправил он себя, вспоминая рассказы Стелса), которая уходила между двух терриконов — при-

вычного «серого» и следующего за ним. На ней стояли обычные для Донбасса тополя, голые и даже с виду хрупкие, и больше, собственно говоря, не было ни черта, даже следов колес или людей. По крайней мере... да черт с ней, с грунтовой-бетонкой. Мысль, пришедшая еще во время осмотра, копошилась в голове, не давала покоя, Вася пытался ухватить ее за хвост и вытянуть на свет Божий. Что я видел? Когда пришла эта мысль?

Буржуйка? Да нормальная буржуйка, топят как в последний раз, гиии. Мужик курит? Двое вышли? То, може, пострать пошли... а чего вдвоем? Один не в курсе, куда идти, и второй его повел? Черт его знает. Может такое быть? Да легко.

— Ну шо? — спросил Вася опустившегося Мастера.

Тот отдал бинокль, поднял автомат, отряхнул его от снега и наконец раскрыл рот.

— Видел троих. Буржуйка топится. Зброи нормальной нема, у двоих калашматы, у третьего тоже, но с «гэпэшкой». «Короткого» не увидел. Пулика не увидел, може, в блиндаже. Выносной антенны нема, значит, обычная радейка берет. То есть опорник недалеко, скорее всего в промзоне, ну мы это так и думали. — Мастер прищурился и добавил: — Два сепарка по траншее пошли, а траншейка не почищена и даже не натоптана. Значит, не в парашу. Тока куда — я не понял, там дальше деревья мешают.

— Твои предложения?

— Нууу... — Мастер пожал плечами. — Тре со Стелсом перетереть, хай еще он посмотрит. Нас не спалили, мы на фоне тополей тут скачем, голыми глазами тяжко, а в оптику какую-то они пока не смотрят.

Сука, что ж за мысль... Она не давала покоя, вцепившись прямо в глотку, и Танцор снова и снова прокручивал... буржуйка... боец... двое пошли... куда? Да хер их знает. Он курил... Труба дымит... Что, что не дает покоя?

— Звать Серегу? — нарушил молчание Мастер. — Сука, курить хочется.

— Погоди... Я еще раз посмотрю.

Вася опять медленно начал подниматься. Трудно «спалить» человека, даже стоящего, если он, конечно, не на аэродроме стоит, но вот движение этого человека заметить легче легкого. Двигаемся медленно, разгибаем занывшую спину, ногу вперед... Все, нормас. Бинобль к глазам...

Буржуйка на месте, вместе с блиндажом и траншеями. Труба исправно дымит. Мужик... мужик по-прежнему стоит, качаясь взад и вперед... смеется? Успели те двое вернуться? Нет, не успели бы, я раньше встал. А этот прям заливается, може, ему кто анекдот рассказал? Смеш...

Бля. Вот оно.

Танцор медленно, стараясь не торопиться, лег обратно. Намотал ремешок на бинобль, расстегнул большой, «пулеметный» подсумок и положил туда Б8-30, натянул нейлон крышки и защелкнул жалобно скрипнувший замерзший «фастекс».

— Ну шо там?

— Мужик этот, шо в дверях стоит, ржет як дурной.

— Эээ... не понял. Чего? Так, стопэ. Их там должно быть трое. Двое ушли, один в дверях... значит, их там больше? Четверо? Пятеро? Десять?

— Да, Мастер. Их там совсем не трое. — Вася утвердился на локтях и сдвинул шапку с потного лба. — Но не десять, столько в их нычку не влезет. Четверо, может, пятеро. Вряд ли больше.

— Нууу... да и хер с ними. Шо три, шо пять. Тре дождаться, как эти двое вернутся, и обходить, помолясь. Ляшко с ланчера наморщит отсюда, мы ж ближе будем — «мухами» добавим, АГС ихний тут ни к чему, я б «покемона» боялся, но мы ж с трех сторон будем... Должно получиться, командир.

— Должно... — Вася почесал лоб и надвинул шапку обратно. — Все, работаем. Давай Стелсу команду, и Ляшко нехай сюда тулит.

— Не вопрос. — Мастер развернулся, вытянул руки и покачал ладонями.

Стелс и Прапор окончательно сползли в кювет, загребая «мухами» снег, а Ляшко, заснувший, кажется, на своей трубе,

дернул Витю из сто-тридцать-первого и быстро пополз к «кресту». Мара и еще один хлопец из разведосов свалились на правую обочину и, пригнувшись, побрели обходить справа. Танцор провожал их взглядом, пока они не поравнялись с ним, только метров на двести южнее. На дороге остался один Мартин — он лежал возле упавшего на обочине тополя, развернувшись назад, и «пас тылы». Рации у всех были включены, но никто по ним не разговаривал — сепары хоть и тупили здесь и сейчас, но кто-то там дальше, в Докуче, по-любому слушал эфир.

— Ляшко, — буркнул Мастер. — Настал твой звездный час. Тот самый момент, которого ты ждал всю свою жизнь.

— Мені дали майора? — хрипло поинтересовался маленький младший сержант, перекладывая трубу РПГ-7 на правое плечо.

— Полковника, — серьезно сказал Мастер. — Посмертно. Возьми биноклю и глянь на блиндажик. По команде встаешь и метко-метко захуярываешь туда гранату.

— Чорний юмор в тебе, Толік, тьху на тебе, — скривился Ляшко и потянулся за биноклем. — Зара гляну. Скока тут, триста?

— Двести восемьдесят по карте, — ответил Вася. Мара уже скрылся за бетонкой, через пару минут пора было начинать. — Тока давай с первого раза, а?

— Абіжаєте, товарищ генерал-лейтенант, — пробасил Ляшко, получивший такой позывной за непередаваемый тембр голоса. — Все буде чікі-пікі. Зара гляну і...

Ровно на востоке, как раз за сепарской СП-шкой, вдруг резко, раскатисто, на всю, казалось, вселенную, взревел двигатель «бэтэра».

НАДЕЖДА, она же Надька. Докучаевск.

«Бомбилы» обычно кучковались возле «Авангарда», и Надя выдохлась и вспотела, доперев до стадиона два чемодана и Колю. Коля закапризничал, когда понял, что на улицу идут не гулять, а куда-то ехать. Четыре года пацану, ну куда ему понять? Надя сначала уговаривала, потом накричала, а когда сын расплакался, долго обнимала его, вытирала рукавом слезы — «чтобы глазик не застудить», и в конце концов он успокоился и теперь смешно переваливался по снегу, держась за ручку темно-серого китайского чемодана на колесиках.

Наде было тяжело. Она уже не помнила, что и как она натолкала в сумки, главное — не забыла отдать ключи тете Вере, соседке снизу, с торопливой фразой «я на пару дней, посмотрите, хорошо?». В сумочке, висящей поверх дубленки, был паспорт, Колино свидетельство о рождении, телефон и четыре тысячи шестьсот семьдесят рублей.

— Нет, не поеду, та куда? — отказался первый же таксёр, толстый мужик, стоящий возле заведенной «шестерки». — Гля, какой мороз, пункты закрыты, куда ехать-то?

«А чего ж ты тут стоишь, скотина?» — Наде захотелось заорать ему в лицо, но сдержалась. Она сама не понимала, куда так спешила — ну что бы изменилось, если выехать завтра или даже послезавтра? Чего бояться?

Надя боялась передумать. Опять испугаться, опять остаться в привычных стенах съемной хаты, опять ждать... чего-то. Надя боялась, поэтому спешила.

— Две тысячи, — говорила она каждому из таксистов, пивших кофе возле крытого красной рифленкой ларька. — Мне к маме надо. Срочно. Две тысячи, ребята.

Они прихлебывали растворимую бурду и качали головами, ни в какую не соглашаясь, сколько Надя их ни упрашивала. Не помогали ни слезы, ни упоминания про маму и срочность. Последний таксист, в нелепой синей шапке с помпоном, наклонился к Коле, потрепал его по щеке и покачал головой.

— Женщина, да закрыты они все.

— Должны быть открыты.

— Да все равно через Еленовку ехать, напрямик же не получится, за две тысячи никто не повезет.

— А за сколько повезете? — спросила Надя. Смиряться она не хотела.

— А сколько у тебя есть? — усмехнулся высокий мужик и сдвинул шапку.

— Четыре тысячи шестьсот семьдесят рублей, — отчеканила Надя и посмотрела ему в глаза. — Пожалуйста.

— Нет, — покачал головой таксист. — Я...

— Сволочь, — тихо сказала Надя, не отводя глаз. — Сука ты. Сепарская.

Мужик отступил на шаг и помотал головой. Надя поняла, что... что нужно просто возвращаться домой, выхода не было. Ехать на автобусе в Донецк, оттуда пересаживаться на большой автобус, идущий по трассе на КПВВ... тяжело, муторно, долго... и все равно — надо. Надо.

— Подвези хоть до автовокзала, — сказала Надя, глядя прямо в лицо нестарого еще дядьки, где жалость быстро уступала место злобе. — Не хочешь в Волноваху — отвези хоть на вокзал, нахрена ж ты тут стоишь, а?

Мужик опять помотал головой. Надя терпеливо ждала, откуда-то взяв в себе новую порцию сил. Не вышло на такси — выйдет на автобусе. Все выйдет, лишь бы с Колей все было в порядке. Все выйдет. Непременно.

— Эххх... в кого ты такая метушная... Садись давай.

И мужик, еще раз посмотрев на Колю, направился к серому старому «форду-сиерре». Надя потянула сумки, переваливая их через наметенный сугроб, Коля споткнулся, упал на коленки и заплакал.

— Ох ты ж бя... — проворчал мужик, опять поправил шапку и подхватил чемоданы. — Шо ж за херня такая... Поехали. На заднее садись и малого пристегни...

Машина лениво двинулась, приминая потертой зимней резиной грязноватый снег, развернулась и, слегка пробуксовывая, доехала до Октябрьской, а там, через несколько кварталов, свернула на Островского. В машине было неожиданно тепло, и Надежда стянула с Коли шапку, наконец-то пристегнула его и попыталась пристегнуться сама. Водила не пристегивался, просто расстегнул куртку и бросил свою синюю шапку на торпеду. Старый фورد натужно подвывал, теплый затхлый воздух машины смешивался с запахом бензина и тысяч выкуренных сигарет.

— Автовокзал налево, — сказала Надя, когда они проехали Полевую, и напряглась.

— Знаю, — кивнул мужик. — Не бойся. В Новотроицкое поедет, может, и пропустят. Штуку на кордоне этим... защитничкам отдашь. Может, и прокатит. Остальное — мне. Лады?

— Лады, — сказала Надя. — Конечно, лады...

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне».

— Я поссать схожу. — Жека отполз назад и встал на четвереньки. — И покурю нормально. Не скучай тут.

— Вот уж не собирался даже. — Боцман усмехнулся и отодвинулся от трубы, обхватив себя руками за плечи. Чччерт, не схватить бы простатит...

Мысли снова свернули на Валю, как и последние полтора года. Про Надю Георгий больше не думал — он уже мысленно вычеркнул ее из своей жизни, пусть живет как знает.

— Кстати, — пробурчал Жека уже от деревьев. — Тебе пока на подумать. Знаешь, какая зарплата у укропов будет с нового года?

— Какая? — Боцман обернулся, еще отодвинувшись от стволов поваленных берез.

— Семь штук гривнев и еще четыре боевых.

— Гривен, — снова поправил Боцман. — Это на наши... скока?

— Где-то тридцатка выходит.

— Скоооооокаааа?

— Отож. А ты говоришь «не иди в ВСУ, не иди в ВСУ...»

— Херррассе...

Боцман задумался, что бы он мог себе позволить на тридцать тысяч. Выходило... выходило немало, очень. Бля. Даже если получать боевые не за месяц, а за две недели... Георгий углубился в расчеты.

Если бы он в этот момент не считал чужие бабки, а смотрел бы в трубу, то увидел бы, что на украинском опорнике гряз-

но-белый лендровер выдул из выхлопной клубы черный дым, сдал задом к опоре, и в него сноровисто полезли четверо вооруженных до зубов мужиков, каждый из которых держал в руках «муху».

АНАЛЬГИН, он же Ярослав. 300 метров севернее и 25 метров выше ВОП 72103.

— Малий кудись зїбав, старий лежить, — произнес вслух Ярик.

Хьюстон не ответил — он и так видел это в свой ПСО-1, хотя и не так хорошо, как Ярик в прицел «Фагота». Рация молчала, минуты текли очень медленно, холод длинными тонкими пальцами пробирался через слои одежды, заставляя ежиться и напрягаться.

Хьюстон с Ляшко были земляками, жили в тридцати километрах друг от друга, вместе в один день попали в военкомат в пятой волне, потом — в Ровенскую учебку, сдружились почти сразу и с тех пор и не расставались. Хорошо, что повезло вместе попасть в сорок первый батальон и в одну роту. Хьюстон был большим, сильным, «на гражданке» зарабатывал тем, что копал колодцы и септики, зарывая бетонные кольца в грунт Винницкой области. Еще Хьюстон был вегетарианцем, что было крайне странно для сельского жителя, правда, при этом ел колбасу, утверждая, что в ней мяса нет. Ляшко в этом был склонен с ним согласиться.

Хьюстон сильно переживал, что его не взяли на выход, даже ходил выносить мозг Мартину... но остался и теперь лежал тут, на терриконе. Лежал и беспокоился.

ТАНЦОР, он же Василий. Дорога Т0509, 1 км западнее Докучаевска.

Кошка продрала ледяными когтями по спине... и ниже. Вася дернулся, зачем-то поднял голову, тут же резко ее опустил и потянул автомат. Толку в этом не было никакого, конечно, но ощущение оружия в руках всегда придавало... спокойствия? Автомат лег в ладони, глушитель приподнялся над плечом, рядом Мастер настороженно всматривался куда-то в район сепарской СП-шки.

— Хуяссе у вас тут блиндажикі, — сказал Ляшко, поставил РПГ-7 вертикально и потянул из порванного милтековского рюкзака еще один выстрел. — Нормальні такі. Хорошо, шо я одні «веелки» брав.

— Командир? — произнес Мастер совершенно спокойным голосом.

— Ждем, Толя, ждем. Може, прогревают.

— Никогда в жизни не стріляв в «бетеера», — сообщил Ляшко в пространство эту абсолютно ненужную информацию. — Аж цікаво, шо буде. Интересно, он у ніх «обварений»?

— Ляшкович, не накручуй себе, — пробормотал Вася. — Замри пока.

Двигатель, работавший на холостых оборотах, вдруг рыкнул, завыл, и звук, кажется, начал приближаться.

— Сваливаем в кювет, они с башни нас тут точняк увидят, — скомандовал Танцор и пополз на карачках влево.

Да, действительно, звук приближался... если «бэтэр» въедет к СП-шке, то спалит их во время отхода. Значит, ныкать-ся и ждать — неправильное решение. Даже если он покатает-

ся, устанет и уедет, то теперь мы знаем, шо у них тут есть рабочий, прогретый «бэтэр», который в случае стрельбы, без которой СП-шку не взять, тут же выдвинется и пошинкует мелко-мелко из своего КПВТ все, до чего дотянется. А нам его наморщить... Можно из РПГ-7, при удаче — прям отсюда. И «мухами» в борта, если вблизи.

Заманчиво, очень заманчиво сепарский «бэтэр» спалить, прям вот — «уууу» и «аааа». Аж ручки зачесались. Вот только... вот только «бэтэр» сам не приедет, значит, начнется войнушка, в которой мы будем растянуты и размазаны по дороге и полям, и на незнакомой при этом местности.

Значит — будут потери. Могут быть. Стоят они бэтэра? Кого из пацанов обменять на железную чушку? А если сепары выпасли нас и сейчас навалят с АГС-а, а «бэтэр» позвали для подстраховки?

Звук нарастал. Ближе, ближе... чччерт, а ведь мы даже свалить уже не успеваем!

— Ляшко, — спокойно сказал Танцор. — А дай мне на минуточку свой РПГ.

— На, — Ляшко передал ему трубу со вставленным выстрелом, хотел пошутить, но посмотрел в глаза и заткнулся. — Шо делать?

— Ноги в руки — и вали на «четырнадцатую».

— Сам?

— Со всеми остальными. Гранаты оставь. Как добежишь — маякнете в рацию.

— А как ты...

— Бегом! Бегом, я сказал!

Ляшко развернулся и, пригибаясь, припустил назад. Вася вытащил рацию, поднес к губам, выжал танкету и громко и четко сказал: «Синий! Синий!» Подождал несколько секунд, прислушиваясь к усиливающемуся звуку двигателя, и снова повторил то же самое.

Сигнал «Синий» обозначал, что все пошло не по плану и пора уходить. «Зеленый» обозначал «валим СПШ-ку», а «Красный» — что-то вроде «приняли бой, нужна помощь».

— Приближается, — пробормотал Вася и поднял РПГ-7. — Как дела, Толик?

— На меня даже не смотри, я не уйду. Старый я уже по снегам бегать.

Рация прошипела «...Синий — плюс» и тут же снова «...Синий — плюс». Отлично, и Стелс, и Мара со своими пацанами в темпе отходят.

— А если прикажу?

— Жене свое приказуй, — набычился Мастер. — Шо я потом скажу, шо командира бросил? Да меня Мартин сожрет с потрохами. А комбат потом станцует на костях.

— Не буду я тебя жрать, ты прокуренный шо тот бобёр, — раздалось сзади.

Танцор обернулся.

Мартин, уже без рюкзака, подполз сзади, сел на задницу и начал нажимать на боковую кнопку маленького коллиматора. Пот каплями катился по лицу, он стряхивал его, поднимал автомат, смотрел в коллиматор и снова нажимал кнопку. Танцор поморщился, Мастер хихикнул и поднял к глазам бинокль.

— Батарейка села, — пожаловался Мартин. — От холода, наверное. Ну шо, товарищі ахвіцери, шо сідім, кого ждьом?

— Ты-то шо тут забыл? — Танцор начал терять терпение. Звук двигателя... ааа, черт, уже и не определить было, приближается он или нет.

— Вас. Ничосссе, сижу, никого не трогаю, тут мимо Ляшко пробегает, кричит: «Ахтунг, на нас танк едет, командир остался прикрывать отход!» Не, ну я хотел, конечно, вчера танки, но не прям вот так. Ну я пришел, а че, такой движ — и без меня. Не, я так не играю.

— Не рота, а бардак, — пожаловался Вася биноклю. — Командира не слушают, на приказы хуй забили... Придется вас по возвращению казнить.

— Вот как вернемся, так и казни на здоровье, — ответил Мартин, повернулся спиной, вытащил из нарукавного кармана очки и водрузил на нос. — О, вижу и Стелса, и Мару... все, ушли за поворот. Шо делаем, тусим тут, чи пошли домой?

Звук не менялся, и чччерт его знает, где стоял тот «бэтэр». Ну... ну не получилось.

— Домой, — сказал Танцор. — Аккуратно, но быстро.

Мастер отвернулся и быстро шагнул к кресту, запустив руку за пазуху.

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне».

— Жора! Жора! Жорка, бля!

— Шо!

— Укропы у поселка!

— Какого нахер поселка?

— У... уууух, мля, аж захекался... по дороге с Докуча идут, к нашему дому подходят. Человек семь-восемь. И бусик их зеленый на перекрестке стоит...

— Бля...

Боцман сдал назад, почти наткнувшись на запыхавшегося Жеку, потянулся за рюкзаком... плюнул, схватил СВД и, пригнувшись, быстро пошел налево. Да в жизни они там не ходили, че забыли-то? Глянуть надо, сколько тут — сто метров пройти и выйти на край, с которого уже и поселок видно.

АНАЛЬГИН, он же Ярослав. 300 метров севернее и 25 метров выше ВОП 72103.

— Хью, наши «сіній» передали, «ленд» пока не виїжджає. Чекай, скоро вже будуть...

— Та и нормас...

— А то... блять! Старий побіжав з вінтарем наліво. Бля, сука, спалів наших!

— Де? — Хьюстон зашарил прицелом по кустам «серого» террикона, но в этот момент Боцман с Жекой как раз углубились в посадку.

— Не бачу вже... Кіллер. Кіллер Анальгіну! — забубнил Ярик в рацию.

— Кіллер тута, — раздалось из обычного китайского «бао-фенга».

— От твоей наводкі візьми влево десь п`ятдесят та розчеши посадку. Не... не, стой. Візьми сто і жді, я скажу. Чі стрельну.

— Поняв-прийняв, жду, давай.

— Сука... де ж вони... де ж вони...

Ярик крутил верньеры «Фагота», пытаєсь увидеть движение в серо-белом переплетении ломких веток.

МАРТИН, он же Мартин. Дорога Т0509, 1.5 км западнее Докучаевска.

Нет, конечно же не бежали — отходили, правда, быстро. Я свернул к тополю, подхватил свой медрюкзак, закинул на плечо и осмотрелся. Приближался поворот дороги, да и сама дорога шла под уклон, еще метров сто — и мы станем невидимы для «бэтэра». Да, вполне досягаемы для АГС-а, но це треба ж знать, куда стрелять...

Вся гоп-компания ждала нас сразу за поворотом, рассевшись по сторонам дороги. Нет, не вся, не было Ваханыча с Козачком, но из остальных на приказ «двигаться на „четырнадцатую“» забили дружно все.

— Делегация прям, — забурчал Мастер. — Ну Ляшко понятно, боится, шо Танцор его ненаглядный гранатомет проебет. Но ты, Прапор?

— Не еби мене й не мучь, — отделался Коля стандартной фразой из субкультуры ЗСУ. — Ну шо, може, хоч сепарский домик нахлобучим, не?

— Не, — сказал Танцор. — Просто уходим. Че толпой идем, але, военные! Станьте по-человечески... — Вася отдал Ляшко гранатомет и махнул рукой.

— Это мы от нервов, — сказал Прапор.

Мара заржал.

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне», 100 метров на север от предыдущей позиции.

«Вот он. Вот он, ссука!» — ликовал про себя Георгий, пристраивая «СВД-ху» к стволу. В кружке оптического прицела высокий мужик передал низкому гранатомет и замахал рукой. Раз, два, три... девять. Девять человек и двести метров, и Боцман был выше метров на пятнадцать... Одно-двух — точно получится.

— Фууу, мля... за тобой не угонишься... — забормотал сзади Жека. — Ну шо, есть?

— Есть, есть... — облизнул губу Боцман. — Щас потануем с хохлятками. Тридцать штук зарплаты они захотели, бя...

— Слышь... — каким-то странным тоном протянул Жека. — Может... Может, ну их нахер, а? Пусть идут?

— Это тебе похер, беженец, — зло выдохнул Георгий и навел «уголок» прицела чуть левее центра фигуры командира, шедшего предпоследним. — А мне — пока еще нет.

АНАЛЬГИН, он же Ярослав. 300 метров севернее и 25 метров выше ВОП 72103.

— Ось він, сука! Бачиш? На краєчку, біля сломаного... ну бачиш, не?

— Бачу... — Хьюстон нашел стоящую на колене фигурку, пока Ярик умащивался за «покемоном».

— Ну як бачиш — то стріляй!

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне», 100 метров на север от предыдущей позиции.

Бах! Хлесткий выстрел «СВД-шки» разорвал морозный воздух, горячий кусочек металла описал пологую кривую и воткнулся в дерево где-то левее Боцмана.

— Жора, шухер, спалили! — крикнул Жека и вскинул автомат.

Боцман не ответил. Палец начал движение, вжимая холодную скобу старой советской винтовки.

КИЛЛЕР, хотя чаще всего — Петрович. ВОП 72103.

Сверху, от Ярика, ударил одинокий выстрел, и тут же, через секунду, зачастил ПКМ, хлестая короткими, по два-три патрона, очередями. Петрович хэкнул, навалился на АГС и нажал на клавишу.

Лента затряслась, и злые цилиндрики калибром тридцать миллиметров взвились над трассой, ненадолго зависая в верхней точке, как раз над разделительной полосой, и устремляясь вниз, на склон, поросший кустарником и редкими деревьями. Ушли все двадцать девять — эта лента было почти новой, «крабики» были ровные. Петрович сплюнул и начал менять «улитку».

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне», 100 метров на север от предыдущей позиции.

Выстрелить не успел — вслед за одиночным выстрелом вокруг зашлепали тяжелые пули. Георгий пригнулся и метнулся от края, волоча винтовку за ремень, за ним рванул Жека, путаясь в кустах, виляя и пытаясь не отстать. В короткие очереди влился новый звук, и Боцман только через несколько секунд опознал хлопки АГС-а. Нужно было быстрее, быстрее... нужно было успеть выбежать из зоны обстрела пулемета и залечь, переждать падающие ВОГ-и.

— Ложись, — крикнул Георгий и метнулся под выворотень. Упал в снег, утонул с головой и откатился, плюясь и дергая ремень винтовки. Среди деревьев показалась фигура Жеки, тот явно не услышал. — Ложись, говорю!

Двадцать девять ВОГ-ов прилетело на северо-западную оконечность «серого» террикона с небольшим перелетом, засыпав осколками мелко насеченной проволоки кусты и редкие деревья. Последние два, завершая свой длинный и единственный в жизни полет, упали чуть дальше и правее, первый из них не взвелся и коснулся земли метрах в семи за спиной бегущего Жеки, утонув в снегу до весны, а может, и навсегда. Последний пролетел чуть дальше, воткнулся в снег, дошел до земли и взорвался в четырех метрах от Боцмана и в метре — от Жеки.

— Ох бля, — выдохнул Георгий, когда над лицом пронеслись мелкие осколки. — Я...

— А, — как-то односложно и тихо сказал Жека и рухнул в снег.

ТАНЦОР, он же Вася, Дорога Т0509, 2 км западнее Докучаевска.

— Стрельба на «сером»! — крикнул Мастер, хотя все и так услышали выстрелы, а чуть позже — взрывы ВОГ-ов в двухстах метрах от дороги.

— Наши захуярили, — сказал Прапор. — Пиздец «секрету».

— Може, и не пиздец, — возразил только что вышедший из-за домов Ваханыч. — Може, и не попали. Они ж сюда стреляли, а секрет там, в березках.

— Може, и не пиздец, — покладисто согласился Прапор. — Но того здоровья вже не будет. Ну шо вы?

— Та ничо, — пожал плечами Ваханыч и поддернул автомат. — Посидели, потупили.

— Докладуй, — сказал догнавший Вася, пока группа снова набирала темп, двигаясь в сторону перекрестка. — Не томи душу.

— Короче. В сепарском домике никого не було, то мы там две растяжки поставили...

— Хера вы туда полезли?

— Ну так получилось... Ну цікаво же.

— Бардак, — опять сказал Вася и зачем-то погладил подсумок с биноклем. — Всех казню. К херам. Этот приказ не выполняет, тот вперед лезет, бо ему, видите ли, «цікаво», эти к сепарам на хазу пошли... Не Збройні Сили, а какой-то циркна-дроті...

— Командир, не рычи, я тебе гостинца принес, — миролюбиво сказал Ваханыч и протянул Танцору темно-зеленую коробку. — Российский сухпай, целехонький, новехонький,

производства... щас, де оно тут... а, вот, две тысячи четырнадцатого года. Гля, яка краса.

— Уничтожу, — буркнул Вася, но сухпай забрал. — Дальше давай.

— Так а всё. Залезли, ничего цикавого, подсунули «эфку» под цинк, ну и еще одну на дверку сортира поставили, гиии, оце буде ржачно. А ничо так сепары живут, по-богатому. Тока срач развели... капец. Як свыни.

— Мда... Ну ладно, все в комплекте — и то хорошо. Давайте, пацаны, прибавьте ходу. — Вася пошел вперед, обгоняя группу, и потащил из кармана телефон.

— А, кстати! — крикнул вслед Ваханых. — Помнишь, «четырнадцатая» про деда говорила, шо типа и вашим, и нашим? Ну шо в большом доме живет?

— Ну. — Вася искал номер Феди.

— Бабка у него там. Внутри. Старая совсем, почти не ходит, он ее чуть ли не носит, и обтирает, и кормит, получается, с ложки... короче — вот.

— Понятно... — протянул Танзор и приложил телефон к уху. — Ну ахуеть просто, а не война...

БОЦМАН, он же Георгий. «Серый» террикон в «серой зоне», 150 метров на север от предыдущей позиции.

Жека... Жека булькал, и Боцман сразу понял, что живым не донесет. Винтовка и автомат качались на шее, длинное и неожиданно тяжелое тело давило на плечи, левый рукав полностью пропитался кровью. Жека «отходил», но Боцман пер его по натоптанной тропинке, теряя силы, сцепив зубы и думая почему-то о том, что в кино обычно умирающий человек говорит какие-то предсмертные слова, важные, значимые или хотя бы ласковые. Что-то типа «передайте моей жене...» и тому подобная лабуда.

Жека не говорил ничего — у него горлом шла кровь. Хотя... нет. Уже не шла.

Боцман остановился, но опускаться на колени и снимать Жеку не стал — понимал, что больше поднять его не сможет. А бросать здесь этого олуха не хотелось.

Сукааа... последние ж дни дослуживал, чччерт. Если бы я не побежал, как тот долбоеб, стрелять... Ах ты ж... И плитки повытаскивал, «мне холодно», «мне тяжело»... Идиот херов. Нет, два идиота херовых. Шо я твоей малой скажу...

Жека умер через несколько минут после взрыва ВОГ-а, не успев ничего сказать. Телефон его посеколо осколками, а номера жены у Боцмана не было.

Если бы в бронике были плиты — то был бы шанс... но плит не было.

ТАНЦОР, он же Вася, 35-й километр трассы «Донецк-Мариуполь».

— Че стреляли-то? — Мартин дернул командира за куртку, когда все грузились в машину. Дизель улыбался во весь рот, Козачок что-то рассказывал Прапору и махал руками, бородатый старшина с «четырнадцатой» тоже улыбался и курил.

— А? — обернулся Вася. — А. Секрет шо-то ихний резко сдернул в нашу сторону, може, как-то спалили нас, чи еще что-то.

— Попали?

— А хрен его знает. Петрович туда улитку высыпал, а вторую уже заглобил, от куркульская душа, приедем — выебу. Потом сходим посмотрим. А ты не знаешь, чего это Мастер такой довольный?

— Тю. Из-за флага, понятное дело.

— Какого флага? — Танцор пожал руку старшине, захлопнул дверцу и обернулся. Перегруженная машина вырулила на трассу, перевалилась через разделитель и поползла на юг.

— В смысле — какого? Нашего, украинского.

— Я не понял.

— Шо ты не понял? Ты шо, не заметил?

— Да что, бля?! — Танцор начал сердиться, перекрикивая пацанов, весело галдящий в салоне.

— Мастер. Повесил. Флаг. На крест, — отдельно сказал Мартин. — Когда мы уходили. Вот сепары охуюют...

— Мда... — протянул Танцор и отвернулся, уставившись в мутное лобовое стекло. — Словом «пиздец» всего не передать...

Сзади показалась слегка виляющая легковушка, трясущаяся на наледи трассы. Серый «форд-сиерра» догнал еле ползущий вгору бусик, обогнал и ушел вперед, в сторону КПВВ. В заднем стекле, если присмотреться, можно было увидеть ребенка, глазеющего на зеленый корч.

Но никто не присматривался.

МАРТИН, он же Мартин. Село Новотроицкое, вечер.

— Вроде воно, не?

— Второй подъезд, пятый этаж. Дверка коричневая. Дима, а ну позвони еще раз.

Мы толклись на этаже, слишком большие, слишком шумные, слишком неудобные для маленькой площадки панельной девятиэтажки. Шматко держал два ящика тушенки, автомат соскользнул и при каждом движении бился стволом о крашенные перила. Дима Талисман, держа в каждой руке по два пакета со шмотками, наклонился и уперся лбом в звонок. Мелодичная трель повторилась, и меня почему-то передернуло: слишком уж эта площадка, эти перила и этот самый звонок не вязались с моей реальностью снежных траншей и вечно грязных рук.

Замок наконец-то щелкнул, и я отступил на шаг назад. Не знаю, почему я стал таким подозрительным, но вот как-то... короче, можете считать меня идиотом (и будете правы, в общем-то), но левой рукой я придерживал мешок, набитый пакетами с какими-то крупами, а в правой, заведенной за спину, был взведенный Васин «пэ-эм». Точно маньяк — на стирку с пистолетом приперся, да еще и с чужим. Во дворе, в машине, сидели Мастер и Ваханыч, в броне, с полным «бэ-ка» и, как говорится, «на подрыве».

— Здравсте, тетя Лена, — улыбнулся я, и женщина, одетая в какой-то теплый коричневый халат, по-прежнему кутающаяся в платок, отступила вглубь узкого коридора квартиры. Больше в поле зрения никого не было, злые супостаты не сбегали с верхних этажей, не вырывались из соседских квартир и не кидались гранатами.

— Бажаю здоров'я хозяйці! — тут же влез Шматко, отодвинув меня плечом, и тяжело втиснулся своим немалым телом в коридорчик. — Вибачайте, шо так пізно, військові справи... вам ящїки куда поставити? Може, сразу на балкон?

— Ой, ребята, — несмело улыбнулась тетя Лена. За ее спиной, чи на кухне, чи где-то в комната, что-то звякнуло. — Заходите... все. Ой, да не надо было.

— Надо-надо! — все больше расплывался в улыбке Шматко. — То ж ми не сепари якїсь, да?

Пока старшина рассыпался мелким бесом, стаскивая куртку, я кивнул Диме и вошел следом, пытаюсь рассмотреть квартиру.

Знаешь... обычная советская квартира, с лежащей печатью «здесь живет только женщина». Бедненько, но чистенько, потертый ковер в прихожей, краешек серо-зеленого дивана, выключатели до сих пор такие... совковые, узкая изогнутая черная клавиша. Картонные, крашенные белой краской и облущившиеся от времени двери в туалет и ванную. Антресоли, как неперменный атрибут восьмидесятых. Обычная планировка маломерки, желтоватые обои, запах...

Боже, как я по всему этому скучал. Как будто дверь в другой мир открылась с площадки — и в этом мире жили люди, стирали шмотки в стиральной машине, душ принимали, наверное... обедали за столом на каком-то наборе посуды, подаренном еще на свадьбу, поливали цветы на подоконнике, и непременно — отэту колючую хрень, как ее... «алоэ», не? У нас дома, в Горловке, была. Холодильник, небось, с магнетиками...

— Может... Ребята, может, в душ сходите? — прервала мои убежавшие мысли тетя Лена, обращаясь уже ко мне. — Да заходите, заходите, закрывайте дверь.

— Не, спасибо, — ответил я. — Нас там бойцы... нас там ребята ждут, поедem мы. Вот еще порошка купили, если еще надо будет — вы скажите. Ну и деньги... опять же, если надо — говорите. Хотя вы не скажете, понятное дело.

— Ой, хозяйка, і гарно ж у вас! Наче дома! — разливался Шматко. Он никогда не жил в квартире, у него был дом, по-

строенный его же руками и постоянно доделываемый каждый год. Теперь не доделает — ладонь Шматко после ранения летом под Старогнатовкой почти не работала.

Раздался частый топот, и за спиной Лены из кухни куда-то в комнаты промчался худенький ребенок. Спрятался за стенку, потом не утерпел и высунул один любопытный глаз.

— А это у меня дочка с внуком приехали из... приехали сегодня, — зачастила Лена, почему-то волнуясь. Я брал у Димы пакеты и ставил их на пол, прислоняя к вешалке в маленькой прихожей. — Надюша, да хоть выйди, поздоровайся с ребятами!

На кухне снова звякнуло, и в проеме показалась барышня. Ну... около тридцати, черные волосы, еще влажные после душа, слегка вьются, спортивные штаны и неожиданно — мужская рубашка, фланелевая, в серую клетку. Глаза... глаза такие же, как и у мамы — светлые, только... более живые, да? Скрещенные руки под высокой грудью, разворот плеч... красива, чертовка, очень по-донбасски красива, и очень похожа на маму.

— Здравствуйте, — спокойно сказала Надя и облокотилась о дверной проем.

— Ооооо! — тут же сделал стойку Шматко. — Надя, як приємно! Шо ж ви не казали, шо така красуня в вас живе, ми б ще раніш приїхали, зранку! Може, даже ще й ночью! Так на скільки договоримся з вами погулять, на завтра чи ще на сьогодні?

— Шматко, не пугай человека, — усмехнулся я и зачем-то потер руки. — Мы тут гости, не очень-то и удобные. И не заходи далеко, и так наследили. Пошли вже. Теть Лена, когда нам приехать? Можем послезавтра, можем даже с магазина забрать, вы ж до семи?

— Нет, мальчики, с магазина не надо... не все там... не надо, в общем. Приезжайте или завтра в восемь, или уже послепослезавтра весь день я дома. Ну, может, в магазин выскочу или с Колей погулять.

— Надя, то може я отдельно приїду, та разом з вашим синочком і погуляємо? — не сдавался Шматко. — Наче тепліє на вулиці, да?

— Спасибо, конечно, да мы сами как-нибудь, — улыбнулась Надя и подняла правую руку. На безымянном пальце поблескивало узкое колечко, слишком маленькое для располневших пальцев.

— О, що ж ви сразу не сказали! — всплеснул руками Шматко и помахал по-прежнему выглядывающему из проема ребенка. — І як вашого счастливця зовут? Шоб як встречу, так наругаю його, що таку красиву жінку до шлюбу взяв і дома тримає.

— Саша, — снова, но уже как-то по другому улыбнулась Надя. — Мужа зовут Саша. Он из двадцать пятой бригады.

Вона мала б гуляти парком.
Босоніж, під дощем, теплим ранком.
Жовте листя в бік сонця жбурляти.
З вільним вітром у танці кружляти.

Влітку в трави та квіти вдягнуться.
В тепле мариво загорнуться.
Дарувати життя і надію.
Та здійснити усі свої мрії...

А натомість, четвертий рік поспіль,
Тільки сльози, та болю їй вдосталь.
Тільки шепіт мін та пекельний дзвін...
Тільки він.

Вона мала б щасливо жити,
А не горя досхочу пити.
Вона донька, мати, дружина.
Вона в серці. Вона — Україна.

*Володимир Шевченко,
солдат, 2-й батальйон 95-ї окремої
десантно-штурмової бригади.*

Глава 2.

ТЕРРИКОНЫ

Потеплело, конечно, изрядно, но пацанам было наплевать — они чалились тут уже вторые сутки и к этому моменту задолбались так, что даже погода уже не оказывала никакого влияния ни на настроение, ни на самоощущение. Все-таки наблюдать два-через-два — от этого дико устаешь, хотя скажи какому-то нормальному человеку, что всех забот — лежать и смотреть то в бинокль, то в теплак, так и не поверит.

Разведка не копает. Принцип этот, свято чтущийся на словах, в реальности неоднократно нарушался, но в этом случае, на обратном скате полого террикона на юго-запад от Докучаевска, в этом не было смысла. Старый отвал был совсем не тем пологим холмом, какие встречаются на Донбассе ближе к южной его части (и которые жители северной и центральных частей Донбасса вообще «Донбассом» не называют), поэтому и спрятаться, и высунуться было и где, и откуда.

Леший доел ту гадость, которая входила в украинский сухпай образца пятнадцатого года под названием «консерва м'ясорослинна», а в действительности обозначала недоваренную перловку с редкими прожилками тушенки, и аккуратно уложил банку в зеленый пакет из-под этого самого сухпая. Пакет свернул, стараясь не слишком шуршать, и сунул под камень, на который опирался АКМ. Повернулся на спину, лениво поразмыслил, плюнул и решил таки покурить. Все равно за сутки с лишним стало понятно, что никого тут нет. Сейчас — нет, точнее, белым днем вряд ли какая-то залетная ДРГ решит пройти по балке, в которой проходила старая узкоколейка.

Вторая пара осматривала террикон и, само собой, делала это уже ради принципа, а не чтобы действительно убедиться, что сепарских «секретов» тут нет. Террикон, на котором они все находились, вытянулся с запада на восток, при этом с восточной стороны был достаточно высоким, с ужасным, но все-таки более-менее подходящим заездом для машин, а с западной — спускался пологими уступами на поле, прямо под сепарскую позицию «Амонсклады» или, если на новоросском, то «Аммонал». Если бы сепары завели на терриконе СП-шку или, того хуже, заняли бы его, то, во-первых, хрен его знает, как его снабжать, террасы отвала были выше двух метров, так просто не залезть, и дорога была все-таки одна, на юго-восток... а во-вторых, все, что им было бы видно с этого террикона, — это несколько дач, шиномонтаж на трассе и напротив него — заправка «Параллель», обложенная белыми строительными мешками с песком. Практически нулевая ценность огневого контроля с сомнительной ценностью получаемой информации.

Ситуация была прямо обратной, если бы террикон заняли збройники. Возвышение на несколько метров над «Аммоналом» и расстояние в один километр давало украинской армии шикарную возможность попрактиковаться в стрельбе почти из всех видов тяжелого пехотного и механизированного вооружения, равнодушно выбивая все точки, видимые с террикона. Плюс — огневой контроль дороги, ведущей с южной точки Докучаевска как раз к «Аммонскладам», а сепары уже давно не ходили этих пару километров пешком (неправда, ходили в магазин, пока командиры не видят), предпочитая все ротации личного состава на этом опорнике совершать с шиком, на грузовиках.

Террикон был пуст, и это было просто прекрасно. Леший надеялся, что сидеть им тут осталось до ночи, и уже по темноте они соберутся, спустятся вниз, на узкую грунтовку, и там их заберут бусик и джип ротного... но опыт войны в разведке с четырнадцатого, особенно в лавах семьдесят второй бригады, шептал ему на ухо «террикон будут занимать», и поэтому

сидеть им здесь аж до того момента, как по дороге заберется сначала «бэтэр» разведки, а потом — «бэхи» первого батальона семьдесятдвойки. Да и ротный, Скот, как бы намекал не особо рассчитывать на скорое возвращение... ну да и ладно. Потом отмоемся-отоспимся, обычно после возвращения в располагу минимум сутки разведосов никто не трогал.

Саня посунулся, когда Леший докурил, отдал ему бинокль, сполз пониже и взял свою СВД. Опять потрогал свежестановленный саундмодератор, который в армии все называли «глушитель», попытался пошатать и улыбнулся.

— Давай, давай, поламай ще вінтовку, — пробурчал Леший, осматривая горбы и впадины, поросшие кривыми деревьями. Более унылый пейзаж было трудно себе представить. — Не шатай, бля, нормально держится.

— Точно? — Саня с сомнением покачал головой. — Шось якось стрьомно.

— Стрьомно буде, як старшина в тебе це ружжо приймати буде і побачить, шо ти з де-те-ка зробив.

— І шо? Він її не прийме, і я з нею у отпуск поїду? — Саня погладил цевье, обмотанное бинтом и прихваченное лейкопластырем. — Гиин. Прийме, нікуди не дінеться. От жалко, шо нормально не пристріляв.

— Ти ж позавчора півдня бахкав на озері.

— Ну і шо. На п'ятсот нормально, на шістсот вже хуй його зна. Все ж вліяє ця херня на пулю, вліяє. — Саша шелкнул ногтем по глушителю. — Може, який сепар зайде, я його зніму...

— І получиш люлей од Ската, — закончил Леший и отложил бинокль. — Спи давай, я тут вечно сидіть не буду...

Пара разведчиков лежала на северо-восточной части террикона, на четвертой снизу (или второй сверху) террасе. Вторая пара, находящаяся на том же уровне, завершала обход террикона и скоро должна была выйти на дорогу, по которой они поднимались сюда, таща запас еды, воды и «бэ-ка» на несколько дней. Внизу, у въезда на эту самую дорогу, тормознул старый серый двухдверный пикап, «мицубиси-эль-двести»

какого-то девяносто-лохматого года, и с левым рулем, что было странно для волонтерских «корчей». Скат выпрыгнул из машины и, не дожидаясь, пока вылезет водитель и еще один боец, запертый в ловушке задних сидений, пошел открывать борт.

Действительно — теплело.

* * *

— Тре якость извернуться и послать это все нахер! — бурчал Вася, кидая телефон на узкую, заваленную баррахлом нару. — Сука, это пиздец, честно.

— Пиздец, — согласился я, зашарил по наре в поисках штанов, потом вспомнил, что вчера отвез их в стирку, и принялся искать софтшел. — Всем пиздецам пиздец, я так и говорил, товарищ генерал.

— Ты еще поподкалуй. — Вася с силой потопал по полу, будто проверяя крепость фанеры, и кунг зашатался.

Как надежно испортить настроение командиру с самого утра? Даже когда на улице явно теплеет, и есть шансы, что к завтрашнему дню сойдет снег, и вчерашняя выходка прошла без потерь и увечий, не учитывая пару седых волос. Правильно. Лучше всего портит настроение звонок из штаба. Народная военная примета.

— Николаич звонил? — переспросил я, хотя уже знал ответ. Носителем и передатчиком всяких дурных задач в батальоне почему-то всегда выступал человек, которого я, между тем, глубоко уважал, а иногда ему даже сочувствовал — наш замполит или, по-новомодному, «заступник командира батальона по роботі з особовим складом» Николаич.

— Он, — кивнул Вася и тут же решил выместить недовольство на мне. — Вставай вже, че лежишь. Зара будешь делать то, шо по телеку называют «боронити рідну неньку на лінії бойового зіткнення, мужньо та впевнено...»

— ...Аміль, — закончил за него я. — То есть какой-то документ составлять, да? Меня ж для этого с гражданки сдернули, от жены и ребенка оторвали, я ж для этого два высших

получал, чтобы тут вот, на самом передку, «у запеклих боях», покормить монстрика Української Паперової Армії какой-то никому нахер не нужной бумажкой? Да?

— Ой, заголосил, заголосил, — скривился Вася. — Все еще хуже, о мой постоянно ноющий друг. Все гораздо хуже.

— Шо может быть хуже этого? — не на шутку испугался я и начал искать свежие носки.

— Наш штаб, а на самом деле, скорее всего, штаб Первой танковой, в неизъяснимой мудрости своей, руководствуясь наказами Генерального Штабу та іншими керівними документами, а також савецкой традицією «наградить к празднику», затребовал у нас список восьми героических бойцов, достойных высоких наград класса «грамота».

— Мда. Звучит херовенько.

— Не, это еще не все. Также в тесном сотрудничестве с міською радою города-героя Волновегаса, места грехов и пороков, завтра, пятого декабря две тысячи пятнадцатого года, в одиннадцать о, о, состоится награждение в зале горсовета некоторых... короче, тоже пацанов.

— Серьезно? И чем будет награждать горсовет Вахи? Продуктовыми наборами? Значком «Почетный житель»? Ключами от города?

— Откуда я знаю? — огрызнулся Танцор и потянулся за курткой. — Банкир тебя наберет и даст два списка, на батальон и на город.

— Тю. Так если у них списки есть — от нас че надо? Дверку не открывай, дай одеться, холодно же.

— Так быстрее оденешься, — сказал Вася и конечно же распахнул дверку. Действительно, я начал одеваться гораздо быстрее. — Надо для города по каждому подготовить краткую справку. Інформаційну.

— Это типа как?

— Это типа пойдём кофе попьём, и я тебе расскажу.

— Ты мне сейчас скажи.

— Хер тебе. У тебя настроение испортится, и ты кофе варить не будешь.

— Тоже верно. Шаришь, начальник...

Вот чего я никогда не мог понять, это двух вещей. Не, ну не «всега двух», а двух про награды.

Первая — это «награждение к празднику». Что ж это за совок-то такой в воюющей стране? Почему ждаться-то надо? Какой смысл? Ну совершил человек что-то героическое, ну или просто отличился — ну дайте вы комбатам по ведру каких-то почетных знаков, и пусть они награждают пацанов на власний, командирский розсуд. Зачем нужно это все аж за подписью начальника Гениального... Генерального штаба, или аж Министра обороны? За такими подписями наградные листы долго едут и по дороге теряются, то есть выкидываются замполитами всех уровней, от бригадного, через Оперативное Командование и выше, в том же Гэ-Ша. Ну ладно — серьезные боевые награды, «За мужество» там или «Богдан», те верховный главнокомандующий подписывает, который по совместительству еще и президентом Украины работает... но эти мелкие «відомчі відзнаки» — чего так сложно-то? И почему — непременно к праздникам?

А вторая — это «грамоты». Ну ладно, в армии мирного времени одним из видов «заохочень» была «фотография со знаменем части», лютый идиотизм, и, может, это как-то и действовало на неокрепшие умы призывников... но сейчас и здесь... война же. Мобилизация как-никак, и тут — листик бумаги с красивым вензелем «за сумлінне виконання...»

От всего этого дыхнуло таким матерым, прогорклым советским духом, что у меня аж голова закружилась. Неневижу. Не-на-ви-жу. Слава Богу, я все-таки замкомроты «по особенно зайобистым питанням, которыми командиру заниматься лень», («секретарша», по остроумному выражению Сереги Президента), а по факту — какой-то деловод чи шо. Хорошо, что именно я должен составлять всю эту бумажную ахинею, в том числе и по грамотам, а значит — никогда не впишу туда себя, и унижительная чаша получения картонки с моей фамилией меня минует. Хоть это радует.

Я зря радовался. Ровно через семь месяцев Танзор, втайне от меня, таки впишет мою фамилию в очередной наградной список, в надежде на какую-то заваливающую медальку. Вручат мне, само собой, грамоту, ну хоть за подписью нашего комбата СанСаныча, что само по себе неплохо, а не какого-то «міського голови» чи «очільника цивільно-військової адміністрації». И хотя комбата я крепко уважал, но обиду на Васю я затаю надолго.

Декабрь пятнадцатого был странным — и по погоде, и по событиями моего маленького мира «зоны АТО». В нашем секторе, то есть от Докучаевска на севере до Широкино на юге, была какая-то не очень понятная вялая война, которую в основном можно было определить фразой «нас херачат — мы смеемся». Сепары, после осеннего затишья, снова начинали сыпать тонны металла на наши позиции, снова постоянно обстреливалось Гранитное, а на севере от нас, уже в секторе Б, вовсю воевали Авдеевка и Марьинка. Сильные морозы несколько дней назад слегка притушили фонтан, но уже сегодня мы слышали раскаты со стороны Донецка, и, клянусь чем угодно, мы все надеялись, что это наша арта валит по позициям противника... хотя чаще было наоборот.

Украинская арта днем почти не стреляла. Наша исключительно мирная позиция в этой войне была призвана, вероятно, продемонстрировать глубоко обеспокоенному цивилизованному миру, что украинская сторона на сто процентов придерживается Минских договоренностей кого-то с кем-то (никто из нас в этом не разбирался). К сожалению, мы видели только то, что наших «ровняют» почти каждый день, потери Збройних Сил к концу декабря достигнут несколько десятков «двухсотыми» и около сотни «трехсотыми», а наша ответка была редкой... слишком редкой для того, чтобы вообще выглядеть, как «ответка». По замыслу высоких штабов мы изо всех сил должны были изображать агнцев, но мы не были агнцами, как не были и демонами, просто нам, одиннадцати тысячам людей, державших четыреста двадцать километров линии фронта, как-то забыли сказать, почему в ответ на полсотни «чемода-

нов» из сепарских Д-30 наши выкидывали пяток своих и на этом все затихало.

Работа с особовым складом, проваленная еще, кажется, в наполеоновской армии, так и не появилась в новой украинской, и мне, айтишнику и младшему сержанту, приходилось периодически объяснять парням, почему все так по-дурачки. Хотя и мои запасы оптимизма уже заканчивались... потому что уже сейчас я был уверен, что если из Докуча по нам ввалит минометка, то в ответ не будет ни хрена, и единственное, что мы услышим в рации — это «людей в укрыття, посиляти пильність та доповідати по обстановке». При этом сами пацаны-артиллеристы скрипели зубами и матерились — так им хотелось ввалить по сепарам. Но приказ! Точнее — его отсутствие.

Я не сказал бы, что эта позиция командования нашей армии, которую нам, тем самым людям, которые и реализуют все, что напридумывают высокие штабы, мне не нравилась. Словами «не нравилась» ничего не описать, я просто не понимал, что мы делаем и к чему эти наши действия должны привести, а мне было тридцать пять, я привык разбираться в том, что происходит вокруг, да и, честно говоря, сколько бы я ни прикалывался по поводу моей военной посадки «діловод другої роти сорок першого окремого мотопіхотного», фактически я был заместителем командира, и на мне тоже лежала ответственность за жизнь и здоровье людей. Не такая, как на Танцоре, конечно, но свою я тоже ооочень хорошо ощущал.

Наша концепция «на арту должна отвечать арта, а если не отвечает, то сидим ровно и крепимся» меня в корне не устраивала, и поэтому идеология Стелса «пойдем и что-нибудь натворим» и у меня, и у Танцора падала на полностью подготовленную почву. Но вот только Серега — это «воин с автоматом», а тут треба было думать масштабами роты, которая, хотя составом и не дотягивала до полноценного довоенного взвода, все-таки по всем бумагам проходила как «рота», значит и задачи должна была выполнять именно ротного уровня, так? Бойовий Статут Сухопутних Військ, книга 2: «Рота, батальон». Нужно читать, братец, не шляться с кофе по ВОП-у

или с автоматом под Докучаевск, а читать книжку и крепко-крепко думать.

Первым делом, войдя на КСП, я пошел в дальний угол и проверил, не прячется ли за издыхающим ноутбуком наш спецназер Федя. А то завел, понимаешь, привычку неожиданно выскакивать и пугать меня. К счастью, Феде не было, на экране ноута была серая пелена и надпись «NO SIGNAL», а на узкой неровной лавке валялся Ваханыч и играл во что-то на телефоне.

— О, заебись. А хде этот... наш молчаливый, но такой навязчивый друг?

— Кто, Скорпи? В армию забрали, — хохотнул Ваханыч. — На террикон полез, чинить.

— Террикон?

— Камеру. Не пашет же.

— Я думал — от холода. — Я поежился и вспомнил, что газ в баллон мы так и не заправили, значит треба кочегарить буржуйку на полную.

— Я тоже думал. Но Скорпи полез. Може, отогреет своей жаркой душой. — Ваханыч отвернулся. — А Вася в блиндаж пошел, Мастера искать.

— А, ну нехай. О, а де собака? — Я осмотрел окрестности буржуйки. Собаки по кличке Принцесса Догана не было, хотя обычно она валялась прямо под железным цилиндром, протянув длинные лапы поперек прохода. Кота тоже не было, но кот меня не интересовал.

— Талисмэн говорит, пошла искать де щениться. Так шо вы кунг поплотнее закрывайте, а то приведет вам там щенят — охереете.

— Там холодно и документация роты, которую тре доделать, — опять поежился я и грустно посмотрел на пустую поленницу. — Ни одна военная собака, если она хоть шо-то понимает в воинской службе, и близко к кунгу не подойдет. Не хочешь дров нарубить?

— Не, — зевнул Ваханыч. — Я ж в наряде. На камере.

— Так она ж не работает!

— Какая разница? Наряд есть наряд.

— Даааа, брат мой, быстро ты уловил суть службы... — протянул я и поплелся за топором. Вася из блиндажа так и не показался.

* * *

— Да они охренели! — хлопнул рукой начштаба, и складной столик зашатался. — Все, пизда хохлам. Не жилось им спокойно. Уууу, бля, я таких на службе, было дело...

Боцман незаметно потерял ногу. Два мелких осколка застряли в голени, и врачаха в горбольничке их, конечно, вытянула, пока Георгий пытался не заорать, заодно соображая, как такие мелкие хреновины могут причинять столько боли.

Жека теперь лежал в морге. Боцман не помнил, как дотащил его до дороги, и там их увидели, конечно, и на «бэтэре» мигом домчали в город, и крови он не особенно-то и много потерял, по крайней мере, сейчас еще ходил, хотя новокаин уже отходил, и ногу начинало дергать. Ничего, до дому доберусь, в ванну залезу, Надька уже поможет...

— ...короче будем работать конкретно по этому опорнику, — подытожил «эн-ша». — Но тихо. Парни сходят, вырежут их там к херам, да и вся забава. Кто там, мобилизованные селюки? Сорок первый батальон? Херня, короче, повезло им просто.

Чуть раньше Боцман, докладывая ротному, попросил телефон Жекиной жены, но тот отмахнулся, дескать, не твоя это задача, комбат сам позвонит и все расскажет, красиво, честь по чести. И Жеку похороним по-человечески, как бойца, короче, не парься, Боцман, все нормально будет, иди лечись, десять дней отпуска тебе.

— С миномета, я прикажу, расчет отработает прям сейчас, пять мин положат, чтобы им жизнь раем не казалась. Больше не можем, и так по восемь-два запаса почти нет, — закончил майор и встал. — Все, Георгий, иди отдыхай. И дежурного позови мне.

— Спасибо, Иван Ильич, — поблагодарил Георгий и вышел из большой комнаты на первом этаже особняка. Ну как, «вы-

шел» — скорее, «выхромал», держась за стенки и пропуская шмыгающих по этажам людей.

Шатало. Ночь ведь в больнице провел, не выспался ни хрена, и сознание мутилось... но спать сейчас не получится. Пойти пожрать чего-то на кухню, если повара дадут, или сухпай дернуть, и к минометке сходить, посмотреть, как они отработают, а потом и спать...

Никто, конечно же, не позвонит Жекиной жене, как и не похоронят Жеку с почестями, но Боцман узнает это гораздо позже.

* * *

Смысл был такой — ты берешь старую крышку от «Запора», еще летом ездившего, а теперь догнивающего за баней, и кладешь ее на колоду. Ставишь в нее вертикально куски напиленной акации, пока не заполнишь все внутреннее пространство. Потом подымаешь колун и начинаешь из всех сил херачить по этим дровенякам, хэкая и потея. Через минуту получаютя наколотые дрова. Хватаешь за крышку, дрова в ней, кстати, держатся, и несешь к буржуйке. Там встряхиваешь — и вот тебе груда мелких дров. Потом повторяешь, пока не надоест.

Это Танцор с крышкой придумал, от лени, шоб за каждой деревяшкой не нагибаться. Лайфхак, понимаешь. Не знаю, стоило ли для этого жертвовать целым «Запорожцем»... ну да командиру видней.

Махание топором разогнало кровь по жилам, напомнило о том, что я еще не умывался, и вызвало обычный утренний кашель курильщика. Не, вот вернусь — точно брошу, к гадалке не ходи. Ага. Конечно.

Стелс нарисовался в стиле разведки — неслышно, сзади, неспешно дымя сигаретой и сунув руки в карманы.

— Теплеет, чуешь, — протянул он вместо приветствия и пнул крышку. — Може, и растает.

— Скока щас? — Я с сомнением осмотрел криво наколотые дрова и решил, что для одного чайника этого хватит.

— Шестнадцать и растет. Таким хером к празднику вообще плюс будет.

— К шестому? Та ну, вряд ли. Шо вы там, нормально? В батальон долажували?

— Про прогулку в Докучу? Не, просто в тетрадку выход записал.

— Тоже верно... — я схватил камеру и кивнул. — Пошли на КСП, кавы поьем, потрындим.

— Та я за этим и шел.

— Ну то и не тупи, возьми вон те, мелкие, и пошли.

— Опять пехота разведку припахала...

Танцор разговаривал с Мастером, и я втайне позавидовал Толику. Ни тебе бумажной работы, ни списков дебильных, ни выноса мозгов... надо все-таки у Васи узнать, шо ж именно от нас батальон хочет, какие такие «информдовидки»?

— Привет, Толик.

— Здоров. Херррасе, Мартин дрова колет. Чудеса, мля. Тебя шо, вчера в Докуче подменили?

— Ага. В детстве. Как в индийском синематографе. «И на смертном одре я признаюсь тебе, сын мой — ты не сын мой, ты дочь моя...»

— Толик, собирай пацанов, в смысле — построение. Есть про шо поговорить, давай через пятнадцать минут. — Танцор покрутил пустую грязноватую кружку и уставился на меня. — А ты, сонечко, возьми «форму-раз».

— Зачем?

— Хорошо с Мастером, — пожаловался Вася кружке. — Ему сказал — он сделал. А этот... «Зачем...», «почему...», «не для того я в армию пришел...» Тяжело с тобой, как...

— Меняюсь с Мастером, — тут же перебил я и с грохотом скинул дрова. — Готов уступить место в кунге, твое ненаглядное общество и высокую посадку заступника командира по чему-то там.

— Иногда мне кажется, что это не такая уж плохая идея...

— Ни хера, — тут же отреагировал Мастер, видя, куда сворачивает разговор. — Ни за что. Вася, ну сам посуди, ну где

я — и где эти бумажки. Хай Мартин, чернильная душа, в кунге вашем ненаглядном живет. Его хер протопишь, кстати.

— Эххх... сорвался, — сокрушенно покачал я головой и начал запикивать дрова в буржуйку, прямо в тлеющие угли. — А так хорошо все начиналось! Ваханыч! Набери снега в чайник, питьевая закончилась, Барин кохфе забажав...

«Форма-раз» была книжкой формата А5, в замызганной твердой картонной обложке, и в ней, в соответствующих графах, писались сведения о посаде, звании, имени-фамилии, месте проживания и составе семей військовослужбовців. Таким образом, этот гхм, документ был фактически главным во всей документации роты, бо содержал больше всего сведений про особовий склад. Самое смешное, что по какой-то из бесчисленных телеграмм, то ли из штаба сектора, то ли вообще из штаба АТО, хранение этой книжки на опорных пунктах «лінії бойового зіткнення» строжайше запрещалось. Правда, где и как ее хранить, там, само собой, не уточнили, поэтому мы, естественно, забили-забыли и держали ее в кунге, в специально обученном зеленом рюкзаке для документов. Иногда Вася мечтал, что в кунг попадет мина, и вместе с кучей полезного барахла сгорит и этот самый рюкзак, хоть временно освободив его от тяжелой ноши по ведению документации.

Мины, как потом покажет время, будут падать куда угодно, но только не в кунг.

Книжка была замызганной, затрепанной, странички позадирались, а на обложке разве что кружков от чашек с кофе не было. Каждый раз, когда я доставал ее после наряды в штабе батальона, наш начальник штаба, Викторыч, делал печальное лицо и начинал сыпать упреками, дескать «ну кто так документы содержит, ну ты шо, дебил?». Я соглашался, в принципе, что да, дебил, хотя было немного обидно. Даже как-то собрался облагородить внешний вид документации, может, обложку какую-то на нее надеть, но опытный Вася, бывший в армии дольше меня на целых три месяца, строжайше запретил. «Нельзя терять имидж мобилизованного долбоеба», — нравоучительно вещал он, размахивая сигаретой, — «как нель-

зя и приводить всю документацию в порядок и полное соответствие керівним документам. Как тока «эн-ша» поймет, шо мы не такие дурашки, как прикидываемся, будет пинать нас, пока мы не заведем журнал учета книг учета, разрисуем все «карточки вогню» и даже (тут Вася переходил на страшный шепот) родим паспорт ВОП-а. Этого допустить никак нельзя...» Ну, мы и не допускали, благо командиры наши все-таки в первую очередь смотрели на результаты службы, а уже потом — на состояние этой чертовой документации.

Вот и сейчас я небрежно сунул книжку в боковой карман штанов, сложил руки за спиной и стал покачиваться с пятки на носок. Рота, точнее — остальные восемнадцать человек, тяжело сползлась к кунгу на «построение», переговариваясь, щурясь, галдя и выпуская клубы дыма дешевых сигарет в стремительно теплеющий воздух.

— Бажаю здоров'я, товарищі! — неожиданно гаркнул Танцор, выходя из кунга с пачкой каких-то бумаг.

Ляшко аж присел от неожиданности, Мастер заржал, а Механ прищурился и стал выглядывать, к кому это командер обращается.

— Бажаємо найміцнішого, товарищ генерал-лейтенант... — протянул Прапор и толкнул Козачка. — Не тупи, бро, бачиш — целый лейтенант с тобой поздоровкался.

— Здравствуйте, — вежливо сказал маленький Козачок и сплюнул.

— Короче, пацаны. Дело такое, шо в принципе как и нема о чем говорить... но все равно говорить надо, — начал Вася, и пацаны, разгребая «дутиками» снег, потянулись поближе. — Позвонили из штаба, поставили задачу... Есть идеи — какую?

— Взять Докучаевск! — обрадовался Прапор.

— Отдать Докучаевск, — тут же ответил я. — Смешно.

— Все ясно, — уныло пробормотал Ярик. — Хтось на наші позиції, а ми в тил хуяriamo. Ротація, да?

— Пизда отпуску, — сказал Козачок и снова сплюнул.

Ротація... слово, которое сейчас, в армии конца пятнадцатого года, обозначало что-то эфемерное, обязательно свя-

занное с переездом... а нет в армии хуже процесса, чем переезд — чи то на другие позиции, чи в тыл.

Странные все-таки люди служили со мной рядом. Не, каждого по отдельности, понятное дело, до зубовного скрежета и зеленый соплей достала и война, и быт, и... и вообще хотелось в отпуск, а лучше — на дембель, к жене, детям и вишневому садочку. Но как только звучало слово «ротация» или, как сейчас чаще говорили, «выход», сердца товарищей военных наполнялись ужасом. Потому что... ну как это? Все бросить? И блиндаж тока-тока доутепляли, и дрова вже нарезали, и вообще, ну как это, война — и без нас? Сменщики? Какие нахер сменщики, кому они тут тре, все проїбуть, все розвалять, всю войну проиграют, та ну наххх. Да и переезд, то есть «марш комбинированным способом», — это такой лютый треш, сорванные спины, три дня без сна, разваленные грузовые платформы, орущие на солдат командиры, орущие на командиров солдаты, бардак дичайший, малоподконтрольный, и от этого — еще более пугающий. Не-не-не, мы лучше тут посидим, мы тут всё знаем, всё умеем, в нас вже и ориентиры пристреляны, и посадки растяжками да сигналками затянуты, и вообще, Шматко по весне лук собрался садить... короче, нахер-нахер эту ротацию, давайте вже отсюда дембеляться.

В той армии было принято снаружи, напоказ — постоянно ругать войну, и в глубине души — сильно-сильно ее любить. Кто-то умный бы сказал «биполярное расстройство в пределах социальной группы в сорок пять тысяч человек», да где ж его взять было, умного?.. Одни мобилизованные вокруг.

— ... не сцы, военный, — продолжил Вася, когда гомон утих. — Все не так плохо. Поедешь ты в свой отпуск...

— ... если не залетишь, — тут же добавил я.

Козачок выпрямился, запахнул куртку и принял вид оскорбленной невинности.

— Лады. Поржали — и хватит. Джентльмены, как вы знаете, скоро шестое декабря, а это у нас что? Правильно. День Збройних Сил. Отменить или отсрочить этот факт Генераль-

ный Штаб не в силах, поэтому придется праздновать. В связи с этим высокое командование... — Вася поднял вверх палец, намекая на ого-го какие вершины. Механ послушно поднял голову и начал рассматривать верхушку террикона. — ... решило некоторым, самым достойным, вручить высокие правительственные награды.

— Опять грамота, тьху на них, — буркнул Мастер и сунул куда-то в бороду сигарету. — Я їбав.

— Станешь ротним — будешь їбать, а пока слушай сюда. — Танцор продолжил, а Прапор пихнул Толика ногой. — Но проблема не в этом. Списки невероятных героев были составлены в недрах секретных лабораторий штаба батальона, под покровом ночи и в обстановке строжайшей секретности. Поэтому я вам сейчас скажу, что из нас в эти списки попало четырнадцать человек.

— Ого, — сказал доселе молчавший Санчо. — Ничоссе. Щедро.

— Не, друг мой Санчес, все не так просто. Восемь человек будут награждаться на гулянке... на праздновании шестого числа в Старогнатовке, в клубе, и с этим все ясно. А вот еще шестеро завтра поедут в Волноваху, в горсовет, там какое-то общее награждение от местных бугров.

— І-і-і-і-і? — не утерпел Ярик. — Так а делать-то шо?

— Мартин, выпиши этому недоліку два наряда вне очереди, — обернулся ко мне Танцор. — Да позлее, утренних, на «дашке».

— С задоволенням. Добрий ты человек, командер, а мог ведь и с ноги. А я — не такой добрый. Я лучше в наряды сам схожу, а Аричка вместо меня поедет «форму-двадцать-шесть» по вещевке сверять и «донесення» подавать на ПММ.

— Шо ви мене запугуєте етіми вашими нарядами... То й схо́жу... — Ярику очень не хотелось сверять формы и подавать «донесення». Очень. И Ярик мог позволить себе этого не делать, а я... я позволить себе не мог.

— Пацаны, эти шлецики хотят, чтобы по каждому из шести людей мы подготовили короткую справку, типа прїзви-

ще-ім'я-по-батькові, год, место и цель издания, сімейний стан, чем до армии занимался... понятно?

— Понятно, — сказал Прапор. — Понятно, шо хуйня кака-я-то. Шоб мои данные в Вахе у сепаров в архиве лежали? Да хер там.

— Вот и я так думаю, — закончил Танцор. — Поэтому эти шестеро... ща Мартин назовет... идете вместе с ним и в темпе сочиняете себе разную хуй... биографию. Вот и все.

— Прапор, Козачок, Мастер, Санчо, Ляшко и Хьюстон. — Я выступил вперед.

— Шо? — вскинулся грузный Хьюстон, за утлой спиной Ляшко втыкавший в телефон и ни черта не слушавший.

— Хьюстон, ви хед э проблэм. Ярик, у тебя тока шо нарисовался напарник по непопулярным нарядам.

— Ой, — облизнулся Прапор. — Ща я себе навывдумуюуу... Мартин, сделай меня актером. Чи певцом.

— Я тебя сейчас сделаю не просто певцом, а еще и женщиной, — пообещал я. — Вы тут галдите, а у меня там чайник выкипает.

— Ротаааа... Вільнаааа! — скомандовал Танцор.

Все начали разбредаться, обсуждая эти нелепые новости, Механ посмотрел на спины, потом вздохнул и подошел ко мне.

— Той... — начал он и замолк.

— Смелее, автобот, я весь внимание. — Я полистал «форму-раз» и задумался, как написать биографии так, чтобы все поняли, что это стеб, кроме городских властей.

— ... Мартин... а кого там нагороджувать будуть, в Старогнатовке? — наконец-то родил вопрос Васюм.

— Шо, мурзик, тоже медаль хочешь? — Я усмехнулся и приобнял Механа за узкие плечи. — И я хочу. И все хотят. Но у меня к тебе, как к герою позавчерашнего дня, который завел все машины, способные завестись в принципе, есть другое предложение.

— Яке?

— Плюс два дня к отпуску.

— Два дні...

— Ладно-ладно, не выкручуй мне руки. Три. Больше никак. И так пришлось подкупить ротного лишней чашкой кавы.

— Підкупити... Мартін, ой ти язва, шуткі твої дурні. Най буде два, як командір проти...

... вшшшшшш... Бах!

Звук летящей мины — это смесь свиста и шипения. Если не отвлекаться, его вполне можно услышать... а хотя нет, не так. После пары-тройки обстрелов в мобилизованном мозгу просто автоматически выделяется частичка, постоянно слушающая воздух, и она почти всегда в первую очередь посылает электрический импульс в задницу, заставляя ее сжиматься, а уже потом — сигнализируя сознанию про опасность.

Если валит мина — это хорошо, бо от мины можно убежать. Плохая новость — убежать можно от первой, бо сколько мин сейчас висит на траектории — ты не знаешь, «Василек» отстреливает подряд четыре штуки, легко подвешивая болванки весом в три килограмма в холодный воздух, а если в расчете все четыре человека, да еще и обученные — то добрый десяток мин окажется в воздухе до того, как упадет первая.

И не видно его ни хрена, само собой, минометчики ж не дурные, с открытых площадок стрелять не любят. Поэтому вот услышал этот мерзкий звук ввинчивания тупоносой серой капли в мировой эфир — беги к ближайшей нычке, вались в нее и жди, пока все закончится.

Я бы хотел сказать, что «все эти мысли пронеслись в моей голове, пока я бежал к шикарной перекрытой щели, в которой так удобно пережидать обстрел...» — и, конечно же, соврал бы. Ближайшим укрытием был блиндаж, вход в который был в КСП, и туда я явно не успевал. Желание закатиться под ЗиЛ, вполне логичное, тре було подавлять нещадно, ЗиЛ — это триста сорок литров бензина в двух баках... Боже, какой ненужной херней забита моя голова, зачем мне помнить объемы баков ЗиЛ-131... короче, под кунг тоже ховаться было тупо.

На самом деле я ни черта не успел подумать, мы с Механом рухнули прямо там, где стояли, и зачем-то посмотрели друг на друга.

Бах-бах-бах! И тут наконец-то зашипел «баофенг»: «Воздух, возд...» Снеслись, наконец-то.

Серия в четыре, значит «два-бэ-девять», он же «Василек». Тело сейчас дурное, тело пытается, уловив упавшую тишину, рвануть из всех сил в блиндаж, но я давлю, давлю это, просто плотнее вжимаясь в снег, пытаюсь животом вырыть в нем, а потом в мерзлой земле, яму и спрятаться туда с головой, да еще и Механом накрыться.

Бах-бах-бах-бах! Тр-т-т-т-т... Комки земли забарабанили по тонкой жести кунга, по КСП и по нам, я прикрыл голову руками и опять подумал о том, что никогда, сука, никогда больше не выйду гулять без каски.

Соврал, понятное дело. Механ тоже накрыл голову и выплюнул набившийся в рот снег.

Мины упали между полем и терриконом, аккурат в той ложбине, которая разделяет куски породы, сложенные в кривоватую гору, и полметра донбасского чернозема. Только дальше от нас метров на сорок, аккурат за горкой из тех же кусков породы.

— Та вони охуїли, — сказал Механ. — Білий день, шо за херня.

— Видать, ОБСЕ на прогулку не выехало, вот и развлекаются... — я постарался сделать равнодушный вид.

Снова шипение... Бах, бах!

Две, и вроде как еще дальше. Экономят? Дыма нет — значит пристрелочную не кидали, сразу боевыми запулили. Ну нормально так, богато живут господа сепары, минами терриконы вскапывают...

Херня была в том, что это был первый в моей жизни минометный обстрел. И, боюсь, не последний.

Десять мин, упавших с неба и поцарапавших бок гранитного отвала, были для меня чем-то новым, пугающим и непонятным. И очень, очень опасным. Наверное, поэтому я запомнил их, да и всю эту ситуацию, навсегда. Через три месяца, когда в район нашего взводного опорного пункта упадут восемьдесят стодвадцаток, я не запомню ни хрена. Ну кроме

цифры «80», как десантная бригада, и того, что я не успел тогда «по-большому» сходить, и поэтому едва дождался конца обстрела...

Тишина. Тихо-тихо, не слышно ни черта... все, нет?

— Вставай, Мартин, кина не буде, — Механ начал подыматься.

Я дернул его за ногу, повалив обратно в снег.

— Лежи, мурзилка, не торопись.

— Ех, — вздохнул Васюм, переживший обстрелы Старогнатовки летом пятнадцатого. — Молодий ти ще...

Дверь КСП скрипнула, и из нее осторожно выглянул Ярик. Это комично смотрелось — баннеры никак не могли защитить от осколков, и прятаться за дверью было тупо.

— Шо, хулігани вже ушли? — поинтересовался он и, обернувшись, сказал кому-то внутри: — Тут вони, лежать оно, отдыхають...

— Вставайте вже, лежат они... — слышался веселый голос Мастера. — Шо там Мартин, штаны навалил?

— Почти, — пробормотал я, подымаясь и пытаюсь отряхнуть снег с красивых штанов из софтшела. — Майже.

— Ничо, это не запаadlo, — успокоил меня появившийся Толик. — Зато лежал, не дергался, по хате не бегал. Все нормас.

— Вася где? — я сунул в рот сигарету и попытался через плечо Ярика заглянуть в КСП.

— Доклады принимает. Все нормально у нас. Де упало?

— Там, — я махнул рукой назад. — Метров сорок-пятьдесят, за холмиком этим.

— Заебись, — снова заулыбался Мастер. Уже позже я понял, что обстрелы почему-то приводят его в неизменно хорошее расположение духа. — Шматко! Шматкоooo! Залетный наряд по копанию ямы для нового сортира отменяется! Сепары уже за нас его выкопали, гыыы...

* * *

— Попали?

— Само собой! — Молодой пацан в желтоватой «горке» выпендренно выставил большой палец. — Ван шот — ван килл!

— Радиообмен у них есть? Аааа, мля... кого я спрашиваю...

Боцман похромал на КСП бата, до которого было рукой подать. «Василек» отработал из-за дома, с неопределяемой, в принципе, позиции, если, конечно, у хохлов не висел прямо над головой спутник, ха-ха, и поэтому ответки можно было не бояться. Да и про боязнь... ну боялись они валить по жилым кварталам Докучаевска. Ну и ладно, нам же проще.

На первом этаже двухэтажного большого дома было людно, накурено и натоптано. Георгий посторонился, выпуская двух бойцов, обвешанных огромными шевронами и георгиевками на новенькой, необмятой еще форме, увидел дежурного, курящего в проеме, и спросил, где начштаба. Грузный мужик махнул рукой куда-то на второй этаж, и Боцман поморщился — нога, только-только начавшая заживать, болела все сильнее. Пришлось ползти по лестнице, постоянно останавливаясь отдышаться. Пот катился по спине, противный, липкий, горячий.

Эн-ша сидел в комнате за своим утлым раскладным столиком и, увидев Георгия, неискренне улыбнулся.

— Садись, садись, Гоша... Ну как оно?

Боцман поморщился. Ненавидел он, когда его называли иначе, чем «Георгий», и только Жеке дозволялось вот это вот панибратское «Жора». Жека, бля... ну как же так...

— Нормально, Иван Ильич, выздоравливаю.

— Шо там наша доблестная минометка, отработала?

— Так точно. Десять мин... то есть пять.

— Да десять, десять, я ж отсюда слышал, — махнул рукой бывший мент из Северодонецка. — Не жмись, все нормально. Попаданий только нет. РЭРы сказали — радиообмен минимальный, без кипиша.

— От молодой, сука... — прошипел Боцман.

— Да ты не сердись, ну с трех кэмэ хто тебе точно положит, да еще и без корректировки? Это им так, щоб не расслаблялись, хохлы.

— Когда пацаны пойдут?

— Та сегодня потралят железку старую, от карьера до дач, а завтра или послезавтра пойдут.

— Та нет там ничего, — поморщился Георгий. — Сколько раз...

— Нисколько! — перебил его начштаба. — Ты тоже вон рассказывал, что ваш «секрет» не спалили, а оно вон как вышло. Спокойней надо быть, я понимаю, друга потерял... хоть и дурака, но тоже наш боец. Рустам скоро вернется — с ним поговори.

— О, так Рустам пойдет? — Рустама, высокого бородатого парня откуда-то из под Екатеринбурга, Боцман знал.

— Да. Мы спецов российских, штатных, запросить хотели, но комбат не пропустил. Самим, говорит, работать надо. Вот... будем сами, — усмехнулся Иван Ильич.

«Много ты наработал, мусор, ни разу, наверное, на передке не был», — подумал про себя Георгий, попрощался и вышел. Шипя сполз по лестнице, зашел на кухню, схватил пластиковую бутылку воды и надолго присосался к горлышку. Капли сбегали по небритому подбородку, надо все-таки домой зайти, помыться-переодеться, раз я, типа, на больничном числюсь... кстати о больничном.

Георгий полез в карман горки и достал упаковку «нурофена». Выдавил на грязную ладонь две таблетки, подумал, мотнул головой и добавил еще две. Надо поспать хоть пару часов, надеюсь, Надюха пожрать приготовила...

* * *

— Думаешь — ответка за флаг?

— Сто процентов.

— Ну блин... как-то тупо.

— А шо ты хотел, танковую атаку? Пришли к своему комбату, поныли «надо укропам накидать», он разрешил пяток мин кинуть, они кинули десяток. Щас доложат, шо покروшили взвод хохлов. — Стелс был настроен оптимистично, Стелсу не сиделось, Стелс расхаживал по КСП, пытаясь не наступить на собачьи лапы снова появившейся Принцессы Доганы, и вещал: — Все как всегда. Мастер, ты шо на флаге написал?

— Который на «крест» повесил? — Мастер стоял, привалившись плечом к столбу, и хлопал крышкой от ноутбука. — Ничо не написал, а зачем? Сядь уже, не бегай, укачивает.

— Надо на «серый» сходить, на «секрет» посмотреть, — снова, уже пятый раз за десять минут, сказал Серега и посмотрел на командера.

— Надо — то сходим, — задумчиво сказал Вася. — Завтра. После Волновахи.

— А чего завтра-то?

— Сегодня Мартин съездит шмот из стирки заберет, шоб завтра погибнуть в чистом.

— О, шутки про смерть. Юморист вы, товарищ генерал-лейтенант, — обиделся я, точнее, сделал вид. — Кстати да, поедем сегодня вечером, а то пацаны и форму отдали, а тут эти награждения долбаные... Прапор!

— Шо? — Прапор оторвался от чесания за ухом Прицессы Доганы и поднял голову. — Шо хочешь?

— Ты себе биографию и боевой путь придумал?

— А как же. Напишешь, шо я — этот... — он еще раз почесал собаку. — Пес войны. Служил во всех горячих точках, воевал, медали, все дела, из этого... из Легиона...

— Иностранного, — подсказал Танцор, расстилая какую-то тряпку, и принялся разбирать пистолет.

— Да, из него. Потом встретил американскую журналистку, влюбился, уехал в Штаты, там участвовал в боях без правил...

— Чуешь, Ван Дамм долбаный, шо-то нормальное давай.

— А шо, не прокатит? Ладно. Потом придумаю...

— Так шо — всё, решили? Завтра идем, да? — чуть не подпрыгивал Стелс.

— Завтра, завтра. Мастер... У тебя еще один флаг есть? — Вася почесал кончик носа разобранным «пэ-эмом». — Есть идея...

Вообще, поставить флаг — это уже был какой-то фетиш. Вот насколько я до войны равнодушно к флагу относился — настолько же сейчас он мне нравился. Флаги были везде — в

блиндажах, на машинах, в машинах, на наклейках, они привязывались к деревьям в посадках и ставились на самые высокие точки мостов и терриконов, флаги ехали на фронт сотнями и тысячами; и так, понемногу, потихоньку, западную часть Донбасса покрывали двухцветные точки. Флаг стал тем, чем всегда должен был являться, но ни капли не выполнял этой роли до четырнадцатого — он стал идентификатором «наших», распознавателем «свой-чужой», и еще — специальным раздражителем для врага.

Конечно, сепарье так по своему флагу с ума не сходило, как это делала Украина (тогда мне казалось — вся, потом понял — нет, процентов пятнадцать, не больше). Не все даже могли припомнить цвета флага, не говоря уже о том, что российские флаги на захваченной части моей родины встречались чуть ли не чаще. Они как-то... равнодушнее относились к куску раскрашенной ткани — зато дико бесились, обнаруживая желто-синие полотнища в самых неожиданных местах. Например, как вчера или, скорее всего, сегодня в трехстах метрах от своей позиции, привязанным к перекладине «креста».

Мы любили... черт, да вся армия любила сделать такую прекрасную подляну, не несущую никакого смысла в тактическом плане, но отлично работающую в плане моральном — заползти в «серую зону» и где-то посередине, обязательно на виду у сепаров, поставить флаг. Привычка эта, превратившаяся уже чуть ли не в добрую традицию, тайно поощрялась командирами «нижньої ланки» и сильно раздражала комбатов и комбригов... но вот такая была тогда армия, такие были тогда люди, и любой запрет ходить в «серую зону» — чи флаг поставить, чи просто «погулять», как мы вчера — игнорировался так же, как и запрет на пользование мобильными телефонами, интернетом или здравым смыслом.

Мы были, жили и воевали в странное время — первый в мире вооруженный конфликт, где соцсети играли такую огромную роль. Мы существовали (и это тогда казалось нам абсолютно нормальным) во вселенной, где население огромной страны узнавало реальное положение дел на фронте не

сколько из новостей, сколько из блогов военных и волонтеров, где суммы, иногда равняющиеся годовому бюджету африканской страны, собирались и тратились на каски, броники и машины в течение нескольких дней. Соцсети пронизали нашу войну так, как ни разу до этого ни в одной горячей точке мира, и господа высокие воинские начальники, в полном составе пришедшие к нам из Советского Союза, так и не смогли понять — армия изменилась. Она не состояла больше из покорных и забитых срочников — как не состояла и из матерых военных профессионалов, которых так любил показывать нам американский кинематограф. На два года и шесть волн мобилизации армия стала срезом общества — и командиры оказались большей частью не готовы зарабатывать, именно зарабатывать заново свой командирский авторитет, а не кивать на погоны.

Мы не уважали никого, кто не заслуживал уважения в силу личных качеств, и на погоны нам было плевать. Два указа президента — о начале мобилизации и о ее конце — ограничивали нашу жизнь «от» и «до», ну кроме, понятное дело, ранения или смерти. Фактически нам было плевать на все, что не относилось непосредственно к боям, никто из нас не собирался тогда делать сногшибательную карьеру военного, мы, за исключением Васи, не были офицерами, и нас это абсолютно устраивало. Да, мы были странными солдатами, но мы ими были, и нам повезло — мы воевали.

Знаешь, я хотел бы сказать, что это все похоже на анархию, но на самом деле армия, в которой была небольшая часть контрактников, а также четвертая, пятая и шестая волны мобилизации, армия с уже схлынувшей волной патриотизма, была так же далека от анархии, как и от образцовых «пруссских» порядков, о которых так мечтали высокие командиры в недрах разных штабов Оперативных командований, родов войск и Генерального штаба. Мы были чем-то третьим, и те кадровые военные, которые могли это понять, становились успешными и результативными командирами, находя ключики к своему «особовому складу», ну а те, кто не руководил, а командовал... те делали карьеру.

Наш комбат, Сан Саныч, к особовому складу ключик подобрал, и так уж получилось, что ключиком этим стал подход «больше инициативы ротным». Он долго и тщательно подбирал офицеров на командиров рот, он иногда обходил старшего по званию или по выслуге — и ставил на роту «пиджака» («пиджак» — офицер запаса, закончивший военную кафедру гражданского ВУЗа), такого как наш Вася, и... так уж получалось, что он — угадывал. Хотя вряд ли в его решениях было что-то случайное, просто Сан Саныч... он каким-то образом чувствовал и людей, и обстановку. И не боялся принимать решения, даже совершенно, как сейчас принято говорить, «непопулярные». Мой ровесник, он почти всегда был спокоен и, что даже странно для целого комбата, предпочитал различные трудные вещи делать сам. Через полгода один из парней под Старогнатовкой слегка «поедет крышей» и откроет огонь по своему же опорнику — и именно комбат вскочит в машину и помчится разбираться на месте, а не отправит кого-то вместо себя. Поедет, понимая, что сейчас, возможно, ему придется застрелить своего же солдата. Да, на словах, скорее всего, это совершенно не впечатляет, но тогда и там... ооо, мы уважали комбата, и комбат, что странно, отвечал нам тем же.

Ну и иногда... иногда, конечно, за наши пройобы вваливал нам от всей полноты своей подполковничьей души.

— Танцюрис, а Танцюрис, — я присел за стол и облокотился грудью о слишком высокую столешницу. — Шо ты на телефон втычишь все утро?

— Жду как комбат позвонит. Про вчера. — Вася вздохнул и опять глянул на экран китайского обрезиненного чудовища с непроизносимым названием. На КСП, кроме нас и собаки, никого больше не было.

— Тю. Так не жди, будь умнее. Набери сам.

— Вряд ли позвонить и признаться, шо самовольно полез до сепаров, да еще и вас с собой потащил, это «умнее», — протянул Вася. — За это и с роты снять могут.

— Ай, дорогой, — покривился я. — С роты точно снимут за обман. Думаешь, он не узнает? Да он, скорее всего, уже

знает, просто дает тебе возможность самому доложить. Это знак доверия, Вася.

— Думаешь?

— Уверен. Я, конечно, не специалист в психологии аж никак...

— Это заметно, — вставил ротный.

— ...но точно тебе говорю, вместо того шоб сидеть и мучаться — просто набери и доложи. И повод есть — сепары десять мин на мой любимый террикон уронили. Скажи «У Мартина стресс, просится на больничку и домой».

— Хм... Ээээх, а хули б нет? Ну снимут так снимут, че там, дальше передка не...

— В РМТЗ перевести еще может... — подсказал я и прикусил себе язык.

— ... пошлют... Бля! — и Вася опять уронил телефон на клеенку. — Ну вот хто тебя за язык тянет, а?

— Молчу-молчу. Звони вже. И заодно спроси, когда седьмая волна будет... а то шо-то людей маловато. — Я потянулся, помотал головой и подумал, что пора все-таки со зброей разбираться.

— Вон твоя седьмая волна, — кивнул Вася на раздутый живот Принцессы Доганы, выжирающей очередную банку тушмана. — Со дня на день поповнення будет.

— Давай вже звони, получай свою пиздюлину, и пойдём зброю смотреть. Теплеет таки, вже минус одиннадцать...

— Минус девять, — буркнули из-за ноутбука.

— Фффедя! Ссссука! Фффатит! — взвился я. — Ты меня заикой сделаешь, чуть кирпичей не навалил! Все, снимаю тебя нахер с наряда, иди ты... иди ты в отпуск, знаешь, нам тут всем спокойней будет!

— Я камеру починил, — посопел, но потом все-таки сообщил ноутбук. — Не ори. Собака родит. Досрочно.

— Идиоты... — покачал головой ротный, набирая комбата и заранее морщась. — Полные идиоты...

Один АГС вчера стрелял, поэтому точно был рабочий. Второй сегодня не выстрелил, надо было разбирать, причем тут

же, на морозе, чистить и смазывать. Вася, под впечатлением от разговора с Сан Санычем, наорал на всех присутствующих, заставил развернуть «дашки» и дать по очереди вдоль трассы. Пулеметы работали, хоть тут всё слава Богу, но ротного уже обуюл командирский азарт, поэтому после них мы посмотрели на СПГ (Талисман бледнел, краснел и заикался, и мы думали, что из-за СПГ, но потом оказалось, что он собирался у Доганы роды принимать и волновался), потом слазили на лёжку сто-тридцать-первого, к «Фаготу», я вспотел и захэкался, не то что командер, скакавший молодым козл... сайгаком. Ротный в азарте предложил и ПТУР попробовать, вдруг не работает, пришлось всей толпой отговаривать, упирая на количество оставшихся ракет и отсутствие достойных целей. После этого командера окончательно понесло, и он объявил смотр личной зброи. Ляшко попытался спрятать свой РПГ-7 и сделать вид, что его и не было никогда, но был уличен, нещадно раскритикован и получил задачу искупить свою вину кровью. Сейчас маленький унылый младший сержант плелся вдоль поля, нога за ногу, неся на плече лаунчер, и думал, как ему выполнить приказ «найди самое злое дерево и убей его с трехсот метров, минимум два из трех, и пока не получится — не возвращайся».

Автоматы, подствольники и один командирский пистолет были в порядке. Я, правда, так и не смог скрутить свой глушитель с АКС-а, поэтому пришлось плестись к Гале за шомполом от РПК, чтобы протереть ствол. Ухаживать за зброей — это казалось так логично, так просто и так банально, что уже потом, держа в руках автоматы сепаров, я дико недоумевал, как до такого состояния можно довести надежный и простой автомат Калашникова.

— Вась, а Вась, — бурчал я, поглядывая на часы и шуруя шомполом. — Оту тряпочку подай... Вааааась.

— Шо? — Танзор лежал на своей койке и писал что-то в телефоне.

— БЧС подал?

— А уже скока? Полпятого есть?

— Есть, у меня напоминалка настроена. «Без змін».

— Оукей.

— Вась, забыл спросить, шо комбат говорил?

— Да нормально. Виїбав слегка, сказал, шоб больше так не делали, потом похвалил, что в атаке не охуели и на «бэтэр» не полезли.

— Так мы ж завтра опять это самое... типа «можем повторить».

— А я ему сказал. Спросился типа. Он разрешил, но тока «недалеко и недолго».

— Как мама в детстве на улицу выпускала, гиии...

— Ну да... Какой-то, блять, флешбэк...

Я ерзал шомполом, менял тряпочки, добиваясь ослепительной чистоты канала ствола, и думал о том, что мы ужасно материмся. Я до армии практически не употреблял, хоть и вырос в Горловке, на районе, где культура общения как бы... ээээ... не ставилась ни хера во главу угла, но блин, вот так, с матом через слово... такого не бывало никогда.

— Чуеш... а как думаешь, чего мы так материмся много? Я до армии так не грузил, как сейчас, с женой по телефону не могу поговорить, через слово затыкаюсь.

— Эмоции, — сказал Вася, не поворачивая головы. — Интернет перезагрузи, завис опять.

— А раньше шо, эмоций не было? — Я отставил АКС и дернул шнур питания маленького интертелекомовского роутера.

— Таких — нет.

— Хм. Странное выражение эти эмоции находят.

— Нормальное. Сейчас докажу. — Вася повернулся на бок и положил телефон. — Смотри, простой пример. Ты трахать-ся хочешь?

— Очень.

— Очень или очень-очень-очень?

— Второе. Аж снится.

— А теперь подумай хорошенько и скажи, когда ты последний раз так хотел. За последние ммм... — Вася пожевал губами. — Ну, например, десять лет. Только честно, без понтов.

— Хмммм... Дай подумать...

— Подумай, подумай. А можешь и не думать, я тебе так скажу — ты так последний раз в двадцать лет хотел, когда крышу сносило, как сиську голую увидишь. Так?

— Ну так. — Я снова принялся полировать автомат.

— Отож. Всё — ярче. Желание — мощнее и полнее. Эмоции — через край. Если смеемся — то до колик, если грустим — то до соплей. Это наша реакция на происходящее, организм, мабуть, в какой-то такой режим переходит, чи хто его знает... Специалисты лучше объяснят.

— Странно ты сплел в один узел и маты, и потрахатьсья, и посмеятьсясья.

— Ну как бы вот так оно есть. Тебе сегодня пестик давать?

— В Новотроицкое? Не, не надо, там ровно все. Шо по завтра продумал?

— Там нехер думать, тяжелого не берем, туда и назад.

— А хто пацанов в Ваху повезет? — Я наконец-то удовлетворился чистотой автыка и принялся собирать.

— Я. Николаич настаивал, шоб я. Биографии навааял?

— Вечером сделаю, как вернусь. Все придумал, осталось написать и распечатать.

— Де б мы были без принтера...

— И не говори. Танцорчик... Ты это серьезно? Ну, насчет накала эмоций и вот этой всей херни?

— Абсолютно. Я это даже в какой-то книжке когда-то читал. — Вася улегся обратно на спину и поднял к глазам звякнувший телефон.

— Бойовий Статут, книга два?

— Тьху на тебя... Да, кстати. С боевым безответным крещением тебя.

— Схерали? — удивился я. — Еще в ж Старогнатовке...

— Там ты стрелял, и в тебя стреляли. А тут — это когда тебя херачат, а ты не можешь ответить. Поэтому и «безответным». Як любов.

— Херовая какая-то любов.

— Уж какая есть. Нема инета, бля, не впадлу, сходи антенну глянь...

Вечерний Донбасс был великолепен. Никогда и нигде не видел я таких вечеров, которые падали на мою родную и иногда даже любимую землю, и сейчас, когда туман начинал затягивать низины, было... нет, не «как в сказке», а скорее как в типичном фильме ужасов, только в максимальном разрешении и с полным эффектом присутствия. Я подергал антенный кабель, прошелся от кунга к КСП, свернул правее, под навес, и вгляделся в градусник. Ну надо же, минус четыре, однако у нас так и техника рискнет завестись, того и гляди — боеготовность роты подымется до невероятных высот. А схожу-ка я до передка...

В наряде стояли Ярик и Петрович. Хотя, если речь заходила про поважного Петровича, то «стоять» — то не наш случай. Умелыми и хозяйственными руцями наш АГС-ник, по совместительству еще и главный строитель, выдрал из «Запорожца» передние сиденья, уместил одно из них возле своего любимого АГС-а и теперь сидел, попыхивая сигареткой и читая скачущему Ярику какую-то длинную проповедь «с высоты прожитых лет». Ярик от скуки слушал, поглядывая на трассу. Сегодня машины были, хоть и немного, вот и сейчас очередь из десятка легковушек, насыщая воздух выхлопом, пыталась успеть до пяти, когда закроется КПВВ. Даже не видя их вблизи, я готов был поспорить на что угодно, что у половины под лобовухой на листике фломастером написано «ДЕТИ». Это так же точно, как и то, что никаких детей внутри не было.

Я вдохнул глубоко-глубоко, и даже лоскутки тумана, как показалось, втянул в прокуренные легкие и пошел делать то, за что меня периодически ненавидели.

— Петрович, у меня проблема, — сказал я в спинку кресла и махнул Ярику. — И только ты сможешь мне ее решить.

— Шо, синку, шо вже случілось? — попытался обернуться Петрович.

— Ты со мной случился, дорогой, — я обошел этот трон и присел на корточки.

— Шо?

— То. Смотри. Это — наряд. — Я обвел рукой окружающую действительность, включая АГС, «дашку», снег и высоковольтную опору. — И ты сейчас в наряде. И никто не говорит, что в наряде нельзя присесть и отдохнуть.

— I шо? — Петрович честно не понимал, к чему я клоню.

— А то, шо ты, по своей привычке, начинаешь повышать уровень комфорта везде, где только возможно. Вот кресло притаранил. Скоро столик появится. Потом зонтик, кега с пивом и Талисман в фартуке на разливе.

— Мартинчик, та старий я вже стоять ті три годинки...

— Я знаю, дорогой. И мне искренне жаль. Но если здесь будет стоять эта, без сомнения, нужная и важная деталь Диминого «Запора», то никто, слышишь, никто не слезет с нее с начала и до конца наряда. И никто, дорогой мой, бриллиантовый, не будет ходить ни отудой, — я на всякий случай показал куда, — ни отудой. Никто. Это не наряд, это хуйня какая-то. И мне безумно жаль с тобой ругаться и давить на тебя моим несуществующим авторитетом...

— Мартин, та я ж хожу, хожу...

— ...но я к хуям расхерачу и это кресло, и столик, и Талисмана с фартуком, как расхерачил телевизор в первом блиндаже за просмотр сепарской хуйни, и у меня даже ухо не дрогнет. А тебя я, обливаясь слезами за все хорошее, шо ты мне сделал, переведу отсюда нахуй в первую роту, и будешь ты на «Кукушке» хоть кресло ставить, хоть, бляха, гарнитур.

— Ой, як ти завівся...

— Я не завелся. — Я, конечно, действительно завелся. — Это я еще не завелся. Вот я зара Васю покличу — отэто будет «завелся». Да вы тут охуели, солджеры. На службу войск забрили хуй. Три часа, всего три часа днем и три часа ночью ты должен, как глухонемой, хуярить из «тудой» до «тудой»! Шоб ни одна мыша не пропищала, ни одна ворона не насрала на мой любимый взводный опорный пункт! Трудно? Зайобует? Тока скажи. Тока, бляха, намекни мне — и уедешь в первую роту ближайшим же поездом. Ноги устали? Да? Из-за тебя

сюда, бля, на танке въехать можно, бо вы не смотрите ни-ху-я. А ты еще и молодого совращаешь, пример охуенный подаешь! Петрович, бля, ну вот ніхуя не взірець!

Ярик отвернулся и сделал вид, что это его не касается, Петрович пыхтел на своем кресле, то краснея, то бледнея, я распался все больше, срывая злость, вываливая все накопившееся дерьмо, весь страх, всю тоску по дому, все... все, на что не обращал внимания днем, но что очень чувствовал вечерами.

— Шо, не нравится? Хуяссе, я тебе в сыны гожусь — а тут построить тебя вздумал? Сердишься? Расстроился? Нет, то ты еще не расстроился. Когда у левой «дашки», де слепая зона, пидоры перелезут, зайдут под блиндаж и гранату захуярят — вот тогда ты расстроишься. Потому что это не твой наряд будет, и какой-то другой охуенно уставший будет в этом кресле сидеть, пока тебя, сонечко мое, будет сепарье в спальнике резать. Или Ярика. Или Васю Механа. Или Санчика. Ну, выбирай! Кого ты на свое седло променяешь, а? Думаешь, этот наряд придумали, чтоб тебя до дембеля заебать? Именно. Или вон, — я махнул рукой вправо, — на выезде, там через трассу пройти — раз плюнуть, зайдут тихонько и ОЗМ-ку вхерачат, и разберет та ОЗМ-ка завтра машину с нашими награжденцами на мелкие мокрые запчасти. А знаешь, почему? Потому что тебе со стулки нихера того места не видно. Бо надо встать, пройти пятьдесят метров за опору, залезть на холмик и уже оттуда посмотреть в теплак!

Петрович молчал. Я не мог снизу разглядеть выражения его лица, я специально сидел, чтобы быть ниже него и не нависать, не давить слишком сильно. Ноги затекли, пришлось встать и потоптаться на месте. На трассе напротив нашей позиции, прямо возле знаков «Останавливаться запрещено!», тормознула какая-то темная «девяносто-девятая».

— Ярик, шугани долбоеба, который читать не умеет, — я махнул рукой, и Ярик тут же вскинул автомат и дал очередь над машиной. «Девяносто-девятая» не прореагировала.

— А ну дай автомат, — я протянул руку, но Ярик оступил назад и прижал АК к груди.

— Погодь, я зара ще дам, то, може, він не побачив. Ти лучше не стріляй, бо вб'єш їх нахуй.

— Мне похуй. У меня приказ, и я устал. — Я повернулся к Петровичу и таки навис над ним. — Думаешь, мне нравится с тобой сейчас разговаривать? Думаешь, я про все это, сука, мечтал? Да я бы хер из дома вылез в этот чертов военкомат! У меня даже военника, сука, не было, я бы сейчас в теплой квартире сидел и с малым бы игрался, чем с тобой, дебилом великовозрастным, пиздеть тут за жизнь и за наряды! Но так надо, понимаешь, и если и ты, и я сюда уже попали — так давай, сука, делать всё по-человечески, по-нормальному, а не на похуях! Наряд — значит все, сука, бдят, пьянка — значит все, сука, в говно! А не так вот, на кресле... аааа, бля, шо с тобой говорить, все сказал вже. Десять минут.

Я резко развернулся и ушел. Мне было немного стыдно, что я наорал на хорошего человека Петровича, да еще и в присутствии Ярика, который, как ни странно, отличался особым тщанием в несении этих долбанных нарядов. Мне было неприятно... но я взял вот эти свои «стыдно» и «неприятно», свернул в трубочку, набил ее травой и скурил.

Мудаки, бля. Кресло они поставили. Урррроды...

На подходе к КСП из блиндажа сто-тридцать-первого вывернулся Мастер и пошел рядом.

— Ты чего шляешься по опорнику, а не рожаешь биографии воинов-иждивенцев?

— О бля, шутничок.

— Воу, воу, палегше, ваенный.

— Знаешь, шо Петрович замутил? Возле АГС-а кресло поставил, шоб в наряде удобнее было. Заебись?

— Ему пизда, — тут же сказал Мастер и резко развернулся.

— Та я вже напхав. Если не одумается, поедет в первую роту в обнимку с креслом.

— Охерели воины, — покачал головой Толик. — Пошли его из «дашки» расхерачим?

— Петровича или кресло?

— Талисмана. Это ж из его «Запора» сиделку выкрутили, он палубе знал, зачем...

— Идея необычная, но хорошая... — Я начал успокаиваться, и, как всегда после всплеска эмоций, накатила какая-то усталость. — А ты знаешь, почему мы так материмся много, кстати?

— Почему?

— Потому что трахаться хотим. Мне командер сказал, он в книжке вумной прочитал.

— Однако. Шарит Вася, не зря его ротным назначили... Вон Ярик, пока в Старогнатовке стояли, свою Маринку из Донского чуть не стер всю, каждый третий день отпрашивался.

— Бачиш, — я остановился и поднял палец. — То, шо Вася в книжке умной читал, Ярик понял интуитивно, на натуре, так сказать. Кстати, треба его отпустить в Донское.

— Та он не хочет. — Мастер распахнул дверь, и на нас неожиданно свалился шмат снега. — Тьфу, бля... Говорит, ездить далеко, а тут целое Новотроицкое под боком.

— Так там погранцы стоят, в интернате, они село окучивают. Каву бушь?

— Ничо, село большое, богатое, на Ярика точно хватит... Давай. И это, как поедешь — свистни, у пацанов газ позаканчивался, треба баллоны позадувать. И еще...

Бесконечный список дел, совершенно мирно-бытовых, заполнял собою то, что на картинках в новостях показывалось маленькими огоньками на карте. «Сьогодні в районі проведення антитерористичної операції...» — эти сводки никогда не включали в себя ни Петровича с его креслом, ни сорокалетнего Мастера, оставившего дома жену и сына, ни Танцора со Стелсом, ни одного из настоящих, реальных нас — простых, обычных, абсолютно не героических. Новости не говорили про странноватое общество минорных людей, бывшее здесь и сейчас, воюющее в меру собственного разумения, выживающего часто вопреки, а не благодаря, молчали про нас — настоящих, неидеальных, часто — дурных, и почти всегда — невероятно уставших.

Возможно, это было и к лучшему.

* * *

— Вот тут, — Рустам развернул карту и приклепнул сбоку телефоном, чтоб не задиралась. Боцман наклонился, пытаясь взглядом отыскать ориентиры.

Карта была, собственно говоря, не картой, а распечаткой с «Яндекс-карт», с неизвестным масштабом, зато съемка была свежая, этого года. Такие карты сплошь и рядом пользовали в «окопной войне», когда нужно было не маршрут прокладывать или дирекционный угол считать, а вот так, просто сориентироваться по месту, держа картинку перед глазами. У хохлов, говорят, еще планшеты были от их волонтеров, там не только карты были, но еще и возвышения считались, да и какие-то программы для стрельбы забиты. Богато.

— Херня какая-то, а не карта, — сказал Лёня, гикнул и придавил другой край рукой. — Она зеленая вся, а сейчас зима. Давай зимнюю.

— Смотрите сюда, — Рустам привычно не обратил внимания на маленького сапера-зубоскала и начал тыкать обратной стороной ручки. — Вот сюда мы сходили и потрелили, нема там нихера. Фактически можно сказать, что почти до трассы все чисто.

План был состряпан на скорую руку и, как любой план, не предваряемый длительными наблюдениями и расчетами, содержал слишком много «если». Группа под командованием Рустама, в которую должны были войти еще Лёня, Витя «Малой» и Серега «Динамо», должна была вечером выйти с южной околицы Докучаевска, обогнуть с юга карьер и пройти между двумя терриконами по узкой ложбине, где когда-то лежала узкоколейка. Дальше путь сворачивал резко на север, вокруг маленького террикона и через поле — почти до КПВВ. В трехстах метрах от КПВВ трассу можно было пересечь, так как дорога ныряла между двумя холмами, и место не просматривалось ни с пункта въезда-выезда, ни с укропского опорника. Дальше — перпендикулярно трассе триста метров, до угла поля, где сходились две жидкие «зеленки» и где хохлы выезжали с опорника.

Заминировать выезд, а дальше... дальше начиналась херня. Для того чтобы рвануть машину, нужно было пройти на юго-запад буквально метров двести пятьдесят, подняться и замаскироваться на невысоком отвале и взрывать мину удаленно. Но под наблюдением. «Полевку» там не кинешь — прикапывать в снег провод в четырехстах метрах от ВОП-а, рассчитывая на то, что укропы поленятся нормально осматривать местность, было тупо, значит придется рвать по радиосигналу. А потом самое дурное — отход.

С отходом была беда, потому что по всему выходило, что придется ждать следующей ночи, а для этого... а для этого придется уходить через череду отвалов в Новотроицкое, к человечку в крайних домах, который... который всегда принимал у себя группы, давая возможность спрятать оружие и форму и переодеться в гражданское, уходить быстро, опережая возможные поисковые группы, и сидеть там весь день. В следующую ночь — обходить укропский опорник с севера, выходить на околицу Березового, почти к перекрестку, звонить и вызывать огонь на маленький хохляцкий опорник на перекрестке и, пока укропы бегают по траншеям, переходить трассу и идти вдоль большого террикона, на котором до недавнего времени сидел «секрет» Боцмана и Жеки.

Слишком сложно. Слишком опасно, слишком много «если», слишком мал был квадрат, в котором придется крутиться группе, уклоняясь от укропов, а из местных в составе группы не было никого. Пятым должен был быть Макс — но Макс был в отпуске, причем там, на украинской стороне. Жениться собирался. Рустам вздыхал, крутил карту так и эдак, прикидывая варианты, что-то отмечал карандашом, мужики слушали, вставляли комментарии, в основном матерные, а Георгий заметил, что начинает отрубаться.

Слишком много «если»... но зато при удаче — минус командир роты и несколько солдатиков. Невеликая, но очень нужная плата за Жеку.

* * *

— Танцор, мы меняем нашу военную доктрину! — заявил я и снял чайник с буржуйки.

— Мартин, там надо дров наколоть... — начал Мастер.

— Сразу нахуй. Черная работа — не для моих нежных рук, для этого Господь Бог и высшее командование придумали вас, тупое окопное быдло.

— Не прокатило... — пожал плечами Толик. — А жаль. Придется самому. За быдло, кстати, ответишь.

— Плюс день к отпуску — и ты все забыл, лады?

— Два дня, и я уже все забыл!

— Вэй, граждане солдатики, хто это тут отпуска без моего монаршьего соизволения раздает? — Вася подозрительно наблюдал, как я наполняю кипятком разномастные кружки. — Много не надо.

— Много и не дам... — Я брякнул жалобно зазвеневший белый, удивительно домашний чайник на «ящик зберігання зброї». — Мастер вот ходатайствует про продление отпуска в связи з невідкладністю сімейного стану. Я эта... товой... короче — клопочу по суті рапорту.

— Ну если прям вот Мастер... Поважна людина... То даю вам мое «нехай». — Вася сыпанул ложку слипшегося сахара, подумал и добавил еще одну.

— Бачиш, — я обернулся к Толику. — Я все порешал. Лейтенант у меня как шелковый, по струночке ходит!

— Зубоскалы, — вклинился Президент, до того молча крутивший Васин «пэ-эм». — Давай вже и мне кохве.

— Дам. Тебе командер пестик с патронами дал?

— Конечно, с патронами, — буркнул Вася, дуя на кружку. — Пестик без патронов — шо массаж без минета. Процесс есть, а результата — нет.

— Мудр наш лейтенант и благостен, — восхитился я. — Тада, Сереженька, не в службу а в дружбу, шмальни-ка пару раз в ноутбук. А то завел тут один дяденька привычку за ним прятаться и пугать меня постоянно. Так волнуюсь теперь — аж кушать не могу.

— Не буду я в ноутбук стрелять, — насунился Президент и даже отдал Васе пистолет. — Во-первых, казенное майно. Во-вторых, с двух пулек Федю не завалить, а он потом вылезет и люлей даст. Я їбав.

— Мдааа... Тяжело с вами, граждане мобилизированные... — Я взял свою кружку, чуть не перецепился через лапы собаки, чертыхнулся и взгромоздился за стол. — А теперь о серьезном. Точнее — о нашей военной, мать ее, доктрине.

— Ты про шо? — лениво поинтересовался Вася.

— Да все про то же. Получается так — сепары стреляют, а нам ответить нечем, так? То с «бэхи» насыпали раз, два, сегодня — с миномета. Завтра опять напхают. А наш доблестный артдивизион доблестной семьдесят второй бригады доблестно молчит.

— Люди приказ выполняют, — пожал плечами Мастер. — Шо ж теперь?

— Так и я ж о чем. Значит треба самим как-то... как-то проактивно действовать. Отвечать.

— Из чего? — поинтересовался Танцор. Президент молча прислушивался. — Пушку не дали. Я просил.

— Ну, во-первых у нас есть «копейка», — принялся перечислять я. — Во-вторых — «сапог».

— У «бэхи» дальность не та.

— Зато у «сапога» — та.

— Прицельность херовая.

— Кто сказал? Мы ж не пользовались толком ни разу. Та вы погодите зря оскорблять советскую зброю, ее ж тоже не зря придумали.

— Ее придумали как безоткатку против брони, кстати, — наконец-то подал голос Президент.

— Да. Если стрелять куммулятивами, то фактически это — большой РПГ. Но у нее еще и осколочные есть, так?

— Есть. Мы летом по Белокаменке работали, — почти хором сказали Мастер и командер.

— Воооот. Только вы пуляли по населенному пункту «примерно тудой»... а пулять надо по-артиллерийски.

— Снарядом? — хохотнул Серега.

— Тобой, идиотом. Пулять надо с кор-рек-ти-ров-кой.

— С чего корректировать будешь? С вертолета? С воздушного шара? С...

— С квадрокоптера, — вдруг сказал Вася и замолчал с абсолютно отсутствующим видом.

— Нет. С террикона. — Я поднял палец. Черт, это уже начало входить в привычку. — Пацаны, да вы поймите. Не можем мы ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача. Это я в смысле того, что надо пытаться наносить вогневе уражения той зброей, которая у нас есть, а не переживать, шо арта молчит.

— Логично, — вдруг поддержал меня Президент. — У нас есть СПГ? Заебись, в смысле отлично. Значит, научимся стрелять с него так, шоб попадать.

— И для этого можно попытаться захерачить, ну или хоть попить кровь сепарской СП-шке, которую мы так и не завоевали героически. Бо она с «серого» отлично просматривается! — торжественно закончил я. — Треба отвечать самим, парни. Ровняют тех, кто не отвечает.

— Чеканная фраза, — протянул Мастер. — Будешь книжку писать — обязательно ее впиши.

— Иди в жопу, — обиделся я. — Я тебе о серьезном, а ты про книжки.

— Так! — хлопнул ладонями по столу Танцор. Собака шевельнула ухом. — Я вас услышал. Коня будем есть по частям. Сначала нам нужно освоить «серый» террикон, что мы начнем выполнять завтра. А потом — посмотрим. Мартин, вали вже за шмотками и не бери мне душу.

— От и ладушки, — сполз я со стула. — Кто со мной в Новотроицкое? Вася? Мастер? Сережа? Федя, опять прячущийся за ноутбуком?

— Та нема его, не сцы, — сказал Президент и тоже слез. — Спит он.

— Устал, болезный, — пожалел я и схватил газовый баллон. — Вымотал его злой ноутбук... Толик, а ну мявкни паца-

нам, хай баллоны в буса закинут, та и поехали мы за нашими армани, благословясь...

О Боже, в чем мы воевали! Если когда-нибудь военные историки будут разбирать нашу войну — они сойдут с ума от того невероятного разнообразия камуфляжей, густо смешанных с обычными домашними шмотками, в которое мы одевались благодаря родным, волонтерам и самим себе. Я не знаю, было ли заведено в армиях других стран мира покупать себе форму в интернете с доставкой по почте, но у нас к концу пятнадцатого года так одевалась добрая половина армии. Все попытки высоких штабов обязать нас хотя бы не на линии фронта, а в более-менее тыловых городах вроде Волновахи и Мариуполя надевать исключительно наш новый пиксельный камуфляж ММ14 — разбивались теперь уже об командиров уровня командования бригадами и отдельными батальонами. Майоры и полковники справедливо заявляли, что до сих пор далеко не все военнослужащие обеспечены этим самым камуфляжем в достаточном количестве. Действовали еще советские нормы «один человек — один комплект», да и в этом случае редких, очень больших и очень маленьких размеров практически не было, ну а «ходовые» выгребались со складов с ужасающей скоростью. Мой комплект «пиксельки» я подарил Леше-инструктору еще в учебке, потому что носить это жаркое днем и холодное ночью одоробло, обремененное каким-то невероятным количеством излишних пуговиц, липучек и тому подобной херни, было невозможно. Нет, не так — возможно, но не хотелось. Больше в армии я формы не получал, а головной убор модели «мазепинка» забросил подальше почти сразу, заменив на нормальную кепку.

Часть из нас на «боевых» ходило в английском МТР или более старом DPM, часть — в жарковатом, но абсолютно неубиваемом немецком «флектарне», кто-то таскал единственный комплект ММ14, Мастер щеголял в бушлате французской расцветки ССЕ, а Скорпи — в woodland-e, американском камуфле старого образца.

Вообще ММ14, как и новые, «рыжие Таланы», буквально полтора месяца назад начавшие поступать в войска, пацаны старались приберечь «на отпуск». Ботинки действительно шикарно смотрелись, ну а комплект «костюма літнього польового» лежал на дне рюкзака на случай отпуска. В ту осень, а потом и наступившую зиму, большой популярностью пользовались «горки» российского покроя, всяких расцветок и степени утепленности, из-за удивительно удачной модели штанов с высокой талией и на подтяжках, и куртки с нейлоновыми вставками в местах наибольшего истирания. «Горки» шили десятки цехов и маленьких фабрик в Украине, из российской «палаточной» или из китайской «какой-то» ткани, и редко можно было встретить вместе несколько людей в одинаковых моделях.

Очередная «телега», полученная циркуляром по войскам, обязала нас в город выезжать только в нашем «пикселе», и, как на большинство подобных телег, на нее никто не обращал внимания, включая патрули ВСП, бродящие по Волновегасу и пристающие к воякам. Еще одним пунктом этой «телеги» было введение так называемых «увольнительных записок» — дичайшего советского анахронизма, полностью выражавшего реальное, абсолютно презрительное отношение высшего командования ЗСУ к своим мобилизованным солдатам.

«Увольняшка» должна была выписываться командиром роты каждому военному, который нашел в себе силы, время и желание (и убедил в этом командира) попасть в город. Большого бреда трудно было придумать, но тут как раз патрули ВСП требовали эту самую бумажку, оформленную на стандартном бланке, и при ее отсутствии начинали портить воякам жизнь. Бланки эти, которых на листике формата А4 вмещалось четыре штуки, выдавались в штабе батальона, причем вроде как подконтрольно, лично в руки ротному и чуть ли не под роспись... но у нас был принтер, а я отлично научился расписываться Васиной подписью.

Поэтому этих самых «увольняшек» мы напечатали примерно как на бригаду, и каждый из пацанов, едущих в Ваху вы-

дохнуть, поесть шаурмы, пошариться по скучному городу и поглазеть на людей, имел в кармане несколько кусочков бумаги со вписанными датами «от сейчас и до Нового Года». Меня до сих пор типает, когда я вспоминаю эти чертовы увольнительные, они были одним из кусочков мозаики, складывающихся для меня в общую картину происходящего в ЗСУ. Я понимал, с каким наслаждением из армии выпхают последнего мобилизованного и вернутся к своим стандартным затягам наши «профессиональные военные», и надежда оставалась одна — к этому времени нормальные боевые командиры вырастут в чинах и званиях настолько, чтобы не допустить возврата полного и окончательного совка.

Будущее показало, что почти нигде этого не случилось. С уходом шестой волны мобилизации тридцать первого октября две тысячи шестнадцатого года мы смогли рассчитывать только на небольшое количество правильных, «ровных» солдат, сержантов и офицеров, которые перешли на «контракт».

Гала был контрактником, в четырнадцатом году перешедшим со срочки на «контракт до кінця особового періода», о чем иногда сожалел. Хотя сожалеть было не о чем — сейчас Гала служил бы в какой-нибудь тыловой части призывником, строил бы котельную, подметал плац, красил бы пожарный щит и козырял каждому проходящему выше его по званию, то есть вообще — каждому.

А здесь, в АТО, Гала ехал на пассажирском сидении буса, развалившись и уперев ствол РПК в торпеду, и курил, лениво поглядывая в грязное окно. Машина бурчала, плевалась неисправной топливной и тянула по рыхлой снежной дороге от трассы до центра Новотроицкого. Чистить дорогу никто никогда и не думал.

Рандом флешки, воткнутой в купленную недавно магнитолу, опять выкинул в динамики Христину Панасюк, я сжимал руль, бо машину кидало на наледях, изношенное двигло не могло держать пятьдесят на четвертой передаче, поэтому мы тряслись на третьей, и сама по себе «Лягушка» скрипела, грохотала и нещадно стучала просаженными амортизаторами.

Поднимался ветер — он сдергивал снежинки с сугробов, разносил клочья красивенного тумана, нагонял тучи где-то высоко-высоко и оставлял на губах какой-то неопределенный привкус. Машина подсакивала на ледяных кочках, Галя дремал, периодически стукаясь головой об окно, и, как всегда в дороге, мне казалось, в этом процессе, в переезде между «А» и «Б», мы находились вне времени и реальности, и если продолжать движение вечно — то с нами ничего и никогда не случится.

— Галя.

— М.

— Сколько?

— Почти сееееэээээээмь.

— Рано, давай в магаз. Праздник таки послезавтра, може шо-то на стол оформим.

— Кстати дааааыыыыэээээх. — Галя таки заснул ближе к повороту возле хозяйственного, где главная уходила налево, на Ольгинку и дальше на Владимировку, а мы поворачивали направо, и теперь с трудом разлеплял глаза. — В хозяйственный не надо нам, а?

Перекресток, и я снова задумался, работают ли у меня поворотники. После скольжения в сторону Т-образной развилки надо было ехать мимо этого самого хозмага и нужной нам девятиэтажки, потом налево, по частному сектору, из которого и состояло почти все Новотроицкое, и через два квартала — опять налево, где на небольшом пяточке по выходным был базар, возле которого тулилось аж три магазина.

Как всегда при виде магазинов — захотелось есть. Я остановил корч перед первой точкой гешефта, под тополем, и вылез из машины. Центр Новотроицкого освещался фонарями, что было странно, но удобно, бо с нашими фарами только ночью в сортир пробираться. Два из трех магазинов по сельской традиции закрывались в семь, но мы успели, и ради нас кто-то из продавщиц сейчас задержится. Третий работал до десяти, с нормальной едой там было туго, зато там был самый большой выбор алкоголя, который продавали тупо всем, забив

на всякие правила и ограничения. Мы в него не ходили — алкоголь мы покупали редко, в основном нас интересовала еда, сигареты и дешевые энергетики.

Снег отблескивал под электрическим ртутным светом, Гала с сомнением прикинул, что вылезать из нагретого салона совсем не хотелось. Вот ни в какую.

— Надо, мабуть, шо-то тете Лене купить. — Я поскользнулся на плиточном низком крыльце и толкнул металлопластиковую тугую дверь. — Как бы в благодарность.

— Шматкович говорил — доча у нее ого-го, — засмеялся Гала, вваливаясь за мной в магазин и придерживая РПК. — Хотя и замужня за нашим кем-то, да?

— Да, дэсант какой-то, с двадцатьпяти вроде. А ты представь... — Я аж остановился посреди магазина, и Гала налетел на меня. — Приколи, шо ты служишь на Донбассе, и сам с Донбасса... нет, не так. Представь, шо ты с Новотроицкого, у тебя тут хата, жена, сын, шесть соток, все дела, а служишь в сорок первом. Тупо несколько километров от дома до передка. Агонь просто. У меня бы крыша съехала.

— У Сепара ж нашего не съезжает, — пожал плечами Гала. — А ему тут до дому фигня, шестьдесят кэмэ.

— Мальчики, у вас три минуты, — предупредила уже снявшая синий передник женщина неопределенного возраста и такого... усредненно-продавщицкого вида.

— Щас берем, — откликнулся Гала и прищурился. — Значит нам три «питбуля», семачки большие, шесть, и... а какая колбаса нормальная?

Пока Гала заказывал, я все-таки уговорил себя и набрал жену.

Знаешь... когда ты слышишь только голос, то начинаешь вкладывать в слова дорогого тебе человека иной, может, даже более глубокий смысл. Моя жена, сама, скорее всего, не понимая, в наших редких телефонных разговорах выбрала принцип, лучше всего описываемый словами «обеспокоенный солдат — мертвый солдат». Она никогда не говорила мне о проблемах — только тогда, когда сумела решить их, она не

жаловалась, была неизменно весела и внимательна, не просила меня что-то рассказывать, сама много говорила про сына и... наверное, она интуитивно вела себя так, как будто я не в армию уехал, а в командировку на неделю.

Я все еще врал ей, что служу при штабе в Прохоровке, охраняю, чтоб его не украли, что ночью с ребятами в комнате в этом самом штабе, что до войны — черт знает сколько километров, что я в абсолютной безопасности. Она делала вид, что верила — как делают вид многие тысячи жен и мам по всей стране, выслушивая вечером своих мужей по той самой мобильной связи, которой нам снова запретили пользоваться.

Сегодня был хороший разговор, потому что я сообщил, что восьмого еду в отпуск — мой первый отпуск из армии, не считая двух дней дома в сентябре, между учебкой и прибытием в батальон. Жена осторожно сказала, что будет очень на это рассчитывать — к сожалению, в армии ни черта нельзя было загадывать наперед, поэтому мы просто... понадеялись.

— Цьомаю, мася.

— Цьом.

Разговоры с домом выбивали из привычной колеи, надоевшей рутины, дурацкого состояния «между миром и войной», и моя прекрасная жена очень старалась сделать так, чтобы я никогда не чувствовал себя бросившим дом.

— С вас пятьсот семьдесят рублей, — объявила продавщица и глянула на часы. — Только терминал не работает, давайте наличкой.

— Мартин, у тебя наличка есть? — обернулся Гала, скидывая в пакеты еду.

— Есть, сколько там?

— Пятьсот семьдесят рублей, — терпеливо и недовольно повторила женщина.

— Гривен, наверное, — я наклонился над стойкой и потянул из кармана кошелек. — Погодите вы с вашими рублями, мы еще не проиграли войну...

— Да, конечно. Пятьсот семьдесят гривней.

— Ох, мля, когда ж вы уже научитесь...

* * *

Хорошо бы было подгадать на шестое число, как раз на день ВСУ, но обещали оттепель, которая превратила бы еще державшийся снежный наст в непроходимую грязь, налипающую на ботинки многокилограммовыми комками, поэтому решили все делать сегодня. Лёня вставил симку в свой телефон, включил дешевенький «Флай», положил на стол и уселся на табуретку.

— Чего ждем? — прохрипел Георгий и потер ногу.

— Смсок ждем, — ответил Лёня и поежился. — А подбрось-ка... аааа, бля, нога ж. Лежи, сам подброшу.

— Каких смсок?

— Симка новая? Новая. Активировать надо? Надо. А ну набери... ноль девяносто пять... — Лёня начал диктовать номер с красной картонной упаковки МТС-а, и Боцман поспешно полез за телефоном. — Надо, чтоб все смски пришли, с настройками. А то, приколы, втыкаешь ты такой сим-карту в телефон подсоединенный, включаешь, суешь всю байдуньку в рюкзак...

— Да понял я, понял уже, — поморщился Георгий. — Не дурней тебя. Давай, скоро они уже придут?

— А ты-то куда торопишься? Рустам только за берцами пошел, времени полно.

В хате было жарко натоплено, нормальная, кирпичная печка, только что получившая две лопатки политого водой угля, полыхала вовсю. На крепком, застеленном какой-то бумагой столе стояла мина МОН-90, рядом с которой лежал уже подготовленный мобильный телефон — старая Нокия 1101.

Нога болела все сильнее, но Боцман старался про нее не думать. А думал он про то, почему дома, то есть в съемной хате, не было ни Нади, ни Коли, ни большинства их шмоток и остатков зарплаты Боцмана. То есть головой-то он все понимал, но голова тоже болела и отказывалась принимать происходящее.

* * *

Гала цвел, пахнул и не закрывал рот. Я усмехался, осторожно руля по узкой дороге, и пытался одновременно не выронить сигарету, не выпустить руль и переключиться со второй на третью. Вот нахрена эти передачи в современных машинах, а? Двадцать первый век на дворе, на секундочку. Илон Маск, нанотехнологии, овцу вон клонировали, людям сердце пересаживают... короче, научно-технический прогресс во всей красе.

Вот, например, истребитель американский. Стоит, небось, миллиард, вершина технической мысли, передовая технология. Есть у него коробка передач? Нету. Или океанский лайнер, триста метров роскоши и комфорта, бороздит такой, понимаешь, просторы морей, сложнейшая махина, напичканная всякой механикой и электроникой... двигатели там, кстати, такие же дизели, как два-и-три у моего бусика, тока малость побольше... и ведь тоже нема ручки! Космический корабль, шаттл, як в кино... Все, все, сука, обходятся как-то без этой дебильной рукоятки, которую надо постоянно дергать, при этом выжимая непонятную педаль, которую при этом почему-то «нельзя бросать». Ну вот зачем?

Дома у меня был ниссан с автоматической коробкой. Умение (да ну, «умение», так — навык) ездить «на механике» я приобрел в армии. О, сколько еще умений чудных, причем иногда абсолютно бесполезных на гражданке, уготовано освоить в лавах Збройних Сил пересічному військовослужбовцю...

— Смеется красиво, — закончил Гала и снова закурил. — Поворот не проеби.

— Не проебу, не боись. Шо, Гала, впечатлила?

— Ну... да. Есть такое.

У тети Лены было две дочери. Старшая, Надя, только-только переехала откуда-то, и сегодня мы ее не застали, видать, с сыном гуляла. Младшая, Маша, была более молодой версией Нади и училась где-то Днепропетровске, что ли. Именно она бесстрашно открыла дверь, и я увидел, как зажигаются глаза Галы.

Черные волосы были собраны в хвост, футболка туго обтягивала выдающуюся грудь, вся фигурка действительно очень... очень красивой девочки, улыбнувшейся нам с порога, взволновала мятущееся и одинокое сердце сурового контрактника Галы до глубины чуть больше метра.

— Маша, — сказал я. — Необычное имя для Донбасса. Тут все больше Лены, Наташи да Светы в ходу.

— Ничо, меня и Маша устраивает. Слышишь, а я в списке ж на батальон, да? Туда ничо не надо выдумывать?

— Только пиксель и ботинки чистые.

— А шо будет? — Гала опять пытался развалиться на сиденье.

— Шестого? Да как обычно, наверное. Соберут в клубе человек сорок, комбат речь толкнет, грамот дадут, «служу українському народу — ура-ура», и домой. Вместе с поездкой — часа четыре на все про все.

— Ярик до Маринки заехать хочет.

— Хер там, он в списке. Так бы зацепили его, бросили бы в Донском, через два часа бы забрали. Но нет. Разве что после и с ночевкой, но то он нехай с ротным решает. Ты телефон-то хоть взял?

— Чей? А, Маши? Не. Вконтакте найдемся.

— Ох молодежь, эти ваши современные технологии...

Пусть был привычен, скучен, совершенно обычен, как скучным и обычным было наше пребывание здесь. Несколько выстрелов за несколько дней — этот темп расхолаживал людей, мы теряли чувство опасности, расслаблялись, переставали внимательно смотреть по сторонам и даже слушать воздух. Позиционка. Ни черта героического.

* * *

Вышли. Провожать группу — плохая примета, и Боцман ушел немного раньше, похромал вдоль домов, благо потеплело уж очень отчаянно, и если бы не нога — прогулка была бы даже в радость.

Рустам вывел группу в полдевятого. Четверо — слишком мало, но больше сейчас свободных не было, и так пришлось брать Леню, хотя особой нужды в сапере не было.

Рюкзака было только два, зато боезапаса навьючили на себя как обычно. У всех были АКС-ы, у Рустама и Малого — с подствольниками. На воду особо не разменивались — снег вокруг, на крайняк сойдет. Сникерсы, орехи, ИПН-ы, у группёра — новые берцы модели «Гарсинг — ALMAZ» из последнего российского гумконвоя, типа зимние и теплые. Обувать новые берцы сразу на выход было как-то тупо, но старым пришел кирдык, и идти было тупо не в чем. Две рации, тоже у Рустама и у Малого, обмятые, привычные «горки», российская сплавовская термуха и сплавовские же броники в темно-зеленом раскрасе. Белые маскхалаты, накинутые сверху, тихонько шуршали, группа вытягивалась в боевой порядок, люди входили в привычный ритм ходьбы, слегка покачиваясь и смотря больше по сторонам, чем под ноги. По прикидкам Рустама, до трассы им ходьбы было часа три. Малой думал, что больше.

* * *

Узкий и тусклый луч осветили Талисмана, волокущего коричневое автомобильное кресло. Дима замер в свете левой, единственной горящей фары, как будто застигнутый врасплох, и несмело помахал рукой. Я притормозил прямо рядом с ним, Гала качнулся и заехал лбом в ствол пулемета.

— А вот и он, виновник всех мои несчастий и причина чуть не выбитого глаза у Галы, — весело сказал я, открывая дверку. Гала шипел, потирая лоб, и злобно зыркал. — А ну ставь свою табуретку повыше, я ее расстреляю из Галиного пулемета.

— Я ее сам расстреляю, — проворчал Гала. — Насмерть.

— Та я її зара в машину кину, а потом по свободе прікручу, — начал зачем-то объяснять Дима, кивая на сидушку. — Там ключ треба такий, шо тіко у Механа єсть, а Механ не дає, собака бешена, скажи йому, а?

— За пару дней до отпуска Механ неуправляем, — ответственно заявил я. — Зато Новый Год дома встретит. Ладно,

мурзилка, за попытку сделать из боевой позиции плохой кабак я тебя потом казню. Шо у нас с СПГ?

— А шо у нас з СПГ? — испугался Дима и заозирался, пытаясь в темноте высмотреть закрепленный за ним станковый гранатомет. — Всьо нормально з ним. Було.

— Накрыл?

— Накрив, накрив, все нормально. Шматко приходив, контролював, орав на мене, а шо я? В мене Догана от-от народить, шо мені бігать, а? А он волав як дурне, скажи йому, а?

— Так, понятно. Поехал я, пока ты меня не заставил со всем особовым складом поговорить. Дима, сегодня уже нет, а завтра за день найди, пожалуйста, время, и сделай «сапогу» обслуживание. Смазка там, я не знаю, контакты всякие... Ладно?

— А як його робити, а? Це й хто його зна, закріпив, а де НСД? Нема. Полупріціл я шарю, най так наведусь, як кумулятивом... а дальше? — закручинился Талисман и зачем-то пнул сиденье. Гала пожал плечами, выдернул из-под ног пассажирского сиденья пакет с продуктами и поволок его в свой первый блиндаж.

— А как вся армия делает, счастье мое? Гугл, дорогой мой, гугл. Не вечно ж порнуху зырить, займись чем-то полезным.

— Мене Ляшко від роутера відключив, — насупился Димка. — Сказав шо я йому весь трафік трачу. А як оно він посчитав той трафік, а? Хуй його зна. Нема інтернету, Мартін, скажи йому, а?

— Бльоооо... Всім чотири — тобі п'ять. Короче, Дима. Шукай интернет и качай все, шо найдеш по СПГ. Завтра покажешь. Все, разйобуйся... — Я полез в машину, выжал сцепление, воткнул первую, и «Жаба» с удовольствием забуксовала в снегу. — Бля. Ну хто оно придумал эти передачи...

Федя ходил кругами вокруг бани и говорил по телефону, и, само собой, я чуть не воткнулся в его кремезную фигуру, подруливая машиной в промежуток между поленницей и «бэхой». Ставить машину возле «бэхи» было не лучшей идеей... но я не понимал этого тогда. Я сам казался себе уже достаточно опытным военным, не понимая, что только самую чуточку

зацепил той самой войны, зато полной мерой осознав все армейские обязанности, этой самой войны не касающиеся.

Будущее покажет, что я жестоко ошибался, и что, вместо того чтобы кататься стирать шмотки и по магазинам лазить, нам нужно было тренироваться, тренироваться и еще раз тренироваться... Но это я в полной мере осознаю ровно через месяц, вечером шестого января шестнадцатого года. А пока... пока был вечер четвертого декабря, и Федя требовательно постучал в мутную лобовуху, как только я заглушил двигатель.

— Чего тебе? Я с тобой не разговариваю, ты меня чуть заикой не сделал! — Я выпрыгнул... вылез, кряхтя, и пошел вокруг машины, доставать пакеты со шмотками. — Ты при рации? Скажи пацанам, пусть стирку разбирают, тут еще досушивать надо.

— Без рации. Слышишь... это. Дело есть. Коррупционное.

— Если коррупционное — я весь внимание. Коррупцию я люблю, это фактически мое второе имя. — Я с удовольствием всучил Скорпиону два пакета, подхватил еще два и попытался головой закрыть заднюю «ляду» бусика. Не получилось.

— Мне проебаться надо дня на три. — Федя переложил пакеты в левую руку и одним пальцем закрыл крышку. — Максимум на четыре.

— Ого. Мощно. И чего вы все ко мне с этим ходите, а не к Васе... — Я бросил ключи в замке, мне и в голову не пришло закрывать машину. — Ваханыча видел? Тре его подергать, одна фара не светит. Шо стряслось, Федь?

— Мммм... надо. Очень. Действительно. Только... я тебе потом расскажу, как вернусь, хорошо?

— Нехорошо. Федя. Отпуск, не?

— Та нема вже отпуска. А ехать надо. Человек у меня близкий... умер. — Федя отвернулся, бухнул на поленицу пакеты со шмотками и сунул в рот сигарету. — Надо съездить, оформить все.

— Далеко съездить? В Киев?

— Нуууу... не только.

— В Луганск? Ты ебанулся?

Федя был вроде меня — тоже с Донбасса, и тоже «понаехавший» в Киев, только я учился в столице, а он переехал уже после института. Федя был из Луганска, в Киеве он женился, родил ребенка и вот уже лет восемь работал главным электриком какого-то отделения чи то водоканала, чи Киевэнерго. Вся остальная семья Скорпиона осталась в Луганске, и в четырнадцатом они пытались выехать... но с работой было очень туго, и им пришлось вернуться в Луганск.

— Федя... не говоря уже о том, что само по себе будет проблемой сейчас уговорить комбата тебя отпустить... но какой нахер Луганск, а? Что ты там забыл?

— Да оформить же все надо. Документы там... тело забрать.

— Федь... ну какие нахер документы, а? Тело... а там никто перевезти не может?

— Пытаюсь решить. Не получается.

— Так, понятно. Пошли к ротному.

— Пошли... — Федя кинул бычок под ноги, и маленькая искорка в глубокой и неудобной ночи зашипела, умирая. — Шмотки только возьму.

* * *

Погода была — мерзость. Дошедшая почти до нуля днем температура к ночи снова упала, наст замерзал, но проваливался под ногами, идти было трудно. Легче, чем по грязи, но все равно тяжело.

Карьер прошли еще более-менее нормально, спустились в распадок с железкой, который днем проверял Рустам, дошли почти до дач и под маленьким терриконом повернули направо, оставляя между собой и трассой поле и еще одну узкую посадку. До конца этого отрезка оставалось еще метров сто и потом впереди дурацкий кусок — поле. Рустам решил не рисковать и идти по краю зеленки опять на север, до большого изогнутого террикона, где вчера завалили этого дебила Жеку. Дебиллом в глазах группёра Жека стал тоже вчера, когда Георгий рассказал, что в бронике того не было плит. Плиты вряд

ли спасли бы... Но все-таки. Не служба, а идиотизм, плиты вынимают, творят что хотят...

До усталости было еще далеко, но безлунная ночь не давала возможности хотя бы толком увидеть, куда идешь, приходилось постоянно останавливаться и оглядываться. Впереди теперь шел Малой с тепликом, за ним — Динамо с рюкзаком, потом Рустам с ночником, и замыкающим — Лёня, тащивший, кроме АКС-а и набитого броника, еще и второй рюкзак. Сильно не хватало Макса, а заменить его не получилось — тот же Гоша мог бы пойти, но полученные в ногу осколки ВОГ-а похоронили эту идею на корню.

Рустам начал раздумывать над тем, каковы шансы выжить при падении ВОГ-17 в трех метрах. По всему получалось — немного, но вот Боцману повезло... хотя тащить на себе мертвого друга — то еще везение. Разлет осколков ВОГ-а, при которых они сохраняют поражающую силу, составляет семь метров, это Рустам помнил еще со срочки, но под обстрел из гранатомета не попадал ни разу, поэтому толком соотношение везения-невезения определить не мог.

Рустам шел, высоко поднимая ноги, и не знал, что скоро ему представится такая возможность.

* * *

— Ну смотри. — Командер был спокоен, хотя мне казалось, что не помешало бы выразить немного сочувствия. С другой стороны — а шо Феде с нашего сочувствия? — Есть такой отпуск, но есть еще и охуенные военные правила, которые заставляют при оформлении этого самого отпуска предъявить в строевую часть справку о смерти члена семьи.

— Откуда ее предъявить, из Луганска? — поинтересовался я.

Мы сидели в кунге, который с появлением Феде стал вдруг очень тесным, Вася стоял в дверях и курил.

— Отож. Поэтому сделаем так. Комбату я звонить и спрашиваться не буду, бо он нормальный, он пойдет навстречу, и повесит этот залет на себя. Без Луганска можно обойтись?

— Не знаю, — мотнул головой Федя. — Пока не получается.

— На месте там кто-то может все порешать?

— Нуууу... сосед может. Наверное. Я просил, но он как-то...

— Понятно. Значит, звони ему и говори, если оформит все доки и привезет тело, получит на руки пятерку, плюс расходы.

— Пятерку? Бля... дорого.

— Скорпик, я тебя шо, спрашивал, дорого или нет? Я тебя вообще за бабло питав? Значит так, беру на себя. Купи билет на завтра в «Привате», и иди звони соседу, больше ни про шо не думай. — Вася был абсолютно спокоен, и к этому моменту я уже знал, что это спокойствие и даже некоторое равнодушие всегда у него проявляется в моменты волнения. Уже потом, в бою, я буду видеть, как во время стрельбы, взрывов, суматохи и дыма вокруг Вася будет разве что не зевать, демонстрируя полнейшую апатию, и при этом спокойно руководить людьми.

— Цепляйся тут, инет вроде работает, — я кивнул на по-маргивающий светодиодом роутер, — пароль «rehota41», английскими, нижний регистр, без пробела.

— Я лучше сначала позвоню, — сказал Федя и выскочил из кунга.

— Мартин, у тебя деньги есть? — тут же спросил Вася.

— Есть немного. Если что — домой позвоню, там у жены отложено должно быть. Как думаешь, много надо?

— Десятка, минимум. А то и больше. У меня пара тысяч на карте.

— Будем шукать. Пацанов потрясем, на гражданку позвоним. Найдем, думаю... завтра его в Ваху забросишь на киевский, так?

— Ага.

— Он в списке на батальон.

— Отмажемся. Спиздим что-то.

— Комбату тре сказать будет.

— Скажем, как уедет. Ты пожрать купил? Вже желудок сводит.

— Да, есть колбаса, хлеб, мивины дохуя. Пошли вже... желудок.

Зима, временно отступившая в район нуля по Цельсию, трепала наш опорник порывами ветра, как и все остальные десятки, а может и сотни РОП-ов, ВОП-ов, СП-шек, задувала крохкие снежинки под гусянку «мишек» и «бэх», кидала ледяное крошево в открытые люки «бэтэров», не различая цветов флага, расцветок шевронов и акцентов. Зима запускала свои пальцы в Донбасс — медленно, но уверенно, зима небрежно пробовала на прочность обе линии — и нашу, и сепарскую, зима садила батареи телефонов и теплаков, зима презрительно забрасывала нас снегом, устанавливая свои правила войны... на которые нам было плевать.

В вечном противостоянии климата и человечества последние несколько сотен тысяч лет уверенно побеждали тепловкровные.

* * *

На КПВВ ярко светил фонарь да не один, и это давало отличный ориентир: как только фонарь скроется за пригорком — дорогу можно переходить. Две пары залегло на расстоянии десяти метров друг от друга, выставив обмотанные бинтами стволы — по прямой до хохлов было метров двести пятьдесят, поэтому держаться группой, рискуя нарваться на удачную очередь ПКМ-а или пару ВОГ-ов, было тупо.

Первой дорогу перебежала пара Малой — Динамо, нырнула под одинокую акацию, оказавшись в слепой зоне и для КПВВ, и для опорника. Единственной стопроцентной бедой этого места было бы, если бы по трассе прошла машина — украинские погранцы могли поехать на их выносной пост напротив Ясного, но тут уж как повезет. Долго сидеть здесь было нельзя, но Рустам не торопился, отсчитывая назначенные им самому себе три минуты.

До цели оставалось несколько сотен метров, самых опасных, проходящих между двух украинских позиций, но Рустам считал, что им повезет.

* * *

В жулудке тихо переваривалась мивина с дешевой колбасой, а в наряде тихо переговаривались Ляшко и Хьюстон. Вася, вывернув из траншеи, попытался шатнуться в тень и подобраться неслышно, но стоящий к нам лицом Хьюстон махнул рукой, показывая, что заметил.

— Шо, товарищі військовослужбовці, призвані за мобілізацією, як служба войск? — Командер поглубже сунул руки в карманы «горки» и потопал таланами. — Шо, без стульчіка якось одіноко?

— А я с самого начало говорил, шо он тут не тре, — насутился Ляшко. — Но хто мене слушае?

— Тебя даже жинка не слушает, — тут же вставил Хьюстон. Ляшко размахнулся и пнул грузного Хьюстона по ноге, тот ойкнул, СВД слетела с плеча и чуть не заехала Васе в нос.

— Воу-воу, ваенные, палегше. Уграете лейтенанта — шо делать будем? — Я засмеялся и потянул из кармана сигареты. К вечеру от курева начинало тошнить.

— Командира никак проебать нельзя, бо вместо него могут прислать еще бóльшого долбоеба, — сказал Ляшко в пространство и сделал невинное лицо. — Шо случилось?

— Шутники, мля, — поежился Вася. — Пришли вот вас проверить, а то вдруг вы спите к херам. Вы налево ходите?

— Постоянно. Вась, на ночь по хорошему еще минимум одного выставлять надо. А лучше двоих. Двести метров как-никак, а по-нормальному надо ставить наряд на въезд. — Ляшко запустил руку под куртку и вытащил теплак.

— На въезд не надо, хера там того въезда? Оттуда к нам разве что по нашей дороге и можно подойти, ну тут прямая директриса, от вас все видно. Налево ставить надо, к террикону, оттуда к нам залезть — шо посморкаться. — Я поднялся на цыпочки и вдруг увидел кое-что, что привлекло мое внимание, причем гораздо ближе, чем левый край нашей позиции. — А это что?

— Эээээ... — потянул Ляшко и раздумал включать теплак, — это Яричка навязал. Все-таки хочет на опору флаг поставить.

— Ох мля... — пробормотал Вася, осматривая кусок автомобильного троса, закинутый на второй уровень ржавой железной электроопоры. — Мартин, напомни мне отрубить Ярику ноги. В наряде он и без ног может, зато не залезет на эту херню, не упадет и не сломает позвоночник.

— Да хер с ним, пусть ломает. Лому скажем — он его дострелит, и будет «бойова втрата». Шестьсот пятьдесят тысяч посмертных выплата семье, все такое... Село на коленях опять же, флаги, речи головы села, торжественно, с чувством... — Я решил, что сначала Петрович со своим креслом, а теперь и Ярик с промышленным альпинизмом вознамерились меня сегодня доканать. — Спишем. В армии человека списать — раз плюнуть. Помните, как под Старогнатовкой ЗиЛа «градом» накрыло и двух человек рядом? Отого, шо погиб, в три дня оформили. А ЗиЛ до сих пор списать не можем, а он, между прочим, на нас числится...

— Мдааа... — Мысли о том, что нужно заниматься еще и этим дурацким вопросом, оставшимся в наследство от предыдущего командира роты, испортили Танцору настроение. — Пошли, Мартин. Ярику не ноги — так хоть уши оборвем...

Если бы Ляшко посмотрел в теплак именно тогда, когда вытащил его, а не через три минуты, возможно, он увидел бы светлую, разгоряченную долгой ходьбой фигурку, перебегающую колею как раз на въезде.

Но он не посмотрел — его отвлек командир.

Через сто метров ковзания по натопанной нарядом тропинке из темноты вынырнул Санчо и пошел рядом, проваливаясь и пытаясь успеть.

— Чуешь, Вася, дело есть.

— И тебе проебаться? — дурное настроение командера никуда не делось.

— Это неплохо бы, но — нит. — Санчо поправил очки и все-таки ступил на тропинку. — Погоди. Сегодня Мартин тут на Петровича разорядся, грозился перевести.

— О как... и шо? — остановился Вася. Я молчал, мы стояли возле второго блиндажа и почти на крыше блиндажа

сто-тридцать-первого бата, пацанов из которого я сегодня, кажись, и не видел. Ветер плевался снегом.

— В словах Мартина, шо странно, есть смысл, и вот почему. Надо Киллера перевести, но не в первую, а в РМТЗ или на ПТОР, например.

— Чего это? А на АГС-е кто будет?

— Назначишь кого-то, пора вообще-то всем осваивать. Вась, ты пойми, — подступил ближе Санчо. — Он не тянет. Его перед холодами так скрутило — разогнуться не мог. Спина, ноги, руки... Артрит, чи шо-то такое. Старый он для всей этой хуйни. Война — дело молодых, даже если это и не война нормальная, а втыкание в наряде.

— Бля... — протянул Вася. — Где ж людей-то взять... Сука, двадцать человек на опорнике, плюс разведосы... У «четырнадцатой» вообще двенадцать... Охереть. Это он тебя послал пробить обстановку?

— Не, это я сам. Мы ж живем вместе. Его дня три назад Ломтик водкой растирал, бо он разогнуться не мог.

— Водкой? Ухтышка. И много у Ломтика водки привычно? — заинтересовался я.

— Сколько надо. Бухими никто не ходит, как видишь, — отшил меня Санчо и повернулся к Васе. — Так шо? Подумаешь? Бо он сам не попросит, гордый он, сам знаешь.

— Та шо тут думать... ты уверен?

— Уверен, конечно.

— Завтра комбат на награждении в Вахе будет — поговорю с ним, — сказал Вася и пошел дальше. — Новости, бля, одна лучше другой...

Я метнулся в кунг за ноутом и тут же занял козырное место на КСП за столом, воткнув шнур зарядки в валяющийся удлинитель. Батарейка на Васином «Асег» держала минут тридцать, но я жил по армейскому правилу «трех возможностей»: никогда не упускай возможности помыться, поспать и подзарядиться. Пришлось возвращаться за забытой «формой-раз», листать ее и в муках рожать нереальные биографии реальных людей. Хотя... подойдя с маленьким творческим

началом к коротким текстам, которые завтра со сцены будет зачитывать городской голова чи якась інша відповідальна особа, можно было отхватить свой фан.

Жаль, я этого вживую не услышу...

— Епт, — сказал Мастер, вываливая грудку наколотых дров перед буржуйкой, на которой пытался закипеть чайник. — Так привык, шо тут Догана лежит — по привычке переступил. А собаки-то и нема.

— Рожает, — сказал Шматко и зачем-то постучал по кастрюле. — Давай кочегарь вже, готовить буду.

— Та мы вже мивины пожрали, пока ты тут готовить собирался. — Мастер открыл дверку и стал швырять внутрь куски холодного дерева. — Мартин, а баллоны задули?

— Мивиной душу не обманешь, — вздохнул я. — Задули, тока я их из буса забыл забрать, все Федя... отвлекли меня. Принесешь? А то я тут в творческом вдохновении.

— Принесу. Шматкович, а можешь нас удивить, а? Что-то концептуальное, и без тушенки.

— Як Ярік? Бутерброди з шпротним паштетом і шпротами? Не, я такой херной страдать не буду, йдїть будїть его, най сам таке мастрячїть. — Шматко сделал вид, что обиделся, и загремел своими поварешками еще громче.

— Говорят, в каком-то підрозділі служит чувак, шо по граждане шеф-поваром в ресторане крутом был, — сказал я и мечтательно причмокнул. — Так он пацанам суши делал.

— Я такую херню не ем, — сразу открестился Мастер. — Но риса наварить можешь, если картошки нет.

— Мартин не привіз, гад такий.

— Нема в магазе, померзла везде. — Пиликнул телефон, я открыл и прочел сообщение от «Привата». На карту упало две тысячи от жены и шесть — от Игоря, с работы. — Я щас вернусь, место мое не занимать.

* * *

Разместились на невысоком и горбатым отвале, в трехстах метрах от точки. Отсюда открывался бы шикарный вид на

укропский опорник, если бы не ночь, и Рустам акуратно разгреб снег и сел на поджопник, вырезанный из каремата. Лёня и Динамо отвязали карематы от рюкзаков и положили их в метре друг от друга. Спать все равно не получилось бы — слишком холодно, хотя сейчас, после марша, в одежде было, конечно, жарко.

«Светимся сейчас в теплик, как... как не знаю кто», — подумал Рустам и поежился. Лёня аккуратно поставил рядом два рюкзака и присел на каремат, не опираясь на них. На часах было около одиннадцати. Часа три-четыре — и можно начинать работу.

Мля, не простудиться бы...

* * *

Я проснулся от пиликанья будильника и потер глаза. Светодиодная лента, присоединенная к старому автомобильному аккумулятору, давала достаточно света, чтобы одеться и не тыкаться в поисках шмоток. Вася спал, завернувшись в свой новомодный спальник, который был гораздо холоднее моего, буржуйка давно погасла, и в кунге было где-то... ну минус восемь, может минус шесть.

Я быстро оделся (а попробуй тут не быстро), схватил планшет, чуть не уронив пачку листиков с псевдобιοграфиями, и выскочил наружу. Странное дело — мы научились абсолютно не замечать тарахтения генератора, но очень даже чувствовали, когда он замолкал. Было тихо, все так же пасмурно и так же безнадежно. Я вернулся в кунг, снял Васину куртку и укрыл его. Все ж теплее, чем в этом синтапоне тоненьком. Забрал АКС и броник, с завистью покосился на пустую кобуру от «пэ-эма» и пошел на КСП, на свое дежурство.

Физического смысла в этих дежурствах на КСП не было — батальонная рация у нас не брала, бо мы были в распадке, ниже уровня земли, «тапик» никуда прокинут не был... да и куда нам его кидать, к погранцам на КПВВ? Зато смысл был морально-этическим: каждая смена, отправлявшаяся в наряд,

обязательно должна была зайти на КСП пред светлы очи дежурного, так же как и каждая смена, снимавшаяся с наряда. Парни из сто тридять первого пытались на это правило забыть, но после пары звонков их ротному все пришло в норму. Плюс — раз в пятнадцать минут был обязательный сеанс связи с нарядом. Плюс — иногда прогуляться на передок и проверить глазами, как служба войск несется. Плюс (и это, возможно, было самым главным) — люди видели, что пока они ночью стоят в этом самом наряде, кто-то из командования нашими жалкими остатками роты — или Танцор, или Мастер, или я — тоже не спит.

Мастер сидел за столом и пил кофе. Вторая кружка стояла на пылающей буржуйке, нагло распространяя по всему шалашику аромат хорошо заварившейся кавы, за ноутом никого не было, а под койкой возле него попискивала толпа щенков, получившая общее наименование «Седьмая Волна».

— Шо Талисмэн, все пополнение нашел? — я кивнул в сторону писка, положил автомат на стол и повесил разгрузку на гвоздь-«сотку». «Кондор» повис, стучаясь темповскими плитами. Интересно, сколько она весит вместе с магазинами? А я трассера взял? Вроде взял...

— Семеро, как заказывали, — ответил Толик и отхлебнул из кружки. — Ты ушел печатать и не вернулся, то Шматко тебе риса оставил. Хороший, с зажаркой, на ящичке стоит. Хавай, пока Догана не съела.

— Воды ей поставить надо побольше, у нее ж молоко сейчас, — блеснул я всеми моими познаниями в деторождении. — Шо там, нормас?

— Да. Скоро разведка сменится, Ярик с Петровичем на ночную заступают. Так шо хавай, шо Догана не успеет — Ярик сожрет.

— Оуууууоооооой, мля, — зевнул я. — Сначала кофе. Инет работает?

— Та да. Я новости почитал — пиздец какой-то... Все первое число обсуждают.

— А причем здесь первое?

— Там Минские ж заканчиваются, — сказал Мастер и вытряхнул из пачки сигарету. — Че-то все решили, шо сепары попрут теперь.

— Да хер там они попрут, откуда у них стока сил?

— Соберут. Ебу я. Хоть бы уже поперли, все лучше, чем так сидеть...

— Думаешь? — я наконец-то забрал кружку и примостился на спине.

— Уверен. Олежек, стояние на месте, причем даже без обстрелов, убивает армию, — покачал головой Толик. — Вот смотри, мы тут сидим. Пацаны машины чинят, ты бумажки дебилные составляешь, Петрович вон в наряд собирается... но на самом деле ничего не происходит. Поэтому и выходит... там подзабил, тут не посмотрел, зброю не почистил, в наряд проспал... И кричи на этих людей, не кричи — без толку это. Все равно — на расслабоне.

— Иии?

— А ты бы видел их летом, под Старогнатовкой, когда нас чуть не каждый день валили. Другие люди ж были. Опоздать в наряд — такого не то что не бывало, а даже и мысли не возникало. Вся зброя вычищена-вылизана и блищить. Все четко, пацаны живые, движуют... жизнь, понимаешь? Хоть мы и потерпали тогда, но мы были армией. А теперь мы кто? Окопные тараканы, охраняющие террикон? Вот вчера... уже позавчера... сходили — так я хоть опять вкус почувствовал.

— Так а делать-то что?

— А я откуда знаю? — пожал плечами Мастер. — Ждать войны и пытаться не растерять остатки боеспособности. Поэтому и говорю — лучше бы поперли.

— Херню говоришь, — убежденно сказал я. — Война — это потери.

— Само собой, — кивнул Толик. — Это ж война, а не зарничка. А ты шо хотел?

* * *

Первую МОН-ку воткнули так, чтобы гарантировано израсходовала машину — под углом, чтобы тачка полностью попала под осколки. Телефон, хоть и был прорезиненный, Леня еще дополнительно мотнул изолентой и осторожно присыпал мину снегом.

Рустам сидел на краю посадки и иногда, поднимаясь по весь рост и становясь ногой в развилку низкой акации, чтоб было повыше, осматривал окружающий мир в теплик. Фигурки наряда было почти не видно, но все равно сердце билось часто, разгоня очередную порцию адреналина в крови.

Малой лежал с другой стороны колеи, смотря в сторону КПВВ. Кто его знает, что там укропам в голову придет, в три часа ночи вдруг покататься приспичит... Динамо помогал Лёне.

Вторую мину ставили подальше, телефон был обернут пакетиком и глупо смотрелся на зеленой тушке МОН-ки. Как машину развалит — укропы прибегут, начнут тут мотаться, по кустам шариться, людей вытаскивать... вот тогда Рустам позвонит на второй забитый в память мобилы номер, и МОН-90 рванет, опять выкашивая набежавших хохлов.

Плохо то, что, как они набегут, придется остаться и ждать, поэтому Малой с Лёней после первого взрыва сразу с отвала рванут на дачи Новотроицкого, тут меньше километра по прямой, а Рустам и Динамо останутся, взорвут вторую мину... и в неразберихе свалят следом.

Жаль, напрямую на Докуч нельзя уйти... но днем это не реально, абсолютно. Ничего, и так нормально... вроде бы.

Рустам поежился, балансируя на дереве, и на секунду отнял теплик от лица, а когда поднял его обратно, увидел, что фигурок стало больше. Смена наряда или выпалили нас? Сколько сейчас, полчетвертого? Да, вроде смена, они по три часа стоят.

Ладно... бля, да скоро они уже там закончат? Сколько возиться можно?

Лёня начал присыпать снегом вторую мину.

* * *

— Батарейкі брав?

— Та брав, брав, чекай...

Если и есть что-то безумно неудобное в «Пульсаре-пятидесятке», так это замена аккумуляторов. Нужно выковырять контейнер, потом вытащить, чаще всего с помощью ножа, «пальчиковые» аккумуляторы, потом вставить свежие, причем еще и угадать, бо плюс и минус не различаются наличием или отсутствием пружинки контакта, как в обычных, нормальных приборах. Да и сам контейнер сделан из настолько дерьмовой пластмассы, что она тупо гнется, а на морозе — ломается, аккумуляторы толком не держатся, приходится подсовывать кусочки сигаретной фольги или какие-то мелкие железячки.

А теперь попробуй то же самое, но в темноте. С ума сойдешь и все маты забудешь, пока получится... зато теплак был. Даже два. На самом деле — даже три, два «Пульсара» и один «Арчер», но «Арчер» в очередной раз сломался, а второй теплак был на КСП, на случай (чего это «на случай»? Наверняка же!) выхода из строя первого. Бо теплаки были еще с четырнадцатого, на своем веку видели немало, поэтому, честно говоря, держались на соплях и молитвах.

— Сука, довго включається... — Ярик с хрустом вдавил прорезиненную круглую кнопку и начал ждать, когда теплак выйдет на режим. — Дай-но мені батарейкі, я потім поставлю на зарядку... Фу, мля, ненавижду цю смену, утринню.

— Спати хочеш? — Петрович поежился и с тоской подумал, что если бы не подорванный Мартин, то сейчас можно было бы сесть на удобное кресло и расслабить нещадно болевшие коленки. — Хех, молодим всегда спати хочеться... Чуеш... як отой хтось поїде в Новотроїцьке, най мені куплять у аптеці мазюку якусь. Долобене, чи шось таке. Бо болить так — спасу нема, поки розходишся, аж сльози течуть.

— Завтра у Волновасі купимо. — Ярик поднес к глазам теплак и начал по кругу осматривать местность. — О, миші кубляться на полі... Ти каву не робив?

— Робив, то й сам бери у рюкзаку, я згинатися не хочу. — Петрович с кряхтением снял автомат с плеча, дернул вниз предохранитель, потом с лязгом передернул затвор и клацнул предохранителем обратно. — Пий тока зараз, бо в Санчо термос худий, быстро остиває...

— Зара, якраз на кашу ляже, мені Мартін свою пайку віддав, сказав, що мені в наряді на холоді нужніше. Знаєш... Ми отсюди ніхера в'їзда ніколи не бачимо, а командір говорив, щоб просматрували.

— То шо, підемо? Я хтів на лівий фланг сходить, до «дашкі», спочатку.

— Не. Зара на опору залізу, гляну, щоб не ходить.

— Та стій, кави попий спочатку.

— Та я бистро.

Ярик перекинув ремень-трехточку через голову, сунул за пазуху включенный теплак и подергал на рыжий трос, привязанный ко второй перекладине опоры. Схватился руками в дерьмовых вязаных перчатках, выдаваемых военными складами под названием «зимові», и съехал. Чертыхнулся, сунул перчатки в карман, подпрыгнул и повис на ленте. Уперся ногами в вертикальную железяку, несколько раз перехватился, закинул ногу — и оказался в трех метрах над землей.

— Не впади, — сказал снизу Петрович, задрал голову.

— Не впаду, не бійся, зара тільки... Стоп.

— Шо?

— Якась хуйня прям на в'їзді. Дві фігурки, як... як лежать.

О, одна посунулась... Бля.

— Та шо?

— Сепари. Мінімум два.

Петрович тут же сделал шаг от опоры и сдернул АК с плеча. Стал на колено, скривившись от боли, и аккуратно снял с предохранителя.

— Докладувать?

— Погоді. Два... точно два. Може, три, не бачу, в посадці, може, сидить. Ні, не докладуй. Іді розвертай АГС, став триста п'ятдесят.

— Може, Мартіну доложимо? Може, кабани?

— Слухай, — Ярик рефлекторно понизил голос, держась одной рукой за опору, а во второй сжимая теплак. — Поки скажеш. Потім переспросить. Та ну, Мартін сам казав «ніхто з нас по теплаку не спец, бачите якусь хуйню — їбашьте, Бог разлічіт своїх». Давай, тихенько. Я тут побуду, покоректірую.

— Побачать і снімут, в них же тоже теплакі єсть.

— Хуй там, разве шо приціли. Ночнік до жопи на цю дальність... о, знов копається... Шо он там, мініруєт, чи шо? А просто с теплаком — до жопи, автомат не навести, це ж одной рукой теплак держать, другой автомат. Так коректіровки не зробить. Короче — давай бистріше...

Петрович, не помня уже ни о суставах, ни об артрите, пригнувшись шмыгнул к гранатомету — куда только боль делась... Остановился, поставил автык на предохранитель и аккуратно положил его на доску, валявшуюся рядом с АГС-ом, на которой обычно снаряжали ленты к «улиткам».

Наклонился, нежно-нежно поднял тело гранатомета и повернул на девяносто градусов, вспомнил таблицу и начал выставлять прицел на «0-49», что равнялось трехстам пятидесяти метрам. Теперь подвести ствол гранатомета... Так, ВОГ в стволе, «улитка» полная, предохранитель включен.

— Готовий, — негромко сказал Петрович и начал всматриваться в темноту.

— Давай дві.

«Киллер» сдернул предохранитель, навалился на ручки и утопил клавишу буквально на секунду. Гранатомет громко кашлянул, и два цилиндра взвились в низкое темное небо.

— Мартін, це Анальгін, сепари на в'єзді! — тут же рывкнул Ярик в рацию и поднял голову. — Правіше чутка и став на чотириста!

Верньєр плавно повернувся, ствол двинувся правее, замер, прицел перескочил на «0-58», клавиша, сильно, до хруста — и новая пара гранат взметнулась вверх, взводясь в полете.

— Чуть назад по дальності! По фронту нормально, давай топі на всі гроші!

АГС затрясся, вгрузая лапами станка в холодную землю, Петрович давил на ручки, не давая гранатомету слишком уж подпрыгивать, и... и улыбался.

Из темноты, прямо из разрывов ВОГ-ов, навстречу рванули росчерки коротких очередей.

* * *

Я что-то проорал в рацию на общем канале и кинулся к разгрузке. Набросил на себя броник, выдрал из-под него капюшон и начал путаться в липучках. Мастер, уже каким-то невероятным образом и одетый в разгрузку, и с автоматом в руках, вскочил прямо в берцах на лавку и сдернул с высокой, под потолком, полки второй «Пульсар».

— Ночник возьми! — крикнул я ему и рванул к кунгу.

Еще два ВОГ-а упали, и тут же гранатомет застучал без остановки. Значит, наши еще воюют... в частые хлопки АГС-а вплелись короткие очереди автоматов... Не ошиблись пацаны, видно, и правда тут херня какая-то...

Спину будто облило холодным — АГС замолк. Или ленту меняют, или... И автомата с нашей стороны не слышно, зато от края поля стучало короткими минимум два ствола. «Пять-сорок-пять», — почему-то подумалось мне, АКМ-ы басовитей и тише стреляют.

— Где? — мне навстречу вылетел Вася, в броне, но без автомата.

— На въезде! — крикнул я и ломанулся мимо него в кунг. Пошарил рукой по дверке с внутренней стороны, нащупал ремешки и потянул на себя. Две двадцать вторых «мухи», черт, дальность сильно больше... но не помешает. Мозг автоматически отсчитывал секунды, так, а «дашка» нам не поможет, от нее не видно въезда... Бля, хотел же пост перенести, да все руки не доходили... дебил... расслабился, бля, наградные писать научился — и решил, шо теперь стал настоящим военным? Долбоеб...

Перекинул «мухи» через голову и, оскальзываясь на наледи, бросился к поленнице, за которой можно было выйти на поле.

По всему опорнику раздавались голоса, крики «наши не отвечают!», маты, люди вылетали, путаясь в броне и автоматах, из КСП вывернулся Вася с нашим «дежурным» ПКМ-ом, о, так вот чего он автомат не взял... я заменил магазин — со сливового бакелитового на рыжий, с трассерами... и вдруг почувствовал это. Опять.

Как будто мой слух... да нет, не слух — мое «я» мгновенно, с шелестом развернулось на весь опорник, и я увидел-почувствовал этих пацанов, сейчас спешно, поскользываясь и падая, летевших к своим позициям, я... не знаю, как это сказать, тут слов не хватит, по крайней мере, у меня, — я увидел Армию. Дурацкую, иногда смешную, иногда доставшую, но сейчас — сейчас все было по-другому. Сейчас и здесь, на маленьком куске холодного поля, восемнадцать человек стали злобной, мерзкой и жестокой сволочью, каким-то тупым и общим разумом, и этот разум замер, выдохнул — и ударил из всех стволов.

Били автоматы, заливая посадку тусклыми росчерками, бил ПКМ от нас, это Танцор, мабуть, бил еще один ПКМ откуда-то слева, это Ломтик, значит... и, слава Богу, снова заухал АГС. Я дернулся, поняв, что все это время простоял в прострации между кунгом и КСП, и побежал туда, где от сгорбившейся темной фигурки, неожиданно, кадрами появлявшейся передо мной, вылетали яркими вспышками капли горячего металла и уносились в ночь.

— Мы справа обойдем, будь на рации, — спокойно сказала мне сзади, и Стелс в своей неизменной шапочке протопал за спиной, за ним Мара, с улыбкой до ушей, и двое его ребят. Дима, последний из разведосов, хромая, выскочил из блиндажа и полез на него, без броника и с боковыми карманами штанов, оттопырившимися магазинами к АКМ-у.

Я кивнул и побежал дальше, пытаюсь вспомнить, куда дел рацию.

Ночь стала светлой, жестокой и... живой?

* * *

Два хлопка прозвучали неожиданно, и первой мыслью Рустама было «Бля, шо это?». Через несколько секунд два разрыва за спиной наметнули, что это укропский АГС, а значит... а значит — не повезло, и группу обнаружили.

Еще два хлопка. Рустам пополз назад, молясь про себя, чтобы никто не открыл стрельбу в ответ, это не имело никого смысла на такой дальности. Сам АГС было не видно, только примерное место, вспыхивавшее рассеянным светом. Еще метр, еще... Смысла говорить что-то в рацию не было — и так понятно, что теперь надо отходить, стараясь не палиться, спокойно отползать к маленькому отвалу, где провели полночи. Сейчас, ночью, да на такой местности — хер они нас найдут...

Застучал АГС, теперь длинной очередью, и через несколько секунд сверху посыпались ВОГ-и, раздергиваясь на сотни мелких осколков, поющих тихую шипящую песню за миллисекунды их жизни. Рустам замер, чувствуя на себе тяжесть броника и по-прежнему висящего за спиной автомата... и такую теплую незащитность ног, рук и головы.

— Сукаааа! — раздалось сзади, и тут же застучал автомат. Рустам скрипнул зубами, бля, нельзя было этого делать, нельзя... ну да чего уж тут думать теперь. Все, молчит гранатомет, значит «улитку» меняют, пора сваливать.

— Малоооооой! — заорал, надсаживаясь, группёр, и встал на четвереньки. — Ваааааалим!

— Лёню зацепило! — откликнулся Малой. — Херово!

— Иду! — Рустам метнулся назад, как был — на карачках, автомат съехал со спины и потянулся по снегу.

Крови было немного, по крайней мере, по ощущениям. Маленький сапер лежал на боку и мычал, по-прежнему нажимая на спусковой крючок автомата, ВОГ, видно, упал слева, засыпав эту самую левую сторону кусочками насеченной проволоки, и Рустам не стал долго разбираться. Пересунул опять автомат на спину, тоже улегся набок и подо двинулся к Лёне.

— Паси пока, я сам, — кинул он Малому и огляделся. — Где Динамо?

— Не знаю, — Малой заменил магазин и ужом пополз вперед. — Не слышал его. Динамо! Динамоооо!

— Лёня, Лёня! — легонько встряхнул Рустам сапера и потянул из его рук автомат. — Идти можешь?

— Сукааааа... — Лёня дернулся, попытался подняться и рухнул в снег. — Щас, щас... — Снова попытка, и снова — нет.

— Ладно. Лежи. Лежи, понял? Я сам. Щас съебемся отсюда, все нормально будет...

Рустам стал на колени и зашарил руками по броннику. Так, один фастекс, второй... теперь потянуть вверх, освобождая тело от лишних двенадцати килограмм бронеплит, гранат и магазинов... Стал на колено, поднял Лёнину руку, уперся, хэкнул — и одним сильным движением взвалил на плечи изрядно полегчавшего сапера. Постоял секунду, лоя равновесие, поднялся на ноги, шатаясь, и двинулся вперед — быстрее, как можно быстрее уйти с места, на которое через несколько секунд опять упадут гранаты.

Вместо гранат ночь расчертили вспышки выстрелов. Узкая лента трассера была откуда-то с поля, проносясь метрах в пяти от Рустама, прямо поперек его курса, и еще стволов двадцать гвоздило примерно туда же, ориентируясь по целеуказанию. Рустам отвернул в сторону и потопал в сторону КПВВ, надеясь, что оттуда никто пока не высунется — укропы, увлекшись, вели огонь как раз в том направлении, и погранцы, скорее всего, сейчас валяются на полах своих домиков и пытаются понять, что происходит.

Так, камни, камни... узкая грунтовка, по которой подбирались... все, теперь направо, и под прикрытием камней — на отвал. Хер вам, хохлы, уйдем, уйдееееем... Сзади, невзирая на выстрелы, был слышен топот Малого. Две МОН-ки, уже уставленные, остались стоять с двух сторон колеи, и номера телефонов, приотанных изолентой к зеленым изогнутым корпусам, были забиты и в Лёнин мобильник, и в телефон Рустама.

Группёр прибавил шаг, до отвала оставалось не больше ста пятидесяти метров — не так и много, даже с таким грузом на плечах. Стрельба начала стихать, но Рустама это не обнаде-

жило — сейчас перезарядятся и снова откроют огонь. Снова хлопки АГС-а...

Три человека, которых в телесводках обычно называли аббревиатурой «ДРГ», уходили на юго-восток, именно в том направлении, откуда должна была выйти группа Стелса.

Лежавший все это время вжимаясь в снег Динамо наконец-то поднял голову, услышал шелест приближающихся гранат и снова скорчился под маленькой акацией.

* * *

Ярик наклонился, повис на балке, шипя от боли, и прыгнул вниз. Нога поехала, он упал на задницу и тут же начал дуть на ободранные о металл пальцы. Сзади кто-то подлетел, хлопнул по плечам, бокам и потом, что особенно странно, по голове.

— Яричка, ты как, живой? — гаркнул Мастер, бухаясь в снег рядом. — А решили, шо тебе пизда.

— Не дочекаетесь, — буркнул Ярик и сунул руки в снег.

— Дочекаємось, если будешь по опорам лазить, — хохотнул Мастер. — Ну, рассказуй все как на духу.

— Та чекай, зара командіру доповім, щоб усім сразу... — Ярик поднялся и покривился от боли в щиколотке. — Двое чи троє там їх було.

— Ярик, як живой! — показался из темноты Вася, остановился, уронил прикладом вниз «покемон», оперся на него и сказал куда-то в сторону: — Нет, на позициях пока быть, смотрите внимательно. Чуть шо покажется неправильным — хуярьте... Санчо! Да брось ты эти магазины и Димочку прогони от «сапога», нехер ему там делать...

— Не дочекаетесь, — опять сказал Ярик. — Короче, ми з Петровічем вийшли, то я заліз на опору, щоб в'їзда побачить, най там якісь підори лаять. Ну ми не докладавали, сразу в'їбали...

— Правильно, — сказал Танзор. — Мастер, стопэ, никуда не идет. Стелс уже справа пошел, еще перехуярите друг друга по ночи. Стоим тут, нервничаем, ждем.

— Так Вася... А если там еще кто есть? — Мастер пританцовывал, ему очень хотелось сходить и посмотреть, адреналин

ведрами лился в кровь, заставляя дергаться, куда-то бежать и куда-то стрелять.

— Мины там есть, — сказал Танцор. — Мартин! Мартии-иин!

— Он возле КСП, они там с Федей вдвоем. Нахуя только — непонятно, у них ни теплака, ни ночника нема...

— Ладно. Чего они лазили? Может, минировали. А может, уже и заминировали. Нехер туда лезть сейчас. Выйди на Стелса, скажи ему, шоб близко туда не подходили.

— Рация на столе осталась, — буркнул Мастер и, сгорбившись, ушел в ночь.

— Ото же ж неугомонный... — пробормотал Танцор и обернулся снова к Ярику. — Шо с ногой?

— Подвернув.

— Иди на КСП, Мартина позови сюда, он тебя сменит. Ломтик! Лооом!

— Тута я, — раздалось из темноты.

— Бери свою грохоталку и залазь до капонира к «Уралу-зенитке», возле него, на бруствер. Теплак второй возьми с собой и Талисмана. Пасите тот сектор, но без команды не стрелять, там Стелс ща будет шариться.

— Принял... — так же раздалось из темноты. — Дима! Та брось ты свой «сапог» и пошли со мной, тока теплак возьми!

Зажужжал поставленный на «вибро» телефон, Вася поднял аппарат к глазам, чертыхнулся и снял трубку.

— Да... Я. Нет. Сепары лазили. А... так а как мне, бля, стрелять, шо, попросить их в сторону отойти, чи как? Може, еще потанцевать с ними? Слушай, братан, я все понимаю, домики ваши навывлет пальцем пробить можно, но и ты меня пойми — лезла группа, мы ее спалили и отработали... — тут Вася слегка прихвастнул, подымая рейтинг пехоты в глазах звонившего погранца. — Може, и к вам. А може, и к нам. А може, и вообще хуй зна куда. Не, пока не надо идти, я вас знаю, вы парни резкие, но у меня сейчас там люди подойдут, посмотрят. Не перехуярьте их. Я потом наберу. Все, давай. Та ничо, ничо, все на нервах, всё, завтра заеду, кофе поьем, перепиздим...

Как всегда после стрельбы, тишина казалось оглушающей. Я оказался в месте, где ничего не происходило, Федя сидел, привалившись к колесу «лендика» и держа на коленях АКМС, и его ствол да и подствольник с воткнутой, я уверен, гранатой смотрели мне прямо в живот. Мне было все равно — накатила какая-то странная апатия, захотелось спать, заползти в кунг, накрыться спальником и отъехать часов на шесть, и чтоб никакие сепары нигде не лазили и не пугали...

— Скорпи, есть курить? — Я помотал головой, разгоняя сонливость, и потянулся за сигаретой. — Приколи, как меня проглючило.

— Как? — Федя тоже закурил, и красные точки зашипели, разгораясь, на самом краю снежного поля.

— Показалось, будто я все это...

— Уже где-то видел? Тю. Так бывает.

— Та не. Как будто я почувствовал, как всех подрывает, как люди выбегают... Как будто был частью каждого человека. Эмоции там... ну и все такое.

— Не жри больше мивину на ночь, — хохотнул Федя. — А то в психушку заберут. Длинная рубашка, заплывована підлога, лікарі, від шприця гематома і могила... На ній — брудна Офелія...

— Оооо, наблюдаются глубокие знания Митця. — Я поежился. — Билет взял?

— Взял. Последний. Уверен, шо после всего этого... — Федя кивнул на поле, — ...отпустят?

— Уверен, хули тут с тебя толку, тока и знаешь, шо за ноутбуком нычиться и людей пугать...

— Мартиииин! — из-за поленницы вынырнул Мастер и пошел на огоньки сигарет. — Иди в наряд, Ярика смени, он отдыхать пойдет, ему ногу оторвало.

— Тьху на тебя. Ну шо там?

— Лазили на въезде, може, минировали. Ну наши и ввалили. А они, вместо того чтобы сваливать, ответили.

— Може, попали в кого. Танцор идти собирается?

— Не. Стремно. Стелсики со стороны посмотрят, а мы вже поутрене слазим.

— А чего Ярик не доложил сразу?

— А нахера? — Мастер подумал-подумал, потом сел с нами рядом и потащил у меня из пачки командирскую сигарету. — Ты ж начнешь мозги ебать. «А вы уверены... а сколько там их... А може, это кабаны... А я щас приду посмотрю...»

— Ты ж знаешь, как я не люблю эти «прострелы посадок».

Да, моя нелюбовь к излишней трате «бэ-ка» была общеизвестна.

— Ну да. Так шо пацаны решили ввалить сразу, а потом, как ты говоришь, Бог различит своих.

— Это вообще-то не я говорю, это до меня, в четвертом крестовом походе...

— Да похеру. Пацанам понравилось.

— Пацанам понравилось... — протянул я. Что-то зацепилось во мне за эту фразу. — Пацанам понравилось то, что упростило им принятие решения. Пацанам понравилось стрелять. Мастер... я хуй його зна, но получается — пацанам нравится стрелять, а значит — убивать. То есть, на полном серьезе Петрович, которому уже хорошо за пятьдесят, и который в своей жизни мухи не обидел, сыновей воспитал... он, абсолютно не меняясь в лице и не видя в этом проблемы, наводит гранатомет и, возможно, разваливает пару человек. А после этого идет варить борщ...

— Насчет борща — это точные разведданные? — вставил Мастер.

— ... и потом... погоди, не перебивай. Если про Ярика еще так-сяк, ця селяньска дитина, дай ему волю — всех перехуярит... то... смотри. Двадцать разных, абсолютно разных человек, и у всех одна мысль — прицелиться и попасть. Реально. И никто не рефлексирует, не парится, даже хвастается... Это же пиздец, отец, это же просто...

— Это о-ху-ен-но, — улыбнулся Мастер. — Я же говорил. Федя хмыкнул.

* * *

Сергея Динамо почти подобрался к трассе, ровно в том месте, где несколько часов назад вся группа перебежала дорогу. Абсолютно скрытое от всех место, если машина не проедет. Он попытался посидеть и понаблюдать, но остатки адреналина и накатывающее чувство вины гнали его вперед. Точнее — назад, в Докучаевск.

«Рустам виноват, бросил меня...» — плавала мысль на поверхности, и Сергей уцепился за нее, как за последнее оправдание приговоренного, все больше и больше убеждая себя, что так оно и было.

Но так не было. Вжимаясь в снег, начиная с первых выстрелов, Серега тем не менее прекрасно слышал, как его звали, как Рустам разговаривал с Лёней и Малым, как тащил в одиночку раненого, чертыхаясь. Он все прекрасно слышал — но не встал и не пошел помогать группе.

Что-то помешало, что-то схватило его за плечи и пригибало к земле, и что-то уже после перестрелки заставило идти не следом за своими, а рвануть сюда, как можно быстрее, не думая о том, что сейчас его могут обнаружить и накрыть, то же самое чувство, которое задержало его тогда, оно гнало его сейчас, мешая остановиться и подумать, принять какое-то взвешенное решение, да хотя бы просто отдышаться.

Динамо глубоко вдохнул и бросился через дорогу. До дома оставалось еще несколько километров, но они уже были в «серой» зоне, где нет укропов, где просто нужно будет пройти по их... по своим следам, и тогда он выйдет, вырвется, он выживет и как-то сможет все объяснить. Ведь это Рустам его бросил, он же старший группы, он должен был подумать, предугадать, потащить, решить, приказать, в конце концов, да? Так же, правильно? Я же... я же прав?

Перевалившись через холмик, Сергей, не выпуская из рук автомата, побрел в сторону оконечности большого террикона. Всего несколько километров, которые все-таки безопаснее пройти по оврагу с «железкой».

Сергея сплюнул, на ходу швырнул в рот пригоршню снега и пошел дальше. Он боялся даже остановиться попить воды. Серегу гнал вперед именно страх, хотя он никогда бы себе в этом не признался.

* * *

Все было быстро и просто, и, наверное, впервые в жизни... или впервые за все время своей службы Стелс принял решение не стрелять. Он молча кивнул Маре, и здоровый пулеметчик присел за камень, аккуратно снимая «покемон». Двое других без лишних вопросов исчезли на другой стороне дороги.

Шаги слышались все ближе, и Стелс задумался, не стоит ли поменять пистолет на нож... но, бля, это тока в кино крутой спезназер выкидывает ствол и вынимает из кармана крутой блестящий кинжал, а Стелс все-таки был сторонником фразы «чем дзюдо и каратэ — лучше старенький ТТ». ТТ, правда, не было, зато был «пэ-эм» в подмышечной кобуре, точнее, уже в руках. Предохранитель Стелс тихонько опустил вниз, но взводить курок не стал — и так нормально.

Тяжело идет, и может... не один? Точно. Более легкие шаги слышались чуть дальше, на другой стороне дороги, и Серега подумал, что пацаны с той стороны точно все поймут правильно. Ну а не поймут... сепаров скорее всего двое, нас — четверо... попробуем, а?

Стелс улыбнулся. Он вообще часто улыбался, особенно когда руки и ноги начинали подрагивать, предчувствуя какой-то скорый движ. Повел плечами, уже не чувствуя на себе тяжелого броника, и приготовился. Это будет весело, весело, веселоооо...

* * *

Рустам пригибался все ниже, пот заливал глаза, руки затекли, удерживая на себе тело редко и слабо дышавшего Лёни. Поэтому он и не услышал нескольких легких шагов, зато услышал шорохи и тут же — надсадное хрипение сзади. Даже

развернуться в ту сторону было проблемой, но он все же развернулся, и по спине уже продрало холодным, и все стало понятным еще до того, как группёр завершил разворот и всмотрелся в ночь.

Малой лежал на спине, а под ним, зажав его шею руками, шевелился кто-то еще... и вторая фигура метнулась сбоку и чем-то, зажатым в руке, саданула Малого по голове. Еще раз. Витя обмяк и перестал дергаться.

Сзади послышался тихий звук-шорох, и тело Рустама, без участия его мозга, а, скорее всего, выполняя его тайное желание, начало действовать само. Он качнулся назад и разжал руки — Лёня соскользнул вниз, прямо на подбегающего человека, и головой-то Рустам понимал, что этот бросок скорее всего убьет члена его группы, что упасть с высоты почти двух метров на лед — это, в принципе, конец для маленького сапера, но Рустаму было наплевать.

Он скакнул вперед, хватая АКС, висящий на шее, но не развернулся с очередью, пытаясь завалить как можно больше укропов, он все сделал не так, как рассказывали в героических сводках героической «дэ-эн-эрии» про доблестных разведчиков Новороссии — он помчался огромными прыжками, не обращая больше внимания на звуки, умудряясь не поскользнуться и вжимая голову в плечи.

Просто Рустаму очень захотелось жить. Может, недолго и плохо, но он всегда знал, что ему плевать и на эту самую Новороссию, и на друзей-сослуживцев, и на суку-Макса, поехавшего в отпуск, и на этот Донбасс, и вообще на...

Первый удар был под лопатку и выбил из него дух, но Рустам каким-то чудом не упал, только еще сильнее наклонил голову и еще быстрее побежал. Второй удар, неожиданно сильный, болевой, горячий — под колено. Группёр рухнул и покатился вперед, налетев зубами на магазин автомата, удар о землю выбил воздух из легких, не оставив в голове ни одной мысли. Руки дергались, сжимали расплывающийся снег, голова моталась, окровавленный рот открывался, силась сделать хоть один вдох. Под ним лежал АКС, из которого командир

разведгруппы восьмого отдельного мотострелкового батальона Первого армейского корпуса ДНР не сделал ни одного выстрела.

* * *

— Выстрелы! Один... нет, два! Слабые! — Мастер выскочил из траншеи и тут же забубнил в рацию.

— Мартин, Федя, за мной! Ломтик, вы прикрываете! — Вася сорвался с ног, не посмотрев, услышали ли мы приказ, и побежал вперед, на ходу перехватывая ПКМ. Стал забирать вправо, на поле, чтобы не идти по колее.

— Стой! Стой, командер! — крикнул Толик, подняв голову от рации. — Стопэ! Все норм! Сто-тридцать-первый троих взял!

— Охренеть, — притормозил Танцор и обернулся. — Херрасе. Помощь тре?

— Не такая. Двое раненых, один тяжелый. Да не у нас! — поспешно крикнул Мастер, глядя на Васино лицо. — У сепаров. Взяли чисто, наши без втрат. Медицина тре.

— Я пошел за рюкзаком, — тут же отозвался я и развернулся. — Без меня не уходите. Вам все равно, а я хочу живого сепара посмотреть...

— Давай мухой, — принялся приплясывать командир. — Хватай свою операционную — и погнали. Сам посмотреть хочу, цикаво ж, шо они там вполювали... Я пока комбату позвоню.

* * *

К нам решили не тащить — а зачем? Лучше пусть сюда едут, тут и подъезд лучше.

Две МОН-ки нашел опять-таки Стелс, пользуясь подсказками толстого, того, что единственный не был «трехсотым». Маленький, который вроде как сапер (плоскогубцы в разгрузке, ясное дело, шо сапер) был ничего так, левая сторона тела сильно кровоточила, но я забинтовал как умел, разложив медрюкзак на их же каремате. Инфузия, ммать его, попробуй

поймать еще эту вену, да без должной сноровки... ну да, можно и не с первого раза, пациент жаловаться не будет. Четыреста миллилитров физраствора из белой пластиковой банки — я попросил кого-то из разведосов поддержать флакон, все-таки попал в вену, вытащил иголку, оставив катетер, и приклеил его куском старого замызганного лейкопластыря.

С высоким было хуже. Не знаю, точно или нет, но пуля Стелса попала ему сзади под коленку и натворила там дел. Я затянул ему турникет повыше, пожалел, шо на такое приходится тратить новый, еще даже в пакетике, хороший «СИЧ», а сам сустав решил не трогать. Ну его нафиг — там пропитанное кровью месиво с какими-то белыми кусочками... не, я с этим не справлюсь, точно.

Знаешь, кино сделало нас людьми, абсолютно не понимающими, что делает с человеком огнестрельное оружие. В кино все было просто — летела пулька, летела, попала в плечо там или в ногу, негодяй сразу умер, желательно в муках, а герой намотал полотенце и поскакал дальше совершать подвиги. Ну подумаешь — в ногу... до хэппи-энда дотянет. Как будто кинжалом ткнули, да? Но эра холодного оружия закончилась в тот момент, когда французский крестьянин, не знающий грамоты, в одной холщовой рубахе, сумел поджечь фитиль аркебузы, и рыцарь Анри Де-Хто-то-там, аристократ с длинным хвостом именитых предков, победитель двадцати с хером турниров, обладатель золоченых доспехов, человек, учившийся обращаться с оружием с шести лет, рухнул на небуланное поле, потому что кусок свинца, вылетевший из кривого отверстия со скоростью двести пятьдесят метров в секунду, пробил нахрен его вместе с доспехами и равнодушно унесся дальше.

Никто в кино не снимет, что металлическая капля диаметром девять миллиметров и массой всего лишь в шесть грамм, выпущенная с восьми метров, превращает колено в месиво. Тупой конец пули (да, она тупая со всех концов), вертясь, касается кожи и начинает вдавливать ее, оставляя отверстие ровно в девять миллиметров, вся пуля упирается в мышцы

или сухожилия, легко прорывая их и, наконец, касается кости. В этот момент ее скорость резко падает — но ведь кинетическая энергия, не растроченная во время полета, никуда не девается и, согласно закону о сохранении этой самой энергии, передается в организм. Сосуды, кости, мышцы, которых пуля даже не коснулась, рвутся, гидроудар по артериям и крупным венам разносится по телу, кость распадается на несколько осколков, каждый из которых начинает свое собственное движение. Нет никакого «перемотал полотенцем», и тебе дико повезло, если пуля пройдет только через мышцу, сохранив кости и оставляя тебе шанс в будущем хотя бы ходить.

Рустаму не повезло.

— Ну шо, сильно я его? — наклонился Стелс.

— Не знаю. Я ж не врач. Похоже, шо да. И в сознание он не приходит чего-то.

— Так, може, его товой... нашатыря дать понюхать чи еще шо... — Стелс помахал рукой над лицом высокого мужика, лежавшего на спине прямо на снегу.

— Ну так дай, — огрызнулся я. — У меня нема, де я тебе нашатырь возьму? Следующий раз стреляй сразу в бошку. Хороший турникет на него потратил, бя.

— Ну накручуй себе. — Серега лучился довольством, и я не смог его поколебать. — Курить будешь?

— Давай. — Я покидал остатки тампонады в рюкзак, с трудом застегнул его и отошел. — Своим позвонил?

— А то как же.

— Дело пахнет орденом?

— Дело пахнет пиздюлями, — пригорюнился Серега. — Пробежали сепаров, впустили почти на позицию, еще и вон... — он кивнул на две МОН-90, стоявший в снегу с вывернутыми взрывателями... — Точно влетит. Казнить не казнят, но мозги выебут знатно.

— Уверен, шо тока две было?

— Уверен. Этот... толстый сказал, — Стелс кивнул на сидящего, привалившегося к дереву сепара, повесившего голову. — И два рюкзака только было, эта байда двенадцать кило

весит, по две не потаскаешь. Но они наглые, на телефон ставили.

— Типа позвонить — и пиздык?

— Ага. Значит, сидеть собирались и ждать, когда машина выйдет. А потом, как все сбегутся, вторую рвать. Охуели, твари. Да и... ну ты ж видишь, шо за люди. Тьху, а не люди.

— В смысле? — мне действительно стало интересно, при мне Стелс первый раз давал кому-то оценку.

— В прямом. Командир ихний, как побачил, шо того пакуют, «трехсотого» тупо скинул и бежать. Приколи, у чувака куча осколков, крове... кровопотеря, а тот его с плечей на землю — ннна!

— А чего ж не крякнул?

— Так тот на меня упал, я его как-то рефлексивно словил. Здоровый... Эй! Эй, как тебя там... Витя!

— Шо? — поднял голову пленный.

— Ишь ты — «шо»... как мы заговорили сразу... «шокать» начали... чуеш, новоросс, как командира зовут?

— Рустам, — сказал тот и снова уронил голову.

— Имя какое-то нерусское... новоросское, что ли, гииии... Так вот, Рустам этот как помаслал, я с дурного ему в спину, а тот даже не мявкнул. Пришлось повыцеливать.

— А чего в ногу-то?

— Не знаю, я в голову целился!

— Бггггг, насмешил, сцуко.

— Просто настроение хорошее.

Два джипа свернули с трассы, Вася пошел к ним, махая рукой, я сплюнул и поднял медрюкзак. Общаться с командармами не было никакого желания, хотелось спать... Нет. Глотнуть чего-то крепкого, а потом — спать. Первым вылез замкомбата, потом — наш СБУ-шник и кто-то еще, кого я не знал. Через КПВВ медленно поползала волновахская «скорая».

Скоро должно было светать.

* * *

Почти совсем рассвело, но мерзкие сумерки, каким-то чудом оставшиеся в проймах и низинах, мешали толком рассмотреть надоевшую уже местность. Уже все равно, теплак отправился в чехол, толку с него сейчас — ноль, пора переходить на бинокль.

— А шо за война була ноччю? — Леший не оборачивался, пытаясь протереть линзы бинокля так, чтобы не оставить царапин. Не оставить дополнительно к тем, что уже были.

— Да я краем уха услышал, как из Ольгинки выезжал, — сказал Скат, облокотившись о камень. — Вроде как «дэ-эр-гэ» кому-то привиделось... ну ты понял.

— А... ну то буває. Нас снімають?

— Да, на сегодня. Помоетесь-поспите, хавку Иваныч выдаст, вечером завезу обратно.

— Якось странно, — заворчал Саня и завозился на каремате. Низкое солнце выглядывало мутным пятном из-за горизонта, не прибавляя настроения. — Ми тут, получаєцца, два с лишнім дня просиділи, а пацани тока на день заходят?

— Нет. Все тут останемся.

— Так шо, займаємо? — оживился Леший и отложил бинокль. — Всьо, з кінцями?

— С ними, — усмехнулся командир разведроты. — Еще АГС потянете вечером и там по мелочи.

— Знаємо ми це «по мелочі»... Потім грузіть, потім разгружать, потім нести... — забурчал Саня. Бурчание, ворчание, постоянное высказывание недовольства про войну вообще и про текущий момент в частности являлись фишкой Збройних Сил України, особенно часто наблюдаемой у разведки.

— Комендачи с вами поедут, это ихнее, вы поможете просто, — сказал Скат и наклонился к Сане. — Или ты заебался? То так и скажи, сразу...

— Не-не-не, — тут же открестился Саня и на всякий случай приобнял винтовку, опасаясь, что ее отберут и отдадут кому-то другому, а Саню переведут охранять Розовку. Леший

усмехнулся и снова поднял бинокль. — То я так... профілактически...

— Профілактик, мля...

— Хоп! Есть двіж в балке! — вдруг сказал Леший и выдвинулся дальше, прижимая резинки бинокля к лицу. — Один, два... Не, точно один. Бля буду, один йде, втупую.

— А ну дай... — Скат перекатился на живот и начал сам рассматривать проходящую совсем рядом глубокую балку.

Темная фигурка не шла — брела, пытаясь высоко поднимать ноги, периодически взмахивая рукой. Видно, шлось тяжело, неудобно, бо в руках человек зачем-то держал автомат. Ни рюкзака на нем, ни других людей рядом не было, и это было абсолютно неправильным.

— Наблюдайте пока, — сказал Скат и отдал бинокль. — Скажешь мне, как до конца балки дойдет. Саня, а ну возьми его и поспровождай.

— Прийняв. — Саша отодвинулся на пару метров и осторожно, плавным и медленным движением вдоль себя выставил винтовку вперед. Умогилсь, раскинув ноги, уперся подобнее локтями и приник к ПСО-1. — Держу. Метрів як триста, але він уходить.

— Сколько до того края? — Скат уже набирал номер на своей «Сигме».

— Майже шістьсот. Могу зараз.

— Жди, — Скат отвернулся. — Бажаю здоров'я, тарщ полковник. Мы тут с бойцами в Бугасе подзадержались, все нормально, только один момент есть нештатный, тут по канцтоварам непнятно, карандаш... Да. Да. Нет, один. Так вам брать? Тока если ничего другого нет? Хорошо. Я потом отзвонюсь. Все. Принял. Плюс...

— Точно нікого більше. Бред какой-то, чесно, — пробормотал Леший.

— Значит так. Возможно, это с недобитков ночных домой доця повзе. Леший. Внимательно, бля, щоб я не переспрашував, осмотрел все и точно мне сказал, одно это уёбище или нет.

— Зара. — Леша замер на минуту, поводя биноклем, потом сполз пониже, перебрался левее и снова замер. — Один, точно. Нікого більше. Йде тяжко, устав. Взять не зможу, не встиємо спуститись, так й догнати... ще й білий день...

— Ладно. Може, он и не увидел тут ничего... а може, и увидел. Саня!

— А?

— Не «акай», бля. Точно автомат?

— Точно, даже я бачу.

— Работай.

— Работаю.

Выстрел прозвучал не так хлестко, как бьет обычно СВД — чуть глуховато, раздробившийся на несколько звуковых всплесков в каморах саундмодератора, выплюнув совсем маленький язычок пламени, невидимый даже в таких тусклых лучах солнца. Пуля пролетела триста пятьдесят метров и ударила в шею, хотя Саня самонадеянно целился в голову. Витя «Динамо» рухнул и замер.

Саня, не отодвигая винтовки, подвел «уголок» прицела к лежащей фигурке и застыл, ожидая движения.

— Наче все.

— Сидим, ждем. Леший, во все глаза, понял? Ночью сходим уже, посмотрим, кого нам тут принесло...

Скат откинулся на спину, поправил рацию и вытащил сигарету. Подумал и спрятал обратно, поежившись и поправив неудобную кобуру со «стечкиным». В окружающем мире ни черта не изменилось — как бывает всегда после одиночного выстрела, не слышного толком никому. Может, птицы бы и взвились в воздух с низких кособоких деревьев, да где ж их было взять в декабре на этом одном из сотен терриконов Донбасса, который скоро назовут «Эверестом».

Саня чихнул.

Щенки

Ты мой враг не случайно,
Ведь это твой выбор.
Не ищи сострадания,
Не жди благородства.
В твою глотку вгрызусь я до жуткого хруста!
До самой до кости!..

Наша схватка — лишь наша!
Двоим нам нести
Все осколки, ошмётки,
Оскала уродство,
Первобытную ярость
И в пене клыки...

Ты мой враг!
Сожаленья, сомненья
Оставим в норе!
Там слепые щенки
Силу черпают в жирной,
Пропитанной кровью и потом земле...

И пока их клыки не крепки,
И пока их рычанье лишь писк,
Будем вместе кружить
И друг друга крушить.
Будем рвать!
Будем жить...
Но щенки подрастут
И клыки отрастут,
Перед выбором станет малец:

Своей жизни хозяин
Или в стае шакалей
Затеряться — и делу конец...

И тогда он мой враг.
И тогда будет так:
Между нами двумя только месть.
И щенок сможет первым
Ко мне дотянуться
И на вкус разобрать, кто я есть...

Только в схватке кружа,
Когда лапы дрожат,
И звериный оскал обласкал.
Мы срываем покров,
Забываем любовь,
Оставляя лишь битвы запал...

*Владимир Шевченко,
предприниматель,
один из основателей бренда
«VeteranoCoffee».*

Глава 3.

СВАДЬБА

Что несомненно хорошо на передке — это минимум всей этой бумажной волокиты. «Пояснения» мы дали за час, дальше уже более подробно пытали Стелса с его пацанами, а мы... мы, как ни странно, потопали красиво одеваться. Не все, правда... ну так не всем целая грамота светит, да еще и от городского совета такого крупного и важного города, как Волноваха.

— Боже, какой херней приходится заниматься, — ворчал Вася, с треском выдирая из рюкзака слежавшийся китель в «пикселе». — Тут война, беготня, Ярик аки мавпа по опорам прыгает, Стелс людям ноги портит... МОН-ки на въезде стоят, понимаешь, как так и надо... и тут бац — валите в Волновегас, вам грамоту дадут. За оборону...

— ...Барселоны, — вставил я, вытягивая ноги. Мне, слава Богу, никуда ехать не нужно было.

— Де бамажки с этими биографиями? Хотя не я, надеюсь, их читать буду...

— Под ноутом глянь. Не, вроде не ты. Та успокойся, не накручуй себе. Час позора, шаурма, може, чебуречные в Бугасе открылись — то привези чебуреков же ж. Горячих.

— Стелс когда ротируется? — Вася надел китель и попытался натянуть на него пиксельную куртку. Получалось хреновенько, и я засмеялся.

— Завтра. Так шо сегодня еще успеете на «серый» сходить.

— Шо значит «успеете»? А ты? Съехать решил, товарищ военный? Предать, так сказать, Збройні Сили прямо перед праздником? — Вася таки натянул куртку, попробовал ее за-

стегнуть и махнул рукой. — А, мля, все равно мне не выступать... ну, как я выгляжу?

— Ален Делон, — восхитился я.

— Кто?

— Тогда Джастин Тимберлейк. Не, этот... Орlando Блум, мобилизованный и опасный, как Леголас на дереве. Федю не забудьте.

— Он гражданку нашел? Шо по баблу? Когда вернется?

— Отвечаю по пунктно. Да, щас мою куртку растягивает. Денег есть, на карте у него, если шо — наберет. По идее десяти, плюс-минус день.

— Ты когда?

— Восьмого, — с удовольствием сказал я и взял в руки Васин «пэ-эм». — От почему тебе пестика положено, а мне — нет?

— Потому что я — целый командир роты, а ты — какой-то младший сержант, окопная крыса, понял? — Вася покачал головой и на всякий случай забрал у меня пистолет. — Билет взял?

— Да как-то не до того было, — сказал я. — От вы свалите сейчас — и пойду листать Приват-двадцать-четыре. Может, я седьмого проебусь, а? Тогда и Механа с собой заберу, и Лунгрена с... с кем-то там еще.

— А и давай. Тока скажи им, шоб тоже по гражданке сунули. Мастер, если шо, отвезет. И сегодня, хер с тобой, можешь не ходить.

— Схуяли? — удивился я. — Че это ты меня так ущемляешь, как зампотыл — начпрода? Я, может, всю жизнь на «серый» хотел сходить. Может, это такая у меня мечта была детская. Может, я в военкомате это в виш-лист писал, когда меня в армию оформляли. Может, даже начальник генерального штаба...

— Ой, ну всё, всё, завёлся, блин... — перебил Вася и вынырнул из кунга «на улицу». — Не знаю. Как в кино, знаешь? Типа чувак собирается домой, и тут, в последний момент...

— Та ну, херня, — помотал я головой и тоже вылез наружу. — Хуйовое у вас какое-то кино, товарищ генерал-лейтенант. В жизни такого не бывает. Слушай, а тепло-то как.

— И таёт, — проворчал ротный и постучал по корке грязного хрупкого льда. — Завтра грязюка будееет...

Снег чернел, обваливался с веток, впитывался в жирную землю талой водой, снег отчаянно держался, но сдавал позиции. Неожиданное потепление в декабре, нежданно-негаданно, вместо техники, которая не заводится на морозе, получите технику, которая заводится, но не выезжает по такой грязи.

— Вась, а Вась, — протянул я. — Слушай, а так можно разве? Ну шоб МОН-ку — и на телефон, типа как в кино. Позволил — и пиздык.

— А я знаю? Я шо, сапер? — Вася покрутился, осматривая себе со всех сторон, остался недоволен, но махнул рукой. — Стелс говорит, шо можно. Длинного этого... Рустама ты обыскивал?

— Не, — махнул я головой, прислушиваясь. На КСП пищали щенки и ругался Шматко. — Мара вроде. Если и был короткий — разведосы сняли. Кобуры я не видел...

— Кстати о кобуре, — задумчиво произнес командер и поправил набедренную ноу-неймовую универсальную кобуру. — В Милик зайдешь, кобуру мне купишь охуенную, ссылку пришлю. Ок?

— Богатая жизнь — она другааая... — протянул я.

Универсальность — бич нашего времени. Когда продукту дают характеристику «универсальный», значит эта штукавина одинаково хреново справляется со всеми возложенными на нее функциями, то есть не отвечает ни одной задаче. Кобура на Васе была мало того что «универсальная», еще и откровенно хреновая, болтавшаяся на ноге, как котенок в миске, да еще и расцветки «я у мамы мультикам» — какие-то пятна, призванные олицетворять собой камуфляж.

Я вообще часто поражался такому понятию, как «камуфлирующие расцветки ткани», особенно в армии. Возможно, мне, с высоты моего минимального опыта, было не понять, но я, хоть ты тресни, не мог понять этих вечных войн касаясь пятнышек, полосочек и цветущёчков на наших куртках и штанах.

Вот возьмем, например, пересічного військовослужбовця, служащего в самом многочисленном и в самом неизвестном роде войск — в пехоте. Значит так, в головах как многих высоких военачальников, так и нормальных гражданских людей — он одет в камуфляж, призванный его, собственно говоря, закамуфлировать в условиях окружающей гибридной, мать ее, войны. Поэтому мощные умы с пространственным мышлением раскрашивают ткань, на полном серьезе обсуждают расцветки, полутона и эти, как их... «паттерны», и в конце концов находят идеальный вариант, который потом натягивают на того самого вояку.

А теперь сверху на все это расчудесное чудо мы надеваем: броник «Корсар МЗс-1-4» кольору «олива, тусклая, как воспоминания об отпуске», с черными, как сердце замполита, ремешками на подсумках, да еще и с плечами, и с горжетом, который никто никогда не носит, и наяичником, то есть «фартухом захисним». Даем в руки не менее черный автомат, на голову нахлобучиваем опять черную бронешапку «темп-3000», бо каверов в пиксельной расцветке по-прежнему на складе нет, на ноги — рыжие, как кот у погранцов на КПВВ, ботинки... и как бы вот. Много от пикселя осталось?

Ну да ладно. Теперь давайте отойдем от этого мобилизованного недолика подальше, пока он не свалился под весом всего этого майна, и посмотрим на него метров с двадцати. Виден камуфляж? Конечно. А теперь — с того расстояния, на котором и происходит большинство боестолкновений — метров нууу... нехай со ста пятидесяти. Ну как? Однотонная фигурка с никакими скрывающими свойствами вообще неразличимого камуфляжа.

Ладно, ладно, давайте плюнем на условности и на то, что обстоятельства бывают разные, и разрешим красивому пацанчику снять все это с себя. Видите его благодарную улыбку? Это вам. Ок, теперь даем ему лопату... мы же в пехоте, да? Даем ему лопатку, да не ту маленькую, которую нам во всех отчаянно патриотичных роликах показывают, а нормальную такую лопату, с белым держакком, «американку», которую стар-

шина только-только купил на рынке в Волновахе и вручил нашему мощному военному с магическими словами «не проеби, чудовище». И нехай он в ней покопает... ну, допустим, месяц. А теперь посмотрите, шо случилось с нашими до блеска вытертыми камуфлирующими свойствами.

За исключением двух месяцев — мая и июня — на Донбассе рулит цвет «нежный койот», в котором ушлые ребята шьют кучу снаряжения и формы. Не, я, конечно, всячески за камуфлирующую раскраску, но вечные споры про оттенок, количество задействованных цветов или, прости Господи, этот самый «паттерн»... Все равно через пару месяцев, если боец служит реально на передке, а не на курилке в штабе, любая форма имеет цвет грязного «бэтэра». Та ну их нафиг. Я лучше в «горке» похожу на боевых, а в тылу, ладно, таки одену пиксель. Надену. Одену. Аааа, блин, все никак не запомню, как правильно, да и хрен с ним.

Сейчас меня никто в тыл, собственно говоря, не приглашал, вот и славно.

— Кстати, — вернувшись, сказал Вася. — Есть идея, так шо ты едешь с нами.

Накаркал, бля. Ну шо за невезуха...

— Нахера? — вежливо спросил я. — Если шо — я в горсовет не пойду, у меня на такие места идиосинкразия.

— Откуда мобилизованный младший сержант может знать слово «идиосинкразия»? — задумался Танцор. — Може, съел шо-то? Эххх... Ладно. Во-первых, забросишь Скорпика на вокзал. Во-вторых, я у комбата подпишусь, и поедешь в Прохоровку, получишь четыре ящика ОГ-9. В-третьих, я совсем забыл, Доки нашего ненаглядного заберешь со штаба, он с губы приехал. Ну и в-четвертых, напиши рапорт сейчас, попробую комбата уболтать.

— На шо? На отпуск уже ж подписан.

— На пистолет.

— Да ладноооо? — изумился я. — Ого. Думаешь, дадут?

— Я б не дал, но комбат — добрая душа... ТТХ подучи, если комбат спросит, но думаю, даст, а чего? Ты ж за рулем постоянно.

— Вася, ты снова мой любимый ротный, — засутился я и полез в рюкзак за листиками. — Ща нарисую. И патроны впишу... Так, «з метою...» З якою метою мне пестик треба?

— «Забезпечення збройного захисту територіальної цілісності держави», — ответил командер и махнул рукой кому-то снаружи. — Пять минут! Прогревай пока!

— Тока я пикселя не надену, сразу говорю. Нема, — сказал я, дописывая бумажку и подмахивая снизу «... клопочу по суті рапорту, командир 2мпр 41омпб...». — Все, готово.

— Бляааа... — проворчал Вася. — Ну за меня мог бы и не подписываться, да?

— Иззините, товарищ генерал-лейтенант. Это я щоб сноровку не потерять. А нахера нам еще двадцать четыре выстрела на «сапог»?

— После обеда узнаешь. Всё, погнали.

Ваха встретила так, как встречала она той зимой всех военных, несущих службу в Волновахском и Тельмановском районах Донецкой области — раскисшими дорогами, унылой главной и почти единственной улицей, толпой на автовокзале и очередью к банкомату. Дурацкая погода «между осенью и зимой», мешанина снега и чёрной грязи... но все же это был полноценный город, с магазинами, людьми на улицах, железнодорожным вокзалом и даже с полицией, тащившейся на своей «пятерке» от поворота на «Новую Почту».

Мы ехали на двух машинах, и Федя сидел впереди, рядом с Санчиком, рулящим «лендом»... И я, знаешь, давно заметил, что у пацанов, уезжающих в отпуск, то ли посадка меняется, то ли взгляд, то ли... какое-то общее настроение, чи шо. Федя как будто торопился, хотя до поезда было еще хрен знает сколько времени, нетерпение даже в его внешне спокойной фигуре было настолько заметно, что я потянулся и похлопал его по плечу.

— Скорпи, не надо поезд подгонять, быстрее не будет.

— Та неохота по городу шляться так долго.

— В кафе посиди. Тока не там, где обычно, в «Трех толстяках», там ВСП всегда шляется... лучше сходи... найди что-то, где не бывает военных. Кондитерскую там, чи шо.

— Подумаю, — буркнул Федя. Он по-прежнему чутка ворчал — я заставил его оставить на опорнике рыжие «Таланы» и переобуться в мои черные берцы, не такие палевные для патрулей, и заменить удобный милтековский рюкзак на какую-то черную сумку, неизвесно чью, валявшуюся у нас в кунге.

Машины свернули с Юбилейной, объезжая автовокзал справа, возле шаурмичной, вся машина дружно сглотнула слюну, и бусик, а за ним и «лендровер» вывернули на Центральную. «Жаба» начала притормаживать возле АТБ, и Санчо тоже притер машину к бугру грязного снега, служившему бордюром.

— Все, Федя, нефиг тебе с нами кататься, иди вже жди потяга. — Я вылез, подождал, пока Скорпион выдернет из-под ног ужасную сумку, и мы обнялись, похлопав друг друга по спине. — Если шо забыл — маякуй, я ж послезавтра тоже поеду. Если тре бабло и так далее — звони тут же, не думай.

— Давай.

Федя обнялся с парнями, оправлявшими «пиксель», я увидел, что из бусика вылез Мастер и потопал в АТБ. По сигареты, видать. Так, надо кофе намутить... вряд ли там в горсовете будет.

* * *

— Сиреневый тумаааан... нааад нам праааплываеетт... — пел я, стряхивая пепел в приоткрытое окно и аж подпрыгивая на сиденье от прекрасного настроения. — Нааад тамбуром гарииииит...

— ... пааааалочная звезда! — Санчо притормозил перед левым поворотом — мы съезжали с трассы, сворачивали в Дмитровку, состоящую из разновеликих домов за разновеликими заборами, с нечищенной (а где в Донецкой области была чищенная?) дорогой и разновеликими местными, шляющимися по обочине. — Чего поешь, да еще так некрасиво?

— Не гунди, военный, я в школе на хор ходил. — Я выкинул в окно бычок, но поднимать стекло не стал. Теплый ветер врвался в салон, разгоняя клубы дыма, машина фырчала

вечным двух-с-половиной-литровым английским турбодизелем, привычно катаясь по сектору «М». — Никто не жаловался.

— Терпели, видать, — не смог не поддеть Санчик. — Куда сначала?

— Давай на штаб, Доки заберем, грузить поможет. И с Банкиром перетереть треба, поддержать, так сказать, отношения. Заодно узнаю, где Вова-равист. Не дай Боже, он в пройобе... прольется чья-то кровь.

Перед высоким двухэтажным домом белого силикатного кирпича, скрывающимся за зеленым забором из металлопрофиля, стояло несколько мужиков, сгрудившиеся машины перекрыли половину дороги, навстречу устало греб ПАЗик-маршрутка, и Саня притормозил, пропуская этот шедевр отечественного автомобилестроения.

Человек шесть курили и болтали, я от нечего делать рассматривал их и отвлеченно думал, зачем они здесь. Несколько мужиков обернулись и проводили нас долгими, ничего не значащими равнодушными взглядами, и один из них, высокий, сплюнул и отвернулся. Землячки, мля... нас эти мужики недолюбливали гораздо больше, чем сепаров.

— Как думаешь, почему в глазах этих, — я мотнул головой назад, — мы — бэд гайз? Почему так не любят?

— Нуууу... — Санчо поудобнее устроился, касаясь руля кончиками пальцев. — Трудно прям вот так однозначно сказать. Но, во-первых, мы для них — олицетворение ушедших денег.

— В смысле?

— В прямом. Война началась — куча всего позакрывалась, бабло ушло из региона. Видал, скока тех же шиномонтажей и СТО-шек на трассе закрытых? А сколько местных в тот же Донецк ездило на работу?

— Так не мы ж виноваты.

— Для них — мы. А еще, знаешь, они нас не понимают. Вот нахрена? Мы ж мобилизованные, то есть совсем не военные люди — тогда почему мы пошли в армию? Они не пошли, совершенно точно понимая, почему, а мы зачем-то пошли.

Они не понимают наших мотивов, наших желаний и нас самих — и поэтому ненавидят, как принято ненавидеть все непонятное.

— А вот ты, Саня, зачем в армию пошел? Тебя ж тока по зрению можно было списать прям на входе в военкомат, — я снова закурил, смотря на Саню, тридцатилетнего невысокого дядьку в очках, нашего «старшого водія роти».

— Ну... трудно вот так прям сказать, — опять повторил Саня. — Не знаю даже. Показалось, шо так надо. И вообще. Один раз на хорошую драку не пойдешь — второй раз могут и не позвать.

— Хм. Не хотел пропускать такой движ?

— Ну... если честно, то да. Будет что вспомнить. Может, кто-то книжку про это напишет.

— Про нас? Вряд ли. — Я откинулся на спинку, машина убаюкивала после практически бессонной ночи. — Кому это интересно? У нас же не такой движ, как в четырнадцатом, шо мы тут? Сидим, курим, шмотки стираем, в наряд ходим, стреляем иногда.

— Ну как сказать... Ты прав — и не прав одновременно. — Мы переехали железнодорожный переезд на въезде в Донское, проскочили возле какого-то пруда и начали подниматься к девятиэтажкам. — Гля, рыбу ловят на льду... У нас, конечно, странная и дурацкая служба... но мы ж ее не выбирали. Я, когда шел, как и все, не знал, куда попаду. Да и ты тоже. Завтра будет приказ — и попиздуешь ты аж бегом на броне, и будешь с тоской вспоминать это втыкание на опорнике, да?

— Ну да... — я отвернулся к окну.

Санчо был невероятно прав, смотря ровно на три месяца в будущее.

* * *

Вова-равист, о чудо, был на месте, и буржуйка в палатке наочегарена была так, что меня мгновенно прошибло потом, дохнуло жарким, спертым воздухом, я аж покачнулся. Саня, заместитель Вовы, калатал какую-то бурду в железной круж-

ке, палатка УСТ-56 в основном состояла из коек, стоявших на палетах, и каких-то кривых стеллажей, на которых лежали горы бумаг вперемешку с какими-то шмотками.

— Вова, у меня такое чувство, шо у тебя не РАО, а строевая. Бумажек — как грязи. Здоров. — Я подошел к низкому раскладному столику, скинул рюкзак и расстегнул верхние пуговицы «горки».

— Здоров, Мартин. Кофе хочешь?

— Хочу, но потом. Дядя, мне от тебя тре две вещи, и за вторую нарисовуется «Шабо». — Я положил на столик два рапорта и пододвинул к рависту. — Вот, короче. Дви биг-мак меню с колой, силь ву пле.

— Юморист, — мрачно сказал Вова и поднял первый рапорт. — Четыре ящика ОГ-9. Ты сам?

— Не, пацаны снаружи курят.

— Васюм с вами?

— Нет.

— Фуууух... Тогда РМТЗ предупредить не буду, — выдохнул Вова. — Саня! Бросай свою чухню, выдай красивым пацанчиками четыре ящика ОГ-9. Вторая палатка, справа. Тока проверяйте.

— Иду, — хрипло сказал здоровый Саня, вытащив чайную ложку, зажмурился и опрокинул в себя содержимое кружки. Несколько капель упал на зеленую куртку, которая служила подстежкой под парку. — Ууууу, бля! Фууууух...

— Шо це? Зелье приворотное? — я покосился на Саню, мотающего головой и вытирающего слезы. — Не, Саня, красивше ты не стал. Не работает.

— Та не... Простудился чего-то, вот, травы настаивал себе.

— На чем настаивал? На бензине?

— На «сэме». Фуууу, бля, аж в глазах потемнело...

— Ну-ну, давай, самолечение вредно для печени, гиии. Там снаружи «лендик» стоит, возле него Санчо и Доки, выдай им, плиз.

— А шо второе? Миномет наконец-то у комбата выпросили? Нормального нема, сразу говорю. — Вова проводил глазами широкую спину Сани и перевел взгляд на меня.

— Не, хуже. Пистолет имени Макарова, калибром девять мэ-мэ. Тока дай нормальный, а?

— Хуяссе. За шо это такие предпочтения? — Вова подозрительно на меня посмотрел. Ему пистолет не светил ни при каких обстоятельствах.

— Комбат сегодня у доброму гуморі, — пожал я плечами. — Да и войнушка ночью была, чуть опорник не потеряли. Танки, пехота, огонь артиллерии... короче, еще чуть-чуть — и пизда. Для укрепления боевой мощи треба срочно «пэ-эм».

— Расскажи, а? — как-то даже жалобно попросил Вова и пошел куда-то в угол палатки. — А то сидим тут как черти, нихера не видим, тока ебут каждый день...

Пока я в красках описывал события последних дней — Вова кричал, копался, грохотал крышками двух железных ящиков, ругался и шелестел промасленной оберточной бумагой. Я увлекся, аж пока в палатку не заглянул Санчо, раздвинув ткань стволом АКС-а.

— Погрузились, можем ехать. Ты долго?

— Не, пять минут. Шо там Доки?

— Страдает.

— Таки похмелье?

— Говорит, что нет, но пиздит. Мы в машине.

— На! — Вова развернул желтоватую бумагу, и на стол выпал ПМ с двумя магазинами. — От сердца отрываю.

— Ого... Тысяча девятьсот шестьдесят девятый год. Херр-расе, на одиннадцать лет старше меня... И шо оно, стреляет?

— Аж бегом. Почти нульц. Та бери, хороший год был, урожайный. Нормальный пистолет. Патронов сколько в рапорт вписывал?

— Двести. — Я взял пистолет, отвел рамку, спустил, пощелкал предохранителем, потом спусковым крючком. «Пэ-эм» сыто лязгал. Вогнал магазин в рукоятку, снова взвел — пистолет послушно встал на задержку. — Ты гля, и правда работает.

— Как вы заебали этими вашими цифрами... ну откуда я тебе двести патронов наколупаю? Короче, бери цинк, в накладную я впишу. Нормас?

— Не, не нормас, — я открыл рюкзак и вытащил бутылку «военного Шабо». — Вот теперь нормас. Спасибо, дядь Вова, уважил.

— Накладные подпиши — и катитесь вже. — Вова быстро заполнил две пары бумажек непременно черной ручкой. — На тебя или на Васю?

— На Васю пиши. — Я расписался Васиной подписью, бережно разложил накладные на столике и достал тетрадь «формы-двадцать-шесть-по-РАО». — Я тогда сразу их и впишу, лады?

— От красавя. Сразу видно штабную культуру. А то эти, бля, заберут, потом потеряют, потом формы нихера не бьются... — похвалил меня Вова и с хрустом открыл коньяк. — Я по пять капель, чисто номенклатурно. Пиши-пиши, не отвлекайся.

Я вписал ПМ в форму, а двадцать четыре выстрела к «сапогу» — в другую тетрадку, поменьше. Поставил число, еще раз проверил номер пистолета и достал военник. Открыл его, нашел страницу с «особистой зброєю», вписал и туда «пэ-эм» и снова расписался Васиной подписью. В привычку, однако, входит...

Встал, опрокинул в себя пятьдесят грамм той бурды, которую мы называли коньяком, и пожал Вова руку. Равист скривился, потряс головой, подкурил сигарету и махнул мне «иди давай». Жаркий воздух окутывал нас, белый утеплитель палатки едва колыхался, нависая сероватыми волнами над печкой, узкими койками и кипами бумаг.

В углу завозилась кошка.

* * *

— Отут нормально будет. Занимайте позиции. Мартин, связь дай со Шматком.

Пацаны расползлись с тропинки, Стелс махнул Маре рукой и ушел вперед, скрывшись за холмом. Я привалился к этому же холму и вытащил «баофенг».

— Мурзик, прием.

— На связи. — Слышимость была нормальная, но по рации я только маяковал, что мы готовы, потом общаться будем по секретной военной связи «Леново», то есть по телефону. Цифровых «моторол» у нас не было, поэтому возблагодарим же компании сотовой связи за поддержку боевых действия ЗСУ «на лінії бойового зіткнення». — Машину прогріли, можемо їхати, як скажеш.

— Плюс. — Я перевернулся на живот и подполз к Танцору, лежащему с темно-зеленым биноклем в руках на вершине холмика, возле чахлой акации. — Пацаны на месте, можем начинать.

— Набирай его, и пусть на связи будет. Я скажу, когда.

— Яволь, майн фюрер. Шо там, движ есть?

— Нема. И буржуйка не горит. Бля, де они все?

С северной стороны «серого» террикона прекрасно просматривались и дачи Березового, и дорога, и «крест», на который мы ходили... тью, всего несколько дней прошло, а кажется — месяц. И СП-шка сепаров, которую мы прошлый раз видели снизу.

Может, дело в погоде? Тогда минус двадцать было, а сейчас — плюс три. Еще пару дней такой температуры — и снег окончательно сойдет, превратившись в дикую грязь.

Там, в березовой роще, в которую мы зашли по пути к этому холмику, была лежка. Два каремата за парой удачно упавших березовых стволов, пустая банка из-под российского сухая, несколько патронов, оттаявшая уже бутылка с водой. Стелс сползал к северо-западному краю, ни черта там не нашел, и уже позже, на тропинке, мы увидели следы крови... немного, и несколько капель на ветках голых деревьев. В кого-то мы тут таки попали, точнее не мы, а пацаны. Чи Ярик с Хьюстоном, чи с АГС-а нормально навалили. Тут, возможно, погиб человек, но пацаны посмотрели с легким любопытством, потрогали посеченные ветки, пожали плечами и осторожно пошли дальше. Недалеко, несколько сотен метров — и вот прекрасная точка для корректировки. Итаааак... сейчас мы будем пытаться из нашего «сапога» изображать миномет. Мааленький такой минометик.

— Шматкоооо... — я прижал телефон к уху. — Как слышимость?

— Нормальна, давайте вже, а то шось я призадовбався.

— Выстрелов много скрутили?

— П'ятнадцять.

— Ну так заряжай.

— Ну так заряджено вже. Приціл на вас, дальність два-з-половиной.

— Жди, — я поднял голову. — Танцор, пацаны готовы.

— Щас. — Вася сполз по пожухщей траве чуть ниже, безбожно пачкая софтшел, и достал свой телефон. — Мастер, шо у вас? Две? Третья будет? Тогда ниже ставь, на тропинке, мы раньше спустимся. Да. С первым выстрелом, и встречаемся у «Газели». Ага. Давай.

— Работаем?

— Не подгоняй... Есть, есть движ. Там они, по крайней мере, один, тока шо вышел и зашел. Вогонь.

— Во-гонь, — повторил я в трубку.

* * *

Бах!... и свист. Непривычный, странный, чарующий... Удивительный. Граната ОГ-9, разогнанная по стволу СПГ-9 старым советским пороховым зарядом, взмыла в небо и по пологой траектории понеслась над терриконом. Она должна была пролететь почти над нами, но я не заметил этого, вжимая телефон в ухо и стараясь не выглядывать вниз. Тут есть кому смотреть, мое дело — связь держать.

— Перелет, — спокойно сказал Вася. — Угол посчитать не могу. Прицел на два-триста.

— Ставь два-триста, — буркнул я в трубку.

Шматко не ответил — и через две секунды новый выстрел, новая граната каплей пробивает небо.

— Перелет. Два-двести. Пни Стелса.

— Шматко, два-двести. — Я сменил телефон на рацию: — Стелс, шо за хуйня?

— Сам не знаю, — захрипела рация. — Разбираемся.

Эти слова обозначали, что с восточной части террикона, куда ушли Стелс с Марой, ничего и никого нет, все спокойно, можно работать дальше. Отлично, продолжаем. Мне начинало это все нравиться... все ж лучше, чем ходить по опорнику и изображать из себя военного со спектром задач «расставить наряды — расписать отпуска — проверить пайки».

— Дальность нормас, левее... ну, пусть четыре тысячных.

— Вася, там Шматко, а не Крис Кайл.

— И как ему сказать?

— Шматко, — я переложил трубку к другому уху. — По-лоторота влево.

— Прийняв, — наконец-то отозвался старшина, и «сапог» снова ухнул, выпуская очередную гранату. Ах, как оно свистит... блиииин. Словами «класс!», «круто!» и «ахренеть!» ни черта не объяснить...

— Норма, так нехай и наваливает! — Вася не отрывал глаз от бинокля. — Таааак... Есть «бэтэр».

— Нахер он выехал, бля? — удивился я. КПВТ «бэтэра», учитывая то, что мы находились выше на пару десятков метров, был вообще не актуален.

— Ну они ж поняли, шо СПГ валит. Ближайший и единственный наверняка им известный гранатомет — на четырнадцатой... значит, решили пацанов наказать, сейчас подскочат до перекрестка, вывернут и расчешут опорник.

Бах! Новая граната... эх, жаль что не вижу, как падают... Блин, граната долго летит, дольше гораздо, чем летела бы от перекрестка... могли ж сообразить... а хотя да, в запале я бы и сам не сообразил.

— Точно, «бэтэр»! — Вася сполз ниже и опять приложил телефон к уху. — Саня? Все, он поехал, встречай, дорогой!

В нескольких сотнях метров от нас, прямо посреди дороги, стоял кусок акации, подпертый несколькими палками. Возле него была набросана груда тряпья. Если сильно не всматриваться, даже в прицел — «сапог» сапогом и кто-то из расчета рядом. Настоящий гранатомет был рядом с дорогой, буквально в нескольких метрах, врытый так, что над землей ствол

торчал буквально в десятке сантиметров, и возле него скорчился высокий бородатый старшина, поглаживая верньеры наводки.

В казенник «сапога» был заряжен «куммулятив».

Граната упала на дорогу, с недолетом метров пять до СП-шки, и тяжелая машина рванула вперед по асфальту, проскакивая в паузу между выстрелами, выходя из зоны поражения. Я, само собой, не утерпел и высунулся, без очков было, конечно, хуже видно, но все же... На броне, само собой, никого не было, черная черточка пулемета пошла направо, чтобы сразу выйти на нужный угол, когда машина выскочит на перекресток. Сто метров. Пятьдесят...

— Сейчас! — рывкнул Вася в трубку, когда до перекрестка остались считанные метры.

«Бэтэр» выкатился и резко тормознул. КПВТ тут же застучал короткой, чуть повернул и снова выпустил очередь... прямо в дрова, изображавшие гранатомет. Белая дымная полоса протянулась вдоль дороги... Бах! На носу «бэтэра» сверкнула яркая вспышка. Машина отпрыгнула назад и покатила задом, виляя по дороге, быстрее, быстрее... Бах! БТР почти въехал в очередной разрыв нашей ОГ-9, снова вильнул, уже сильнее, вломился задом в кусты, задрал нос, и забуксовал.

— Шматко, сколько еще? — я снова прижал к уху телефон и поежился.

— Дві... — «Бах!» Шумоподаватель телефона отлично справился с выстрелом, я почти ничего не услышал. — Уже одна.

— Давай последнюю туда же — и по норам. Мы валим.

— Саня, ранил, но не убил, — сказал Вася в телефон, выслушал ответ и хохотнул. — Красава, они там кирпичей отложили. Давай. Потом обсудим... Мартин, набери Мастера... ааа, нет, он смску прислал. Все, они у Газели, ждут.

— Танцор, я Стелс, мы разобрались, тут херня какая-то... — прошамкал «баофенг». Это значило, что Серега увидел какой-то сепар-движ, который его обеспокоил.

— Ладно, Стелс, забей, потом перетрем, — ответил Вася, забрал бинокль и начал сползать вниз. — Все, пацаны, ждем разведосов и валим...

Тропинка виляла, и я поневоле задумался, сколько ж сепары тут ходили, если натоптали такую дорогу. Вася быстро шел впереди, я спешил за ним, иногда переходя на бег, цепляя плечами ветки и поскальзываясь на наледях. Сейчас все упиралось в то, сообразят ли сепары, шо это было, а если сообразят — то как именно ответят. Ввалят по нашим опорникам минометкой?

— Как думаешь, минометкой ввалят? — спросил я, задыхаясь, у Васиной спины.

— Та мабуть. С «дэ-эр-гэ» у них явно не очень то получается... — ответил Вася, не оборачиваясь, и выскочил на открытое пространство. Свернул правее, начал спускаться по промоине, я обернулся назад.

Парни шагали почти след в след, одинаково пригибаясь от веток, осматривая дорогу, склоны и иногда оглядываясь. Последним шел Мара, привычно улыбаясь. Стелс увидел меня и махнул рукой вбок, тоже улыбаясь до ушей. Я остановился.

На самой верхней точке, на гребне старого отвала, который мы по привычке называли «серым» терриконом, поднимался, хлопая в потеплевшем воздухе, на добрых три метра флаг Украины.

Внизу, у начала тропинки, точно так же, как и все мы, улыбался Мастер.

* * *

— ...не, я, конечно, не заржал, но комбат, мне показалось, сейчас вдавиться від сміху. — Вася помотал головой. — Сцуко, я ж просил... аааа, бля, кому я говорю...

— Лично мне бы понравилось. — Я включил левый поворот, съезжая с трассы в Дмитровку. Снова, как и вчера, только теперь мы ехали на перегруженной «Лягушке» и за рулем был я.

— Ну само собой... — хохотнул ротный. — «У складі Інострaнного Лeгіону приймaв участь у нaціoнальнo-визвoльних

змаганнях...» Бльо... Я думал, Викторыча на куски порвет. А замполит меня, думаю, не расстрелял прям там, чтобы торжество не портить. Зато потом я выслушаааал...

Пацаны сзади переговаривались, шурша пакетиками на ногах — грязь таки развезло, и при выезде с опорника Дизель обмотал новенькие рыжие берцы, обутые им для награждения, в какие-то пакеты. Как это принято в войсках — это тут же приняло масштабы морового поветрия, в результате которого все, кто ехал сейчас в машине, исключая меня с Танцором, были в кулечках, обмотанных вокруг нижніх кінцівок.

Осень победила, температура была уже плюс пять, машин на трассе прибавилось, мы скатились в село и потащились по дороге. От дома, возле которого вчера кучковались машины, орала музыка, слышная даже в салоне, и толпа народа валила со двора, размахивая руками и растягиваясь по всей дороге.

— Свадьба, — сказал Вася. — Пела и плясала. Притормажуй, бачиш, по всей дороге идут...

Я начал притормаживать, и в какой-то момент машина оказалась окружена возбужденными и выпившими людьми, одетыми в стиле «все новое надену сразу», перевязанными какими-то полотенцами и выкрикивавшими что-то приличествующее моменту. Ехать я дальше не мог.

— Шановные! — Вася закрутил ручку, опуская стекло. — Поздравляем, конечно, и все такое... проехать дайте!

— Ой, мальчики! За здоровье молодых — чарку-чарочку! — В салон тут же сунулась какая-то женщина, покрасневшая, возбужденная, дышащая свежим и густым перегаром.

Мою дверь кто-то распахнул, я воткнул первую передачу, но перед машиной стояла какая-то девка, как и все — веселая, пьяная, слегка агрессивная и при этом странно-симпатичная, пришлось снова выжать сцепление и держать ногу на тормозе.

— Свадьба у нас, у Максима и Натальи! — крикнул кто-то, и толпа опять заголосила-заволала. Меня потянули за «горку», со стороны Васи кто-то схватился за глушитель его АКС-а, сзади заволновались пацаны, не видящие, что происходит... Всё, как сказали бы в американском кино, «выходило из-под

контроля», и тут было не американское кино, тут был Донбасс конца пятнадцатого, и хер его знает, шо тре було делать — чи то стрелять, чи то чарку пить...

Я потянулся, чтобы захлопнуть дверь, и увидел высокого молодого мужика, который вчера плевал вслед нам. Он стоял возле машины, в темно-сером костюме, сидевшем на нем, як фрак на начпрODE, и смотрел на меня абсолютно трезвыми глазами, спокойно, чуть прищурившись, словно через прицел, смотрел прямо, не отводя взгляда. Я думаю, если бы он мог, он бы выстрелил в меня сейчас, с таким же спокойным лицом.

— Максим? — спросил я, и он кивнул. — От машины отошел бегом.

Он снова посмотрел на меня... в это время Вася выдрал глушитель из чых-то липких пальцев и произнес «пацаны, хуйня какая-то». Сзади тут же защелкали затворы. Еще не понимая, что происходит, не видя угрозы и только слыша какую-то возню вокруг машины, пацаны были готовы открыть огонь чуть ли не сквозь борта, и я на секунду представил себе это: зеленая машина, стоявшая посреди дороги, и десятка два людей, валяющихся в крови вокруг... Какое-то Тарантино, ммать его.

— Газуй! — толкнул меня Танцор.

— Девка...

— Газуй! — рявкнул Вася, и я послушно отпустил сцепление, дернул дверь, машина покатилаь, и пьяный веселый народ почему-то расступился, мы выехали и прибавили газу. Мужик остался сзади, но его взгляд все не шел из головы, я аж помотал башкой, отгоняя дурные мысли. Фу, бля, привидится такое с недосыпу...

Позади Максим приобнял невесту... точнее, уже жену и посмотрел вслед машине. «Мы вас всех перехуярим!» — хотелось ему сказать, даже крикнуть, но с губ не сорвалось ни единого слова. Максим женился не так, как было принято по новой моде, — не в Докуче, в парадной «горке» с аксельбантами, медалями и с георгиевками везде, где надо и где не надо, а тут, на укропской стороне, спокойно. Максим через несколь-

ко дней вернется обратно и узнает, что из его разведгруппы обратно не вернулся никто... и что эта случайная сцена на декабрьской расплывающейся дороге — это вроде как знак свыше, намек от Бога, который уже задолбался им, сепарам, намекать.

— Фууу, я стреманулся — капец, — выдохнул Танцор и поднял стекло. Пацаны переговаривались, возбужденно гомоня. — Товарищи вояки! На предохранитель поставьте ружбайки, будьте так любезны!

— Та ми й не снімали... — раздалось сзади. Потом щелкнула пара предохранителей, Вася покачал головой, повернулся ко мне и посмотрел долгим взглядом. — Знервував?

— Та не особо.

Я со второго раза переключился на четвертую, и тяжелый бус покотился на выезд из села.

— Да? — поднял брови Танцор. — Тогда пистолет спрячь.

Я опустил глаза. В правой руке, которой я так неуверенно толкал рычаг передач, был зажат «пэ-эм».

Тінь

Я прокинувся серед ночі.
Як завжди — останні три роки.
Підвівся випити води,
Зробив перші непевні кроки.

Та побачив тінь у кутку,
На кухні, біля вікна.
Вона просто стояла без руху,
Дивилась на зорі — прозорі.

Я протер свої втомлені очі.
Що ж не привидиться проти ночі!
— Ти хто? Та що ти забув?
Тут, де я своє щастя взув.

— Ти не впізнав мене, брате?
Шкода...
Та я без образ.
Ми тут давно вже не бачимо дна.
Я все пам'ятаю, все бачив:
ти до труни підійшов, зубами скрипнув,
у небо гиркнув та...
Та далі пішов...

— Ні!!! Це неможливо...
Я ж бачив твої заплющині очі,
Бліде чоло та чув щоночі,
Як твоя мати, мов звір, реве!
Та якось дивно тебе на ім'я зве...

— Так. Я не завжди «Швидкий» був...
Мене колись батько “качням” нарік.
А мати сміялась — казала, що через рік,
Я підросту, сил наберусь
Та на лелеку перетворюсь...

Я не один, нас багато:
Всі наші — хлопці, дівчата.
Ми пішли — нас нема...

Але Ви! Вам є, що втрачати!
Вам треба жити, творити,
Закохуватись навесні!
Та до нестями любити.
За мене, за нас:
Тих, що блукають де хмари.

А Ви! Ви втомились...
Там, де наші серця зупинились...
Ви дуже та сильно втомились!
Втомились читати новини, як міни вбивають,
Як матери тихо над дітьми ридають.
Ви втомились! Ми бачим, як вам
Все важче і важче припасти до ран.

Ви вже й домовлятися ладні!
З тими катами!
Та блазні
Вам обіцяють все «порішати»,
Всіх примирити та просто простити...

Я без образ... Ми прикриєм, як вмієм.
Не завжди встигаєм, та завжди радієм,
Коли відвертаєм від серця чи скроні
Ворожої волі сталеві долоні.

Ми не чекаєм від вас поклоніння,
Нам головне — не згубить покоління!
Не згубить ви той шанс віковичний,
Він випадає не завжди довичний,
Він не питає, чи ви вже готові!
Він просто кане в сторіччя у крові...

.....

Я схаменувся.
Тінь розчинилась.
Серце тихенько, повільно забилося.
Морок розвіявся, сонце вставало.
Доля за рогом байдуже чекала.

*Володимир Шевченко,
учасник війни,
син, муж та батько.*

**ЭПИГРАФ,
чи как оно правильно называется.**

(Правильно называется
ЭПИЛОГ, мой дорогой чёртов пехотинец!
Твой редактор ☺)

Три месяца спустя

...и «бэхи» кивнули, как умеет «кивать» гусеничная техника, резко притормаживая перед препятствием, какие-то легковушки резко подались в стороны, буквально выпрыгивая из очереди машин перед КПВВ, взревел двигатель, клуб черного дыма взметнулся из выхлопного отверстия — и боевая машина весом в добрых тринадцать тонн пошла-полетела через трассу «Донецк — Мариуполь», порывивая-позвякивая, возвышаясь над гражданскими тачками, рывками подруливая и пытаясь угадать между растущими на обочине тополями, голыми и унылыми.

Вторая машина втиснулась, четь не снеся зад мелкой «нексии», водитель выскочил из-за руля, и Серега Президент, улыбаясь во весь рот, показал сначала на него, потом на себя и на АКМС. Водитель проорал что-то, рот открывался, но ни черта слышно не было, и мы промчались мимо, оставляя только следы грязи с гусениц и тошнотворный запах горячей соляры, да еще, пожалуй, ореол ненависти, который висел над нами, над всеми Збройними Силами України, при встрече с людьми с «той стороны».

«Бэхи» соскользнули на поле и, став точно на следы «бэтэра», прошедшего тут полчаса назад, плавно пошли вперед. На восток. Танцор отпустил какую-то железку, в которую пришлось вцепиться при переходе трассы, скинул предохранитель АКС-а, дослал патрон в патронник и щелкнул скобой обратно. Пушка передней БМП-2 смотрел четко по ходу движения, башня второй машины чуть повернулась направо, удерживая на прицеле маленький террикон на юго-востоке, и кто-то чуть не слетел в грязь. Вася привстал и посмотрел более внимательно на вторую машину — там Мартин, сидевший прямо на башне, увидел его и поднял руку с поднятым большим пальцем.

Впереди показался идущий навстречу БТР-80 разведроты семьдесят второй бригады. Сверху на машине сидело несколько разведосов, за башенкой с опущенным «по-боевому» пулеметом зачем-то лежала грудка масксети. Когда до встречи оставалось метров пятьдесят, сидевший сверху на «бэтэре» здоровый мужик поднял руку, восьмиколесное чудо чуть вильнуло, и машины остановились друг возле друга. Водила второй «бэхи» чуть зевнул, и броня остановилась рывком, чуть не врезавшись в корму передней БМП. Двигатели трех машин фырчали на холостых.

Танцор перескочил прямо на «бэтэр», и Скот, командир разведроты семьдесятдвойки, вместо слов показал назад. За башней то, что казалось огромной смятой масксетью, оказалось рулоном, конечно же, этой самой сети, из которой торчали две пары черных ботинок. «Не наши вроде», — отметил про себя Танцор и поднял глаза выше. На рулоне сверху сидел высокий и здоровый молодой хлопец в «горке» и понтовых перчатках с обрезанными пальцами и улыбался. Ботинки шевелились.

— Тятя, тятя, наши сети притащили двух уёбищ, — сказал Скот и ткнул ногой по ботинку. Тот заворочался.

— Це шо? — Танцор обернулся. С двух его БМП-2 шестнадцать человек с детским любопытством рассматривали улов.

— Два кренделя из себя «секрет» изображали. Наши взяли, без втрат, тока одного поцарапали. — Скат неожиданно посерьезнел. — Это я Славяна попросил, чтобы вас сдержнули. Хотя первоначально мы, по идее, сами справились бы, шестая рота завтра заходить должна.

— А шо так? — Танцор сунул в рот сигарету и с силой потер глаза. — Я ж тока за, тока вот Славян мне забыл сказать, шо тут происходит. «Бегом выдвигайся, выйди на Ската, он все скажет». Мысль ясна, ну вот давай теперь. Говори.

— Говорю. — Скат тоже достал сигарету и стал разминать. — Мы зашли ночью, ну ты, наверное, знаешь. Наших десять плюс комендачей десять, херня, короче. Там, кстати, возле дороги МОН-ка стоит, шо семьдесят третий центр по зиме ставил, смотри не трогай.

— Хуй там, — тут же сказал Вася. — Кто снимает, того и МОН-ка.

— Ну и хер с тобой, хоч подавись, — махнул рукой Скат. — Главное, не подорвись. Короче, зашли мы хорошо, но оказывается — днем там «секрет» на отом, — Скат снова махнул рукой, но теперь в сторону светлого террикона. — И вот наши их срисовали и взяли. Взяли нормально, но со стрельбой. Пока этих кололи, перехват сказал, шо сепары сообразили, в чем херня, и сейчас нас попробуют выбить.

— Понятно. — Вася попробовал почесать голову, но пальцы заскребли по каске. Как ни странно — полегчало. — Наши действия?

— Основная твоя ценность — это тяжеляк. Подкрепляй моих по факту, как сам решишь, мы от того белого — и до края карьера стоим, до перекрестка, там увидишь. У нас один АГС и один ПТУР с двумя ракетами, у тебя шо?

— «Сапог», два АГС-а, «дашка», ПТУР и... — Вася кивнул назад. — Две штуки «два-а-сорок-два».

— «Бэ-ка» много?

— На «бэхи» — по два комплекта, на остальное — по одному, плюс еще мои подвезут «Уралами». Шесть ракет на «Фэгот».

— Заебись. Все, давай не гони сильно, наши тебя встретят. Пока все вроде тихо, ровно, хер его знает, надолго ли.

— Принял, — сказал Вася, стукнул кулаком в печатке о такой же кулак Ската и перешагнул на свою «двести шестьдесят вторую».

Машина рыкнула и, как обычно, с «кивком назад» тронулась вперед, быстро набирая скорость. Тут же пошла вторая, Танцор осмотрел пацанов, сидящих на «бэхах», покачал головой и сел. Слишком много улыбок, слишком много адреналина, ожидания, жажды, слишком... слишком сильно в голову ударило «идем на восток»... Вася очень хорошо это понимал, потому что сам испытывал то же самое.

Был полдень четырнадцатого марта две тысячи шестнадцатого года от рождества Христова. Збройні Сили України точно, потихоньку, помаленьку отгрызали куски «серой зоны», подбираясь все ближе и ближе к давным-давно оккупированным городам.

Было весело, немного страшно и уж точно — не скучно.

* * *

... а перекресток был уже все ближе, а от разведки, само собой, никого не было, короче, «думай сам». Вася поднял руку, потом сообразил и пнул Козачка. Обе «бэхи» начали притормаживать и в конце концов остановились. Мастер тут же спрыгнул со второй и поспешил вперед, за ним тяжело слез Мартин в почему-то черной каске и зашагал следом.

— Пацаны, смотрите, сейчас, наверное, пешком пройдем вперед и разберемся. — Вася соскочил с машины и отошел к дереву. — Нас тут встретить должны были, но пока шо-то не осилили.

— Заебись, — сказал Мартин. — Все как обычно. А у меня подтяжки расстегнулись, штаны спадают.

— Очень важная инфа. Мастер, хай бэхи ставят под посадку, занимайте оборону, мы с Мартином вперед сходим, разберемся, шо к чему.

— А проебать мы не могли? — проворчал Мастер. Ему не хотелось никуда отпускать ротного, да еще и в сопровождении такого суперматерого бойца, как Мартин. Может, Ярика с ними отправить...

— Хули тут блукать, по следам же шли. — Вася развернулся и махнул рукой. — С машин! Козачок. Козачок, мля!

Сидевший на броне Прапор стукнул Козачка, и маленький хлопец, который сегодня был за водилу, высунулся из люка. Мастер пошел руководить, и люди, спрыгнув с холодного металла, разбегались по посадке, умащиваясь в только им казавшихся удобными местах между акаций. Мимо промчался Ярик, умудряясь размахивать тяжеленным ПКМ-ом, за ним прошел Лом, который нес свой АК под мышкой, как палку колбасы. Ветер и Гала спокойно улеглись в ложбинку, Гала выщелкнул сошки своего РПК и по-хозяйски развалился на прошлогодней листве.

Мы остановились у края маленького террикона, как раз там, где начинался квадрат леса, точнее, посадки — вещи редчайшей на Донбассе, а потому особенно ценной. Вася рассматривал склон, состоявший из кусков камня разного размера («породы» — как сказал недавно Мартин, но так и не смог объяснить, почему это называется именно «породой»), прикидывая его высоту и понимая, что подняться тут не получится. Разве что налегке. А значит, путь все-таки остается один, между терриконом и посадкой, по-другому — никак.

— Все нормально, люди на местах, — подошел Мартин. — Можно было бы и замаскироваться, конечно, но две «бэхи» нас как бы... ээээ... несколько выдают. Пошли?

— Пошли.

Танцор пошел вперед, перевесив на грудь АКС. Так, с автоматом, в броне, да еще зная, что позади — две БМП и два десятка пацанов, было все-таки поспокойней, чем зимой под Докучем. Чисто морально. Мартин догнал и пошел рядом, глядя и вперед, и направо.

— Где разведка?

— Хер его знает. Пошли искать.

— Может, Ската набрать?

— А шо он скажет? Он еще и до Новотроицкого не доехал. Не, тре самим...

Дорога была грунтовой, посыпанной крупным щебнем, идти было не очень-то и удобно, хотя и недалеко. Перекресток приближался, и одновременно Танцор с Мартином расходились на края дороги, приподнимая автоматы и пытаясь осматривать и склон террикона, и густую посадку.

Почти дошли, когда за спиной стукнуло, хрустнуло, и ленивый голос протянул.

— Сто-ять.

— Ого, — сказал Мартин. — Понимаю, шо Бобик, а перестать срать не могу.

— Зброю положили и пошли вперед, — сказал голос, и снова послышался какой-то хруст.

— Воин, ты в атаке-то не охуевай, а? — сказал Танцор. — Подловил ты нас нормально, молодец, теперь давай старшего сюда. Я Танцор, с сорок первого.

— Зброю положи, и вперед. Оба.

Это переставало быть забавным, хотя шанс, что это таки сепар, а не разведос изгаляется, был изничтожающе мал. Хотя...

— Чуеш, дядя. Нахуй ты не пошел бы, а? — Танцор спокойно и плавно развернулся, стараясь не делать лишних движений. — Совсем не шарить? Так ты тока намекни, мы и уехать обратно можем, ебьтесь тут сами.

— Охуеть. — Он таки был один, ну или только один показался. Невысокий хлопец в пиксельных штанах и непонятной расцветки куртке, в «теповском» бронике и с АКМС-ом, направленным сейчас прямо на нас. — Положили зброю, блять, я кому сказал!

— Ну стреляй, — сказал Мартин и почесал нос. — Всех не перестреляете. Слушай, времени нет, все, все, ты показал, какой ты охуенный боец, и как талантливо ты умеешь сидеть в кустах. Иди теперь и поори на настоящего сепара, може, хоч он тебя испугается.

— Зброю, нахер...

— Рота закрив, блять!

Ярик метрах в десяти сзади, возле дерева, держа ПКМ на уровне живота, как Рембо во второй... да во всех частях. Ствол «покемона» смотрел точно в яйца хлопчика.

— Пиф-паф, тебе гаплык, — промурлыкал Мартин. — Стреляй, Ярик, спишем на сепаров. У дяди жінка шістьсот штук получить...

Из-за перекрестка показалось двое, и передний, высокий и худой, махнул рукой и поспешил к нам. Хлопец опустил автомат и теперь стоял молча, зыряка то на нас, то на Ярика. Ярику было пофигу, Ярик улыбался, у Ярика сегодня был отличный день.

— Привет, — поздоровался худой и потряс Васе руку. — Танцор? Хорошо. Де твои?

— Вон, — махнул головой ротный. — Пошли покажешь?

— Давай, — худой обернулся и посмотрел за разведоса. — Ваня, чего ты тут стоишь? Займи позицию, тебя никто не снимал.

— Это он тут в Тарзана играл, — сказал Мартин и вытащил сигарету. — Поражал нас способностями маскировки.

— А. Ну ладно. Пошли? — махнул рукой худощавый и поспешил ко второму, все это время молчавшему.

— Я з вами, — вставил Ярик и, проходя мимо хлопца, наклонился. — Чуеш, товой... Разведка лучче ховається, ага. Зато пехоти всегда больше, гиии...

Впереди вдруг послышались несколько сухих выстрелов, еще несколько — и тут же громкий «бах» прям на перекрестке. Загрохотал «покемон», худой склонился к своей «Хитере», послушал рацию несколько секунд и поднял голову. Вася остановился.

— На перекрестке — направо, и там быстренько занимайте, лады? Шо-то мне это ни хера не нравится. Пацаны говорят, там вроде какая-то техника работает, а наш КПВТ уехал. Давайте, пацаны, по-скоренькому.

— Принял. — Вася развернулся и поднял рацию. — Мастер, это Танцор. На машины и бегом сюда! Начинается.

* * *

... или, может, мы сильно разогнались... ну а как по-другому? Мы были здесь первый раз... да и второпях не обратили внимания на судорожно машущих руками разведосов.

Бэхи повернули направо, почти точно на юг, газанули — и мы, облепившие машины, неожиданно выскочили на перекресток на краю карьера. Танцор только разворачивался, чтобы что-то крикнуть, Мартин встал на броне и... замер.

Огромный карьер, десятки террас уходили в глубину, и... думы. Справа, слева, на обеим сторонам этой невероятной лунки в земле. Вспышки, свист, шипение... красные полосы тянутся откуда-то издалека — прямо к нам, сухие ветки взбрызгивают щепками, подскакивают и медленно падают, жужжание мимо уха, выскерк рикошета — все это мгновенной вспышкой впечаталось в память. Шипение, дурацкий, но такой знакомый звук...

— С брони! — заорал Танцор. — С брони, бля!

Люди посыпались вниз, размахивая руками, стволами, пытаясь не оказаться спереди или сзади бэхи, и Мартин замешкался, по-прежнему не смея отвести глаз от открывшейся картины. Две «бэхи» абсолютно синхронно повернули пушки налево, 2А42 загрохотали, выплевывая тридцатимиллиметровые снаряды куда-то на край карьера. Задняя машина дернулась и, кажется, отпрыгнула на несколько метров назад, двигаясь обратно на дорогу. Передняя вдруг засверкала рикошетами, но этого Мартин увидеть не успел — он пытался превратить свое падение в прыжок, да еще и не рухнуть на камни при этом.

Не рухнуть, конечно же, не получилось.

Машины дергались, рывками подаваясь назад и замирая, когда наводчик давал очередь из пушки, выскерки на броне брызгали нереальным странным светом, мир наполнялся дымом, криками, какой-то беготней, и самое дурацкое — Мартин абсолютно не видел, откуда стреляли, и куда, собственно, стрелять в ответ. Автомат повис на ремне стволом вниз, обвешенный тактикульными прибудами, с раздвижным при-

кладом и легким, легчайшим коллиматором, он сейчас был абсолютно бесполезен, потому что расчетно-наводящая приставка к АКС-у растерялась и не понимала, что делать и куда бежать.

— Март! — дернул вдруг кто-то за рукав с такой силой, что Мартина аж развернуло. — Звоні комбату!

— Зачем? — как-то автоматически произнес Мартин и поправил автомат.

Вместо ответа Ярик махнул рукой вперед, и только сейчас стал заметен столб дыма, медленно превращающийся в облако.

Блять.

Пристрелочная. Через несколько секунд, возможно, будет еще одна, а возможно, сепарская минометка ударит прямо сейчас. Арта. Нам нужна арта. БМП-2 окончательно отползли с перекрестка, вмялись в кусты и остановились, не глуша двигатели. Стрелять отсюда стало уже невозможно.

Блять два раза. Окопов не было, щелей не было, всех укрытий — посадка да камни, которые отлично превращаются в осколки, когда на них падает трехкиллограмовая чушка, набитая тротилом, как баня призывниками. Ни АГС, ни СПГ, ничего из того, что у нас было сейчас, не могло помочь против миномета, стоящего где-то за домами в трех километрах.

Арта так и не появилась. Вместо нее на самую верхушку «Эвереста» вскарабкалась «бэха-копейка», за ней еще одна, и они открыли такой ураганный огонь из своих семидесятитрехмиллиметровых пушек, накидывая везде, где только можно, они засветились такой яркой, лакомой целью, что миномет, кинув нам две мины, перенес огонь на них, высылая в воздух... а нет, это не восемь-два, это сто двадцать миллиметров счастья, и если кто подумает, шо миномет это так, тьфу и растереть, киньте в него тротиловой шашкой и больше не здоровайтесь.

Два ПТУР-а стали по краям позиции, на краю карьера, держа сектора наперекрест, так же, как и АГС-ы. У сепаров заработал еще и восьмидесятидвухмиллиметровый миномет,

все-таки пытаюсь подавить нас, причем заработал внаглую, чуть ли не с того края карьера, но «двести-шестьдесят-вторая», выскочив вперед на десяток метров, отстреляла в его сторону почти сотню ОФЗ и таки, кажись, добилась попадания. Наводчик вывалился из башни и пополз блевать в кусты. Перестрелка стихала, я нес ящик с патронами к «дашке» и думал, чего ж эта скотина такая тяжелая, как мне, системному администратору и начальнику группы хелп-деска киевского отделения южнокорейской компании, удалось вляпаться в эту херню, и самое главное — почему мне все это так нравится?

— Джентльмены... — подошел сзади худой разведос из семьдесятдвойки. Вася недовольно обернулся, потом отступил от пулемета, я бухнул ящик на землю и склонился, открывая замки. Ярик сгорбился, аккуратно тронул стопора, чуть повернул пулемет и, не стопоря его, дал короткую очередь. Б-32 метнулись вдоль края карьера, Ярик удовлетворенно цокнул, резко повернул «дашку» на другой фланг и вдруг зачастил короткими, чуть доворачивая длинное тело «крупняка» по фронту. На головой свистнули трассера — кто-то давал целеуказание на нас, Хьюстон хлопнул Ярика по спине и что-то крикнул в ухо, тот снова дернул пулемет и начал вколачивать пятидесятиграммовые пули туда, откуда во вспышках вылетали трассеры.

— Джентльмены! — снова повторил разведчик, и Танцор перешагнул канаву, подходя к зарослям каких-то кустов. — Поздравляю вас с возвратом очередного куска Украины обратно в лоно матери-церкви!

— Героям слава, — буркнул Вася, потом подумал и таки улыбнулся. — Мартин, лезь наверх и звони Дизелю, пусть выезжают. Нам «бэ-ка» надо.

Слева, справа, позади, да и впереди тоже — из донбасской земли равнодушно поднимались старые и совсем новые, засыпанные комьями земли, камнями и осколками терриконы.

Завтра мы поставим наш флаг еще на одном.

КОНЕЦ

Новотроицкое-Киев, 2015-2019 г.г.

Жене

Посиди со мной ещё немного.
Помолчим вдвоём о самом страшном.
Дай коснуться локона родного,
Даже если с сединой — не важно.

Без брони с тобой я — обнаженный.
Не играя, маски сбросим фальши.
Пепел смоем с душ наших сожжённых.
И сплетём гнездо из тел уставших.

Растворясь в друг друга без остатка
И замедлив времени течение,
Мы сойдёмся в самой древней схватке,
А под утро упадем в забвенье.

И на миг для нас станет неважно
Все, что нашим жаром не согреешь.
Там, где двое, — там уже не страшно,
Если вместе помолчать умеешь...

*Владимир Шевченко, солдат,
предприниматель, сын,
муж, отец и мой друг*

ГЛОССАРИЙ

Так уж вышло, что, начиная с 2014 года, наша Армия резко ушла от привычной совковости — в... я хотел сказать «в НАТО», но таки нет, мы выбрали какой-то свой путь. Опять. И за прошедшие годы возникла совершенно уникальная субкультура — мир АТО/ООС, со своим языком, специфическими шутками, фольклором и неизвестными остальному миру странностями, дико смотрящимися для мирных громадян — и совершенно естественными для нас. Не забывай об этом, уважаемый читатель. Хотя я более чем уверен, что ты знаешь об этом лучше меня.

2A28 «Гром» — пушка на БМП-1, калибром 73 мм. Стреляет боеприпасом ОГ-15 (осколочный) и ПГ-15 (кумулятивный).

2A42 — пушка на БМП-2, калибром 30 мм. Боеприпас снаряжается в ленты, в отличие от 2A28.

АГС-17 «гусь» — автоматический гранатомет, стреляющий осколочными ВОГ-ами калибром 30 мм. Логично, что если у АГС-17 и у 2A42 одинаковый калибр, то для выверки прицела гранатомета можно использовать ТХП (трубку холодной пристрелки), которая входит в комплект БМП-2.

ПГ-25 — подствольный гранатомет калибром 40 мм, иногда устанавливаемый не на автомат, как требует НСД, а на отдельную конструкцию из металлических трубок. Доцільність этого шага все еще выясняется и, вероятно, будет рассмотрена историками через много лет. Возможно, даже станет темой диссертаций, как и установка 82-мм мин на пороховые заряды от ПГ-7 через переходники. Стреляет боеприпасом ВОГ-25.

АСТ — артиллерийская стереотруба. Состоит из двух зрительных труб и деревянной треноги. Что делает артиллерийский прибор наблюдения в пехоте — тайна, восходящая к временам, когда батальон формировался в соседних ППД с артибригадой.

КСП — командно-спостережний пункт. Он есть в роте, в батальоне, в бригаде, и технически — это место, куда сведены линии связи: «тапик», радиостанции, «закрытая» военная связь, видео. Поэтому там тусуется дежурный и иногда, если нам не повезло, кто-то из начальства. Командование боем должно вестись именно из КСП, хотя ведется обычно «откуда получится».

КПВВ — контрольный пункт въезда-выезда. Технически это «микро-таможня» между оккупированной территорией и нашей, через которую происходит движение людей и грузов в обе стороны. Такие же КПВВ есть и у сепаров, только называются по-другому.

РПГ-7 — ручной противотанковый гранатомет, стреляющий гранатами ПГ-7 разных видов. Снаряженный выстрел для гранатомета обычно называется «морковкой».

ПГО-7 — прицел для РПГ-7.

СПГ-9 «Копье» — станковый противотанковый гранатомет калибром 73 мм, стреляющий гранатами ОГ-9 (осколочная) и ПГ-9 (кумулятивная). Обычно эту красную зброю обзывают «сапогом».

СП «эспешка» — спостережний пост, оборудованный окопом-траншеей-укрытием, средствами наблюдения, військовослужбовцем и «зошитом спостереження», который никто не ведет. По традиции на спостережник притягивается ПКМ, потом коробка к нему, потом запас тушла, потом АГС-17 с «улитками», а потом это превращается в маленький ВОП.

ППД — пункт постоянной дислокации подразделения. Казармы, плац, «бажаю здоровья», строем в столовую, четыре построения в день. Ужасное место, даже порадоваться нечему.

ДРГ — диверсионно-разведывательная группа противника. У нас как: если сепары — то «ДРГ», а если наши — то «разведосы, ай красавчики вообще».

РВП — рота вогневої підтримки. По идее вообще не воюет именно ротой, обычно ее состав раздергивают на расчеты «тяжеляка» и раздают в линейные роты. По нашим штатам, слегка некомплектным, РВП отдает часть «тяжеляка» в линейные роты и сама занимает свой кусок Донбасса в зоне ответственности батальона.

РМТЗ — рота матеріально-технічного забезпечення. Не воюет, а обеспечивает. Страх пехотинца — быть переведенным в РМТЗ. Хотя и там есть отчаянные люди, развозящие БК, ПММ, воду, продукты на ВОП-ы и РОП-ы.

ВОП — взводный опорный пункт. Состоит из блиндажей, зброи, СП-шек, путей подхода вида «траншея» и военных, эту траншею копающих.

РОП — ротный опорный пункт. То же, что и ВОП, только... а нет, без «только». То же.

ПТУР — противотанковая управляемая ракета, входит в комплект ПТРК (противотанковый расчетный комплекс). У нас был ПТРК, стреляющий ракетами 9М111 и 9М113, запускаемыми с установки 9П135М. Ракеты 9М113 работали, как в антиукраинском кино «Брат-2», то есть «дают осечки, примерно пятьдесят на пятьдесят».

ПТОР — пункт технічного обслуговування, ремонту. Место, где, по идее, нужно и можно чинить машины и броню. Сакральное место «загибників» — автомобилей, которые никуда уже больше не поедут, а поэтому потихоньку разбираются на запчасти.

ПММ (ГСМ) — паливо-мастильні матеріали (горюче-смазочные материалы).

БК — боекомплект. Но чаще это слово применяется в смысле «боеприпас». Бо боекомплект — это положенное количество боеприпаса на вид зброи.

«Корч» — военная машина, привезенная волонтерами и находящаяся на этапе жизненного пути между «ще походить» и «все, на ПТОР».

«Дашка» — пулемет ДШКМ калибром 12,7 мм.

«Тапик» — прибор проводной военной связи. Самое неудобное и самое защищенное с точки зрения прослушки средство связи на войне.

КБМ — командир боевой машины.

КР («ка-эр») — командир роты.

ЗКВ («ээ-ка-вэ») — замкомвзвода. Сейчас называется «головний сержант взводу». Стандарты НАТО, все такое.

Мартін Брест
ПІХОТА-3
ТЕРИКОНИ

Російською мовою

Формат 60x90/16.

Ум. друк. арк. 20,64. Обл.-вид. арк. 9,58.

Видавництво «ДІПА»,
вул. Алма-Атинська, 8, оф. 107, Київ.

<http://dipa.ukr>

Оптові продажі, тел.: +38 050 493 0088

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5210 від 15.09.2016

Мартин Брест.

Б87 Пехота-3: Терриконы / ДИПА — К., 2019. — 256 с.
ISBN 978-617-7606-31-3

У вас в руках третья книга Мартина Бреста из цикла «Пехота». Книга, где вы увидите обе стороны этой войны, и поверьте — вы будете о-о-очень удивлены.

Он пишет легко и как будто просто. «Как будто» — потому что писать просто всегда очень сложно. Одной из главных особенностей его текстов является умение вызвать чувство сопереживания у читателя. Они затягивают, погружают, помогают влезть в шкуру автора и прочувствовать и его злость, и радость, и страх, и боль, и бесшабашность, и любовь, ну и самое главное — ощущение боя. Но никакая военная проза не может жить без юмора, и автор очень удачно передает широко распространенные на передовой шутки и взаимные приколы в многочисленных диалогах героев его книги.

УДК 821.161.1(477)06-311.6